

Александр Воловик

Фокус стихосложения

© 2018 – **А.И. Воловик**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

Эта книга представляет собой собрание избранных стихов А. Воловика, в основном, опубликованных в его книгах:

*«Сам себе автор», М., «Авиатехинформ», 1996;
«Договоримся о воздухе», М., «Новая поэзия», 2006;
«Контаминация литер», Таганрог, «Нюанс», 2010;
«Цмуксу», Таганрог, «Нюанс», 2011;
«Похвала алфавиту», Таганрог, «Нюанс», 2012;
«Слово за слово», М., «Вест-Консалтинг», 2013;
«Углеглазая мгла», М., «Новый хронограф», 2014;
«Потому что», М., «Вручную», 2017*

САМ СЕБЕ АВТОР

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

* * * (1990)

Январский вечер, но – почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвется в щёлку. Но почти – весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Ещё провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

* * * (1993)

Шрифт включает Ё и знак вопроса,
circumflex'ы и *accent aigues*,
символы Ω -переноса
и значок, похожий на серьгу*.
Их, конечно, вытерпит бумага.
В сущности, по-честному, – экран...
Впрочем, есть и принтер...
Вот ума бы!

Памяти хотя бы миллиграмм...

Ведь при этом, значит, переносе
(пресловутом) чистится регистр.
В общий нуль идут: партайгеноссе,
бомж, и академик, и министр.
Переменят плоть и вор, и ангел.
Рыцарь нов, но тот же щит его.
Внешний мир один инвариантен:
косное бессмертно вещество.
Жизнь – иное. Суета и смета,
и – экстаз... Короче, это – Я.
Литеры унылая гамета.
Знойная зигота бытия.
И из этих кубиков, как фраза,
vita nova – сладостно горька.
Фабула единственного раза.
Форма прозябания белка.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)

Бездедушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршалский титул *маэстро*,
а – набор инструментов: палитра, блокнот, метроном.
Бездедушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?
Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное *forte* заменит на робкое *piano*...
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.
Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинён и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.
И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив неразменный на зло и добро сувенир –
пусть останется горькое сладким и чёрное белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!
Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает маэстро
и торопится к двери – пока не закрыт гастроном.

* * * (1991)

Любитель зелёного и голубого,
любимец небесного, но и земного,
я знать не хочу, из кармана какого
я выну последнее слово,
горсть литер, дремавших дотолё в спецхране.
Для смеху оно, для любви или брани
мной набрано будет на синем экране –
я знать не желаю заране.
Но мне интересно: когда это будет,
заметит ли небо, земля ли осудит,
остудит ли время, узнают ли люди
меня в этом чуде.

И юде.

* * * (1994)

но зато – дуэт для скрипки и альты!

Д.Самойлов

Трио для принтера, клавиатуры, экрана,
будучи начато, в общем, достаточно рано,
за полночь выдаст последние такты финала –
два-три листа распечатки, и это немало.
Два-три листа... Но с нуля таки тикает таймер.
Скрыта в *программном продукте* гармонии тайна.
Пусть эта тайна о частном, своём, не о сущем...
Два-три часа, и последний автобус упущен.
Паника дома. Квартира, как паникадило,
двор освещает и улицы даль, чтобы было
как бы светлее на скользких дорожках фортуны...
Но – для экрана! для принтера! клавиатуры!..

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести – трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь...
А не *покажется* роман – сжечь!
Какая скука – лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.
Волхвов наитье – прототип строф...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет –
ни иероглифов, ни альф, бет...
Гермес. Слетает с язычка текст:
«ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».
Баян, на каторгу струны сев –
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун – в Стикс¹!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок –
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина – чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что – вдохновение! – В висках кровь...
И – тем не менее – каскад строф.

---

¹ Здесь: Днепр etc

МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)

Жил бы от получки до получки,
всё менял бы трёшки на гроши.
Но – головоногие моллюски
завелись в извилинах души.
Две ноги по нашим меркам – малость.
Устоять – ни-ни!.. И потому –
столько осьминогов присосалось
к радости и страху, и уму.
Я листал бы вяло жизни книгу
мимо треволнений и тревог,
если бы не складывался в фигу
самый мой карманный осьминог.
Да к тому ж они полны чернила,
брызжуются... То кляксы, то слова...
Ихний слог недавно похвалила
лично Каракатица сама!
Только главный спрут – *любви и секса* –
весь в подкорку вкопан, и – не зря.
Он – уродец: в нём для крови сердце
вместо – для чернила – пузыря!
Посреди собратьев говорливых,
хитренький, себе он на уме...
Вот и я поэтому не лирик,
а большой любитель – в *буриме*.

МУЗЫКА (1985)

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
До удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвётся аккорд у сопрано в утробе...
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.
И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка...
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело...
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фракные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной *какофон!*
Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебеда – благо для гитик науки:
как сулил постулат – он не сдох, пока не досипел
К пароксизму прогресса поспели смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры –
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

* * * (1975)

Поэзия – это шкаф.

Д.И. Хармс

Он приходил домой, певец абсурда,
постель из слов стелил он на полу
и камни многозначные лежали
ничком на перевёрнутой строфе.
А у него в окне светило блюдо,
и шкаф скрипел на рельсах голубых,
и пудель тёр хорошенькую морду
о розовый кирпичный абажур.
Курил он кошку, серую как трубку,
как воздух – из окошка выходил.
Но ночь над Невским серая стояла,
где был когда-то Пушкин. *И – убит.*

ИЗ ПЕПЛА (1988)

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весною.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек...
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес бластного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле...
Бессмертные мои произведения
из лично моего восстанут пепла!

ПАМЯТНИК (1985)

Exegi monumentum...

Когда, локтём круша цивилизацию,
я насмерть вжат в автобус, в самый пик,
то чувствую, что ближе стал к Горацию,
точней, к тому, чего он там воздвиг.
Что ж мне – заobelиски что ли прятаться!
Для пантеона я созрел почти.
Вот мой проект: вишу под 30°,
в руке пятак и в воздухе очки.
Вокруг, как подобает, предстоящие –
скопленье сумок, туловищ и шей –
и выставка красивых, как по ящику,
отечественных в том числе вещей.
Глядел бы век – вздохнуть бы мне сподобиться...
Гораций! Вам бы жить при НТР!..
Гораздо те мудрей, кто вне автобуса,
владельцы «Мерседесов», например.
Как жаль – меня когда-то не заметили,
а то и мне бы в «Жигуле» – лафа!
Ведь я ж не хуже их, и междометием,
даст бог, не зарастёт моя строфа!
Но мне бензином их не оскоромиться...
Вишу – не отоваренный *фирмой*,
и истекает чей-то фарш сукровицей
на монумент *нерукотворный* мой...
Пусть мудрецы вершат свои деяния,
мне не до них: и у меня – дела.
Да мне и изваянье – подаяние,
и уж подавно – не до барахла...
Но есть такие вещи, друг Горацио,
какие – ты, конечно знаешь сам,
которые всё снятся нам и снятся нам,
всё снятся нам и снятся, мудрецам.

* * * (1990)

Коли можешь не писать – не пиши.

Л.Н. Толстой

Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
Лев Николаевич были бы мной недовольны.
Лучше пахал бы, мозолисто сжав рукоять.
Лучше тянул бы баржу вдоль по матушке Волге.
Лучше вертел бы баранку да шашни крутил.
Строил бы хлев и дитёнку строгал бы баклушки.
Что ж тебя тянут потоки сгущённых чернил?
Рифмы какие-то... Ты не срамился бы лучше.
Лучше б возил по деревне бочонок дерьма.
Всё ж золотарь, не чета дураку графоману.
Лучше б паял да лудил. И не те времена,
чтоб за строку поднесли тебе хоть по стакану.
Лучше бы в вольном эфире шукал Би-би-си,
в век перестройки держал бы кармашек пошире.
А амфибрахии к каждому просятся в стих.
Пусть обождут: невпротык положение в мире.
Вот, как подумал бы Лев Николаич Толстой,
если б узнал, что пишу я, а мог не писать бы.
Непротивленец был граф. А огрел бы сохой –
не зажило б и до самой серебряной свадьбы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)

Лирический стих воплощает душевную боль
и, стало быть, служит симптомом душевной болезни.
Пожалуйста, лирик, к врачу обратиться изволь.
Гляди, из души у тебя уже чирьи полезли!
Но целый консилиум будет сметён помелом
коварной бациллы, хоть предан по гроб Гиппократу.
И вот: извергают верлибры проктолог и ЛОР,
жуёт логопед амфибрахия трудную вату,
и всё раздраженной поводит плечом терапевт,
готов хирургическим ножиком чикнуть уролог,
юродивой ниточкой тик посылает привет
врачу психиатру...

Но рёв бормашины недолог,
и нерв удалён воспалённый, и вроде, *тип-топ*.
Кейфует душа, в постирушечный пар окунувшись.
Лирический стих побеждён, как последний тевтон,
чтоб больше не смел наводить на окрестности ужас.

♥ ♥ ♥ (1984)

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.
Я всё время фатально впадаю
в *э-ле-ги-чес-кий*, кажется, тон...
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один – облезлый,
никудашный, дурно пахнувший старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и – наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..
Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилось и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится – гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!
Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме – электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошрое, просыпаясь иногда на беду.
– Дедушка! Обождите меня! Я – Ваш преемник.
Можно – до остановки с Вами дойду?

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

Сергею Белоголовцеву

У менестреля и министра, у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто, необъяснимая душа.
Она летает и бушует, подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик, и партгрупорг, и инженерю.
Крестьянин, в сумрачном навозе копясь кончиками вил □ □ □
И за бойцом летит в обозе душа на паре хрупких крыл.
Интеллигент страны Советов и соль земли – рабочий класс,
ужель идеализма ветошь – душа – гнездится тоже в вас??..
Ужели гид *нематериальный* вас вводит в радость и тоску?
То – как джигит – в сальто-мортале коня меняет на скаку?..

ДУБЛЁРЫ (1984)

Легко охватывать детально весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально на сто дублёров расчленён.
Дублёр шевелит левым ухом; два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо, зато другой впадает в раж.
Дублёр снимает хату с краю; дублёр безмолвствует: хитёр.
С моей женой – уж я-то знаю! – живу не я, а каскадёр.
Вот мы, дублёры по квартире, перекликаемся, жужжа,
как будто мы – сорок четыре обериутские чижа.
Но наше поприще опасно, ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: "Ясно!" – "Туман!" – сказал другой дублёр.
И завязалась потасовка, и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко его опорный аргумент.
Мы все дерёмся на-отлично: вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность: направо прах, налево дух.
Рефлексы все из строя вышли, сгустились сантименты в стресс...
Не существую даже мысля: утратил к пище интерес!..
Дублёров бешеная свора меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора, не друг-товарищ и не брат.
Пора уволить всю команду: эксперимент зашел в тупик...
Но кто из нас подаст команду? Кто – *настоящий* Воловик??.

КНИГА ЧУДЕС (1991)

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепешках, отравленных содой.
Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу...
Празднично брызнет рассыпчатой пеной *Праздрой*,
и кордамон, салютуя, зависнет над *Псоу*.
Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...
Странно совку в непредвиденном мире сладостей,
трудно жевать сочетания букв – постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая...
Проще усвоить: от сердца поможет коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки...
Вот *кон-соне*, *про-фит-роли*... А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи...
Слаблю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь.

Но в разумных пределах, конечно.

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся – музу
и плодить соответственно – гимн, серенаду, оду□□□
Мне ведь тоже дано – хоть в автобусе – уединенье
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем...
Что – Свобода? Она – одиночество, или – деньги?
– Нет ответа. Поскольку мир – не обитаем.
Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.
Простота воровства, звуковой набор деклараций...
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ –
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!
А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные – дриады, друиды, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.
Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов...
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

УЛИЧНОЕ (1991)

Разноцветного фонарика принимали в светофоры.
Обещал он всем торжественно не мигать по пустякам.
Познакомился с напарником, через улицу который,
и включил свои прожекторы – взад-вперёд и по бокам.
Он очами глянул яркими на две улицы и площадь
и трёхцветною палитрою мазанул поверх столбов.
Непонятно птицы каркали (хоть чего, казалось, проще б!)
Проходя, девчонка всхлипнула (неужели про любовь?!)
Своевременно и вежливо он мигнул, как бы для пробы,
и слегка поёрзал винтиком по резьбе, где перекос.
А на красный к неизбежному шли две юные особы.
А зелёный жук (провинция!) на зелёный переполз.
Но события стремительно развивались и крепчали,
хоть ещё непоправимое не обрушилось – пока
возвращавшиеся с митинга что-то скверное кричали
и пока ещё не вырулил самосвал из тупика.

* * * (1981)

Но в конечном итоге мир совсем не таков.
Видно, заняты боги обжиганьем горшков.
Видно, белое с красным, начиная от роз,
поднимали напрасный, неназревший вопрос.
Видно, довод невеский вёл на брань и погром
то шеломы, то фески, каски, шляпы с пером...
В неподдельной тревоге вопрошаю богов:
– Расскажите мне, боги, мир – зачем? и – каков?..
Ветер флаги колышет. Красит солнце штыки.
Только боги не слышат, обжигают горшки.

ОТЛАДКА (1986)

*из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.*

Б.Ш. Окуджава

Когда я надена тапочки и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище, где витает в обоях бог.
Но не светлый, от века благостный, влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям: молись — не выйдет на связь..
Прогрессивен божеский промысел: не кудесник, но – программист
по последнему слову Кроноса оборудовал Парадиз.
Над клавиатурой скрючившись, диодами посветив,
он выведет яркость ручками и выйдет в интерактив.
Но ничуть не запахнет жареным и почти не станет светлей,
когда польхнёт скрижалями неопалимый дисплей.
Под логином "ADMIN" — инкогнито: без паролей и прочих виз –
бог разделит на файлы комнату и загрузит на чистый диск.
Он введёт подправленный радиус пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь, предвкушая конец возни.
За квартирой – квартал, республика и Вселенная вся, легка,
и хлопочет небесная публика под мотивчик из ХТК*.
Ты прости-прощай, коммуналочка, универсум родной, адью!..
Демиург мановением пальчика всю материю свёл к нулю.
Вот сейчас он натянет тапочки и дням подведёт черту,
и не жалко ему ни чуточки Вселенную нашу, ту..
Юзер будущей генерации протестирует интерфейс,
к райским яблочкам просто-напросто игнорируя интерес.
Сад эдемский разбил на секторы и, как будто играя в блиц,
он уходит от вивисекторов – до ребра бы не добрались!..
Всё в итоге опять по полочкам: мрак на нижней, на верхней свет,
только нам в этом всём с иголки, кроме ящика, места нет.
Что ж нас гонит – дрожать над безднами, кейфовать, потупясь в надир,
из грехов мироздания бедного сотворивших себе кумир?

---

* ХТК – *Хорошо Темперированный Клави́р* (И.-С. Бах, 1685 – 1750)

НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)

Уже ни белого света, ни белых пятен.

Лицо и тело Вселенной – сизый синяк.

Ария света спета и всем понятен

всякий его закоулок, вздох, знак.

Гадко пищит козырных позывных утёнок.

Начинается с виселиц, как театр, Прогресс.

Трели, дыханье – весь реквизит потёмок –

реквизированы заревами АЭС.

Марсиане ловят прогноз погоды:

Нерушим и свободен стихий союз.

А там – по *известным* дорожкам – паучки-луноходы□□□

стукачи-скороходы... *говнодавы russes*.

И вот, своего не достойная века,

мысль исподняя в стоперстой кишке живет.

Такая:

ЖИТЬ ВСЁ-ТАКИ МОЖНО,

ПОКА НОГА ЧЕЛОВЕКА

ЕЩЁ НЕ СТУПАЛА

НА МОЙ ЖИВОТ.

ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)

Эразм! Агриппа! Франциск Ассизский!

Пожалуйста, научите меня азам.

Что важнее: лептонов летящих писки,
или списки любовные фамилий дам?

Счастье – это что же: звериный оргазм?

Или, может, счастье – вещизм мещанства?

И нельзя ли обоих их спарить разом,

как, к примеру, время с этим□□□ с пространством?

Скажите, первичнее – *ТО* или – *СЁ*?

Или – что-то третье?..

Вот *père* Иннокентий Пятый

всё выступал: “Ребята! бросьте вы это всё!

Не берите в голову, ей-Богу! Выпьем, ребята!..”

Или всё-таки прав был бедный сэр Исаак,

не застанный с прислугою ни на пленэре, ни дома,

который понимал, что *это* – вредный пустяк,

а счастье выражается через коэффициенты бинома?..

Человек ведь смертен, подвержен заразам,

зарезан может быть – в любое мгновение!

Так чего же делать, достопочтенный маэстро Эразм

Ваше с коллегами каково будет высокоучёное мнение?

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)

Тебя солнышко освещает
в час полуденный со спины.
Под невидимыми вещами
твои нежные части видны.
Там, где лозунг, что люди братья,
на фальшивом висит щите,
ты, как факел, горишь из платья
офигительным декольте!
Видно то, что обычно не видно.
Удивительный феномен:
мне бы мухой влипнуть в повидло
или шхуной вломиться в мель!
Мне бы кинуться сквозь трамваи
раскусить твою вкусноту!..
– Что ж я, можно сказать, зеваю
и приличия чту!
Ты подобна продукта грамму,
дорогому, как дефицит.
В Продовольственную программу
позабыли тебя включить.
– Накорми! Утоли собою!
И – пожалуйста! – напои...
А не то – рубай завою,
новоявленный Навои!..
Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)

На время забыть об общем, частности тронуть.
Залаять, увидев ворону в пушистом небе,
и постараться в предправедном гневе
именно в ней увидеть врага.

И не глядеть в ту сторону, где с когтистого трона
стаи ворон и воронов, так же, как эту ворону,
внушают небу: Кощей, в облаках упрятан,
и Баба-Яга.

Двугорбым горит Араратом
ревность моя к пернатым
Черна и бескрыла зависть –
ведь мне не достать, не доставить
на борт Ковчега
малой жижицы ила, почвы грядущих кочевий.
И не сконструировать в бункере кивера
мирное мне гнездо.

От начала тетрадной страницы и до
голубых гильотин в мастерской переплётной
я всё пел бы и пел, и друзьям перелётным
было б слаще мне сниться среди синевы.

Но сказано: *«Жука клевала птица».*

«Хорёк пил мозг из птичьей головы»...

Но птица Рух, таскавшая птенцам
заместо мух – из них воспитанных слонов...

Но Буревестник,
небесам кричащий о примате катастроф!..

Меня остановили эти "но"

и предписали частности забыть,
об общем вспоминая.

И вот: от чёрных крыл темно,
и морщит небо и знобит,
рябит в глазах всё та же злая стая,
тьма клювов, и спасенья нет.

И воет бабища Ягая,
и застит свет.

1933 (1992)

Страна погибает, и чем мы прогневали Бога?

Газеты полны описаний и фото поджога.

Я в хронике видел преступника, как его, Люббе,
глаза сумасшедшие... Как полицейский с ним груб был...

Как жить теперь, ребе, и мы не смертельным ли креном
при новом рейхсканцлере к новым пойдём переменам?

Ещё поджигатели хоть не из *наших*, спасибо,
а то началось бы – упрёки, поклёп, перегибы...

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)

Я не допускаю недоплаты в кассу,
не плююсь в окошко, пользуюсь платком.
И спрошу вас прямо, правящие классы:
разве не мечтали вы обо мне – таком!
Верю вашей «Правде» и «Труду» лихому,
«Би-би-си» глушил бы собственной рукой!
– Ну, скажите честно, что же мне – такому! –
памятник при жизни не светит?.. никакой?!..

* * * (1986)

Вкусно мастера потчуют власти,
чтоб он кисточку верно держал,
чтоб перо поберёг от напасти
и крамольную ноту не брал.
Сыт поэт чечевичным обедом,
пьян прижизненной славою бард –
вот и ладушки! Снова победа
за тобой, боевой авангард.
Эта верность художника хлебу
и нескудно дающей руке
вознесёт его, может быть, к небу,
как пророка в гремящем возке.
В этом небе, где будничен праздник,
где красна не заря, а звезда,
сколько их, нехороших и разных!
Что их гонит – похлёбка? беда?..

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

1.

Когда чертовщина ползёт по Москве
и каждый рассвет одинок, как последний,
идуший к потёмкам, и теплится свет
светила, чей профиль, как противень медный –
пруды патриархии брошены в сквер:
они за решёткою будут безвредней...
В такое-то время – ты! – сделалась ведьмой?!..
когда чертовщина летит по Москве?!..
В короткой записке – враньё и издёвка.
должно быть, писала ты навеселе.
Я знаю, к кому улетела ты, ловко
круша фонари, на своём помеле!
А я возвратился из командировки
и – нет тебя. Только листок на столе.

2.

Пока газеты шелестели, взывая к классовой войне,
летели светлые недели в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти, план перекрыв по листажу...
Мещанское, но всё же счастье зажгло, казалось, абажур.
Пока вполсилы миллионы ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы, а рукописи – не горят,
и в скучной суетлоке службы, между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный вставал из пепла чертежей.
Но пробил час нечистой силы, всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский: Я стала ведьмой. Не ищи."
Да как найдёшь тебя в советской полярной ночи и глуши!
Ни гром, ни ветер не ответят, где труп твой – сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей, круша сознанием бытиё,
и всё живёт и побеждает афера вечная её.

МУЗЕЙ (1983)

(Из архива бывшего плохого, а теперь хорошего поэта)

Заходите, пожалуйста, это – дом поэта.

Д.Самойлов

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.
В квартире грязь не убрана, гори она огнём.
И дерево не срублено над знаменитым пнём.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет *бред рифмованный*, который *массам чужд*.)
В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.
Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитса, за мной придут *они*.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятых
мне судорога заранее уродует поддых...
Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете – валяйте в филиал.

* * * (1983)

Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике, только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия... А продуктами труда
я всё родственников мучаю, да знакомых иногда.
В голове, как гнёзда галочки, чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем, да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!.. Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны. Где настройщика возьму?

ЦИРК (1984)

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по блату и в кредит.
И вот – угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.
Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля...
Но вот – уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи –
там, репетируя, кровоточит упырь...
Коня! Скорей коня! Полцирка – за Пегаса!
Сперва – хоть пару слов, а там – да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.
Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо...
– Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..
Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, где следует – смеясь!..
А мы – под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и – кончен наш сеанс.

ЭПОС И ПАФОС (1985)

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.
История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.
Пегас мой замучен мочалом подножным.
Чья муза бы пела – моя помычала бы!
Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
когда я тачаю безделки бесплатные...
Но Эпос и Пафос – как Фобос и Деймос –
то грянут из прессы, то канут, неладные.
Отставленным локтем встречаю опасность,
вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
и прячу – до встреч с контролёрами – пафос.
Продолжим наш перечень: время для эпоса,
Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
отгружены яблоки Еве и Ньютону...
Да если б не знал я, как именно будет,
то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..
Смирить бы гордыню горбатой гортани,
алтыну и тугрику не соразмерную!..
Но нет – я стартую. Швыряйтесь тортами.
Меня не исправить и вышею мерою.

* * * (1987)

Не искушал меня лукавый
змеевиком партаппарата,
ни легкой должностью легавой,
ни персональной зарплатой.
Я не дудел в чужие горны
и, духом с буквою согласный,
не наступал себе на горло,
не подавлял в себе соблазны.
Но в кресле жизненном удобно
расположился – созерцая.
И как же мне легко быть добрым,
добра и зла не совершая!

А и Б (1987)

Сказавший А сказать затеял Б.
Он рот раскрыл. Он воздухом запасася.
Сейчас он грянет. Скептики в толпе –
и те затихли. Миг один остался.
Как просто было А произносить!
Решился, и зажмурился, и – гаркнул!..
– Ну, не скажи. А вышло бы насмарку –
в какие дали мог бы угодить!
Но Б трудней: Ещё раз: выдох, вдох,
губа губы вот-вот уже коснётся,
и звук взрывной над миром понесётся,
не слыханный в течение эпох...

Безумное, безудержное Б!

Бумажный бум! Бубенчик обихода!

Бей в барабан обещанной свободы!

Бушуй бессменно в будущей судьбе!..

Сказавший Б изменится в лице,
изобразив произнесенье звука.
Что ж будет дальше – В? а может, Ц?..
Пока не ясно. Вот такая штука.

КАРНАВАЛ (1987)

Карнавал стартовал!
Веселись, стар и мал!
Посмешнее напяливай маску!
Был дурак – стань болван,
был чердак – стань подвал...
Жизнь была? – а теперь будешь сказка.

Вот проходит добро в облачении зла
(ну, его-то узнать мы смогли бы!)
Джентльмены
с утра забивали козла.
А забив, опознали в нём рыбу...

Удивительный мир!
Что ни правда, то – миф,
что ни шутка, то – истина злая.
Только скроешь кумир, на другой заменив –
"Маска! – слышишь, – а я тебя знаю!"
Стала пешка ферзём,
"Спартаком" – "ЦСКА",
притворяется червою пика.
Кто свистал соловьём,
тот пустил петуха,
златоуст оказался заика.

Карнавал! Карнавал!
Развлечений – завал.
Частный сектор раздула халтура.

Где-то лесоповал,
а у нас – карнавал!
Выше всяких похвал – режиссура.

Я без маски бреду. Я иллюзий лишён.
Я слоняюсь от края до краю...
Кто в калашном ряду
с человечьим лицом?
– Маска! Я тебя, кажется, знаю.

НОЧЬ (июль 1991)

Ночь безводна, тиха,
на трухлявой подстилке луна
умирает, и "С" (т.е. "Смерть")
задыхается в дыме.
Словно строчки стиха,
матюгальник бубнит имена
остановок. В подтексте –
словесная заумь в пустыне.
Воздух неосязаем, но чёрен
и явственно кисл.
В нем вчерне обустроен
грядущего завтра мицелий.
В предпоследнем трамвае
везу предпоследнюю мысль
непосредственно в сторону
ей предназначенной цели.
Ночь тиха и легка,
а живёт ожиданьем беды.
И, оттенки меняя,
творит привиденья со вкусом.
Но совку из Совка
в предвкушении новой метлы
их скучны имена,
и не радуется призрачный мусор.
Не обучен *хотеть*,
я впадаю в родной негатив
(как в родной коллектив)
и твержу в отрицаловке мудрой
сам с собой *тет-а-тет*
и уже на знакомый мотив:
Ночь легка и летит,
и она не чернее, чем утро.

НАД ГОРОДОМ КИТАЙ (1992)

Всё на продажу: пулемет, молитвенник и пицца.
Торговля остужает жар, весь мир оконченел.
А в музучилище – кому охота муз-учиться!
Под землю лабух сволочёт свою виолончель.
Чего, действительно, пилить задаром этот ящик!
Вон у него какой футляр, наполнишь – капитал!
И рвутся струны и смычок к работе настоящей:
стоять на каменном мосту над городом Китай.
Стоят над городом Китай старушки, выгнув спину,
сидит безногий инвалид и девушка с дитём□□□
Народищу – невпроворот, тут не чета Пекину!
И я б чего-нибудь толкнул, но не секу, почём.

* * * (1992)

Эдуарду Шульману

Мне сказал писатель Ш.: "Что вы, Саша!
Жизнь ужасно хороша нынче наша.
Не смотрите, что жульё, что помойки,
будьте зеркалом её перестройки!
Не клеймите же её матюгами –
отразите житиё в амальгаме."
Покраснел я до ушей от обиды:
что ли я какой Кощей недобитый?
Или я какой Зоил Ювеналыч...
И совсем я приуныл, глядя на ночь.
Ночь метался в простынях, пил микстуру,
а проснулся, всю поняв конъюнктуру.
Я-то думал: всё, хана, время – вдаль нам.
Оказалось – ни хрена: не летально.
Добрый доктор полечил нам саркому,
ну и где теперь ключи от парткома!
А руины, господа, да спецназы –
это ж просто ерунда, метастазы!
Над кроватью приколол я картинку:
двухголовый триколор чешет к рынку,
попирая сапогом серп и молот,
запивая самогон пепси-колой.
Критикану-крикуну вырву глаз я.
Салтыкову-Щедрину – фиг без масла.
Я ему не корешок, чёрта в ступе!
Буду только хорошо. Как о трупе.

* * * (1993)

Так и живём, значит, сэр Джонатан.
Вроде бы, хиханьки, ан не до смеху.
Ни алтарей, чтоб подстать животам,
ни гуингмёнка – всё еху да еху.
Худо, не видите что ли, милорд.
Ходу б отсюда, да некуда смыться.
Видимо, всё это нам поделом.
Т.е. по делам – без резона и смысла.
Вправо ли, влево шагнёшь – полоса:
грань. А за гранью-то – сущие бяки!
Ладно б кололи с тупого конца –
только. Так нет же: они – многояки!
Моноконечник – нарциссом нарцисс.
Параконечники – голубоваты.
Тем – подавай самогон и сервиз,
эти – поют и лелеют стигматы...
Пятиконечникам снится партком,
Шестиконечникам – виза на выезд.
Порноконечница – вся босиком
(с шейки до пяток, и плюс ещё вырез).
Скороконечники красят кулич.
Сыроконечникам – сало кошерно...
Сэр Джонатан, Вы моя Глюмдальклич!
Немо моё Вы. Как там, у Жюль Верна:
Хлоп! – в «Наутилус» и – плюх! – в океан...
С Вами я, только меня поманите!
Тут же Лапута! Да нет, я не пьян,
вон, в облаках НЛО на магните...
А в фейерверках летающих рыб
плавает за морем праздничный остров,
там Робинзон до сих пор не погиб.
Вот, кто свободен – ни *тупо-*, ни *остро-*...
Коз диковатых загонит в кораль,
дату отметит зарубкой короткой.
Перемигнётся с судьбою-уродкой,
как для него потопившей корабль.

ДОГОВОРИМСЯ О ВОЗДУХЕ

ГЕЛИОТРОП И КУПОРОС

ПО СПИРАЛИ (1986)

Творец – теоретик скорее, чем практик.
Венец арифметик – скопление галактик.
Но график развития космоса в точки
по мере прогресса подтянет виточки:
Земля – не звезда же! Пустыни и горы
за место в пейзаже не кончат раздоры,
пока не покажутся – как в окуляре –
двуногие злые смышлёные твари.
Под ними скребутся невинные мышки,
беседуют буквицы с буквами в книжке,
которые молча строчит авторучка
(такая писучая тонкая штучка).
Ползёт паучок по седой паутинке,
качается пчёлка на тощей былинке,
красивая бабочка крыльями машет,
полезный микроб создаёт простоквашу.
Урчит протоплазма в невидимой клетке,
молекула страстно прильнула к соседке,
и вирус становится собственным братом,
и непредсказуемо крутится атом.
Протоны вращаемы (судя по *спинам* !)
и неисчерпаемо *антинейтрино*...
Но даже ему не прорваться на волю –
за рамки единой теории поля!

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ (1996)

Оборваны стропы стартующих строк,
и где подсознанию кретину
разлитый на стопки сознания поток
в единую вылить картину!
Вот полбутерброда, компьютер, очки,
порог, поводок, мостовая...
Попробуй, с подругой в метро проскочи,
когда на посту постовая!..
А рожи и лица различных систем –
точь в точь как герои мультяшек.
Хоть опохмелиться охота не всем,
но дух в совокупности тяжек.
Подбиты прямым попаданием впросак,
скучая без звона и хруста,
домой к своим мырмам банкиры трусят
и где-то немножечко трётся.
Прилежный, как снайпер, дитёнок сосёт
пустой указательный палец.
Учёный всезнайка про гранты просёк
и Соросу стрóчит, засранец.
И Вещий Олег изгоняет коня,
и Воланд чудит свои штучки,
и кордебалетом пинают меня
небесные странницы тучки.
И девки путанки глядят из окон,
почти ничего не смущаясь.
Я сам-то с Таганки. Бреду босиком
Простите, что к вам обращаюсь.

* * * (1995; 1998)

Покамест мы пытаемся
добыть чего получше –
побольше, позабористей,
покраще, пожирнее –
к нам качество является
с количеством под ручку,
не ссорятся, не борются,
но порят ахинею.

Покуда мы кумекаем
над текстом, над картинкой,
над схваткой, над копеечкой,
над сносом, над раскладом –
просвищет жизнь кометою,
безумная кретинка,
позвякивая мелочью,
минуя небо взглядом.

Когда же мы спохватимся,
возьмём себя за ручки,
возьмём пеналы-прописи,
за ум возьмёмся разум –
в начавшейся сумятице
вдруг солнце застыт тучки,
и всё кругом накроется
красивым медным тазом.

* * * (1994)

Какое имеешь ты право
быть лучше, чем кто-то другой,
из общего скомканный праха
и общей набитый трухой!

Но даже *затуркан* в массовках,
не смеешь быть хуже других,
из личного пламени соткан
и личную трель протрубив.

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН (1983)

Распалась вся связка.
Времена, как баранки,
раскатились под шкафы и диваны.
Вот *Фуцурум* цепляется за ноги.
Вот *Перфектум* – в состоянье нирваны.
Беззвучно беснуется *Императив* оголтелый.
Св. *Деепричастие* – в обмороке за буфетом.
А на чердаке – окаменелый, как Доротея –
корячится обессиленно *Плюсквамперфектум*.
В атмосфере плавает
восхитительное Безвремяе:
Ренессанс вперемешку с Ампиром и Кичем...
Остановитесь, пожалуйста,
многоуважаемое Мгновение.
Вид Ваш очень уж необычен.

КОГОТЬ (1985)

Индейка держит коготь на курке:
царапнет – и её в расход, как мавра.
А у меня – бубновка на виске (как на висте)
и – на песке – прогноз на завтра.

Я думаю: “Не тронет чертежей
легионер, и не сгнию в оковах”.
А между тем, истец его законов,
клинок тяжёлый, нитку рвёт уже.

Не как когда-то Парка-ротозейка,
на службе, а со спицами в руке –
индейка держит коготь на курке...
Да он увяз! Подать к столу злодейку!

И – специи на языке горят,
и повар, как авгур, покончит с птицей...
Я, правда, не сторонник *ауспиций*,
но закусить (и выпить!) был бы рад.

Индейка держит коготь на курке.
Жаль, без меня произойдёт застолье.
Но я взмахну крылами – налегке,
исправив горб отверстием игольным.

ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ (1973)

Я из дому выхожу. Я иду в магазин за углом. Надо жёлтого масла купить. Я спускаюсь по лестнице вниз – 21 ступенька: очко. Вижу два чугунных столба. По ним плывут отбросы внутри, целые реки дерьма. У них круглые набережные. По берегам стоят ватерклозеты, это – порты отправления. Но я наверху, я над ними, и могучий насос не утянет меня на ужасную кухню, где из вонючих отходов варят жёлтое масло. Я выхожу во двор. В окне барака напротив синяя девка сидит, чай кипятит на газу. Непроизвольно роняю слезу, ухожу налево. На моём пути магистраль. Там оседлали шофёры пахучие грузовики. Там кошки ходят друг к другу в гости. Там трупы пьяниц лежат и стоят. Они дышат ещё не готовой блевотой. Но жёлтое масло влечёт меня, и я бегу вправо, скорей. Вот – магазин! Взоры разинь прикованы к лавке приёма посуды. Лысоватый очкарик с умным лицом из *ниоткуда* достаёт голубую бутылку: он будет пахнуть как те. И я почти что на животе вползаю в нужную дверь. Хочешь верь, а хочешь не верь: мне привалило счастье. Я вошёл, увидел и приобрёл очень приличное жёлтое масло!

КАК ПРИНЯТО... (1994)

Как принято у нас на Востоке,
который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
имеет посере́дке цезуру,
похожую на маленький синус
в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
движения в двугорбом режиме.

Как принято у нас, у приматов,
в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки N-фака,
где N определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
на волю – чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя доза
от холода спасёт и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
восполнит недержание слова.
Как принятый в почётные члены,
миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
как принятые в первом же чтенье.

ПЯТЬ СТРОФ (1994)

Иосифу Липкину

Не пройтись ли по карте морскими путями,
с верхотуры упав на тропу авантюр?
Сшить Атлантику Зингером, выйти к Панаме
и по Тихому тур предпринять в Порт-Артур...

Курс рассчитан по лампам в плафоне каюты.
Под надёжным компасом – надёжный топор.
Сорок градусов ром, и четыре минуты,
чтоб сверстать всех навеки в единый набор.

О чугунная матрица в форме матраца!
Напряжённый *Гантмахер*² строки и столбца!..
Представления групп³...

Матросня будет драться.

Ну, не глупо ли, братцы, стоять до конца!..

Но бессовестно бдит комендор бесноватый,
отпивающий *склянку* в назначенный час
(да, про ром уже было...), и близится к пятой
и последней строфе земноводный Пегас.

Вот она.

Одинокий мой парус прочертит
незабвенный пунктир в нереальной дали,
и на карте проступят, как водится, *черви* –
то ли знаком любви, то ли страхом земли.

---

² См. Ф.Р.Гантмахер, *Теория матриц*, М., ФМ, 1967.

³ См. М.А.Наймарк, *Теория представлений групп*, М., "Наука", 1976

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (2002)

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вдали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит медным взглядом* (для внушенья страха).
И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» – на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понурысь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.
И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотоядно...
«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь –
на мне не отыскать порока пятна.
Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя
влечёт меня в объятья всё смелее.
О как бы в них хотел очнуться я,
когда бы не валилась на меня
Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...
О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаду в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент – и жизнь пройдёт, как сон.
Он выплюнет завязку от кальсон,
И вот: стихотворению - развязка!

ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА! (2003)

Взгляд обольстительной кретинки
светился, как ацетилен
А.А.Блок

Ищу сюжет, не глядя на реальность.
Что – жизнь? – Игры в мозаику расклад.
А прикуп многократно огорчал нас.
Не глядя, я швырну его назад.
Вот, например, с Ордынки на Тверскую
идя... зачем?.. Ну, скажем, за вином,
я встретил бабу страшную такую,
что позабыл, как разложить бином.
Она несла цыплёнка расчленёнку:
пакет прозрачный был красноречив.
В её мозгу уже кипел бульон, как
в моём – бурлит из букв речитатив.
Мы встретились, как трое те у Блока:
ацетилен, матрос и керосин,
но только, в соответствии с эпохой,
был я – (необольстительный) кретин.
Чеканя шаг и ПДД наруша,
она была, как видно, ценный кадр.
И ножки, именуемые *Буша*,
в пакете исполняли *danse macabre*.
У туалета платного кабины
она своей потрянула стариной.
В испуге разлетелись воробьи на
другие крыши; кошки стороной
кабину обегали и, мяуча,
неслись, что называется, *стремглав*...
По небу грузно проносилась туча.
Собор стоял недвижим, многоглав.
Я тоже встал, роняя в страхе зонтик
(но, падая, он в воздухе увяз).
Я вспомнил старый фильм...
– да-да, Висконти!.. –
которого не видел отродясь.
Но вот – мы разошлись, и посветлело.
Мне показалось: вновь я молодой.
К стиху рвалась душа и к телу тело,
и из толчка запахло резедой...

Мы разминутись, словно два трамвая.
Была та встреча – роковую? – Нет!
Я просто за вином шёл, вспоминая
биномиальный коэффициент.

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ (1983)

Дума

Известны стихотворцы да злодеи. Простой народ не балуется славой. И непарадоксальные идеи растут в моей башке некуче-рявой. Вот, например, писатель Достоевский – прекрасно знал писательское дело. Его тут и сравнить, пожалуй, не с кем: он понимал, кому что наболело. И вот – висит доска мемориала на доме, где он бодрствовал и кушал, откуда в ночь он выходил, бывало, надвинув шляпу глубоко на уши... А вот шофёр, фамилии не помню. Водил такси, как бог – без нарушений. Ему найти среди шофёров ровню непросто тоже: он был, вроде, гений. Но где он жил, с кем знаясь, матерился, когда почил (а может, жив поныне?), качал права, женился, шёл на принцип?.. И где Доска? – А нет доски в помине. Или вот я: седой, почти что лысый, пишу стишки, чего-то там считаю. О мраморной доске я и не мыслю, но что ж я зря на свете прозябаю! А может, надо, чем мусолить атом, рвать розы славы на другой работе? Устроиться, к примеру, Геростратом, чего-нибудь спалить или попортить... Да я не о себе, а так, к примеру... Ведь равно все профессии почётны. Но где-то есть отмеренная мера: одних равнять богам, других – животным. Герои же, чьё имя на заборе, о ком шумят, обожествляют коих – не сроду в мономаховом уборе: общественность – вот отоварил кто их. Мораль проста: доска – критерий внешний, по существу, неверный и случайный. А надо жить негромко и неспешно и – наслаждаясь ароматом чайным.

ГАММА (1976)

Когда тигрёнок ест ребенка,
мы возмущаемся: злодей!
Когда ребёнок ест цыплёнка,
нам это много веселей.
Когда цыплёнок ест букашку,
мы тоже рады, но не так.
Когда букашка ест ромашку,
нам за ромашку жаль пятак.
Когда пятак навек потерян,
мы огорчаемся слегка,
но непоколебимо верим
в существование пятака!

СБИВАНИЕ СОСУЛЕК (1999)

Спутав даты февраля и марта,
гляну в безнадежное окно.
Ледяная выставка поп-арта.
Вернисаж. И всё застыло. Но –
Кто тепла неведомый спаситель,
Супротивник снегу и пурге?
Это он – отважный небожитель
реет на оранжевой ноге.
Посреди сосуллек ледяющих
ждёт его смертельная дуэль,
и рискуя, что сыграет в ящик,
он собьёт застывшую капель.
Он – герой, и будет, сам не зная,
этим описанием знаменит.
Он тебе за маленького Кая,
тётка ледяная, отомстит.
Он ещё поборется с природой,
ледорубом тоненьким своим.
А вокруг лишь небо да свобода.
Я – не с ним. Но я *душою* – с ним.
Если мне бы выпала судьбина –
позабыть *магический кристалл*
и крушить бы лёд – то я бы мимо
этих строк и прочих просвистал.
Как коммунистический ударник,
как высокородный суверен –
мимо бы красот гуманитарных,
мимо политических арен,
мимо деда в стареньком треухе,
ямбом поверяющего шаг,
с ватками, фильтрующими звуки
музыки в простуженных ушах...
Но – к окну приклеен, как к экрану –
я туда не полечу в полёт,
где похмельный дворник с автокрана
ржавым ломом скалывает лёд.

О ЕДЕ (2000)

Ротонда пышная! Изысканный *Максим!*
Не зная ваших недр, не воспитаешь вкуса.
О соус *бурдоннэ*, *жюльен* с полусухим
Шато де Вилль!.. О негр, похожий на Иисуса,
макающий, смеясь, в полупрозрачный гель
в хрустящем золоте витую *тарталетку*...
о волны декольте, щемящая *Шанель*,
о – в горном хрустале цветов мохнатых ветка...

Виденье из других краёв, времён и цен:
безудержный цыган отплясывает в *Яре*,
и потных чаевых положенный процент
сам заползёт в карман, коль *половой* в ударе.
Зубастость осетра не вяжется со злом
(как гений)...

О, играй, свет, с хрустальями в прятки.
О алая икра! Божественный *залом*...
О чуткий расстегай на розовой подкладке...

Или –пельменная... О уксусный настой!
О «*Жигулёвское*» с наклейкой по лекалу...
(Воспоминаний мёд, горчащий и густой..
Ещё чуть-чуть и в нём тарелка бы летала...)
Или – *люля-кебаб*: ну что пред ним *хот-дог!*
Козявка в пухлом, символчик Америк...
Я в сквере дожую с капустой пирожок.
И брюки подтяну. И молнию проверю.

РАННЯЯ ВЕСНА (2002)

Зима сплеховала, и в этом весна виновата.
Азартные игры – где флегма мурлыкала сонно.
Был собственник шара, а стал арендатор квадрата.
Но – вытатуировал номер её телефона...

Грачи токовали, шалили магнитные иглы.
Весны утюги пропекали до вылета лета.
Она затевала с прохожими шумные игры
с весёлой ноги, невзирая на многая лета.

А там, где рыдали прозрачные столбики с крыши,
Снегурочек лица унылые квасились тоже,
и в светлые дали взлетали – всё выше и выше –
крикливые птицы, на синих снаружи похожи.

* * * (1995)

Покоя нет.
А.А.Блок

Опять всё застыло? – Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.
Вот вышли из моды кривые ножи,
удобные для харакири.
Вот разумом быстрым играет *Невтон*,
вот дактиль сменился хореем.
И мы изменились – не в этом, так в том:
лысеем, болеем, стареем...
От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелётся – как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.
Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...
А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем –
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и – вот она! – смерть тепловая.
Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего – несмотря,
что ножики больше не в моде.

* * * (1994)

Георгию Ницу

Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Бремя – выбора: религии ли, знамени ли.
А посол ты по особым поручениям.
А поручена тебе *езда в неизвестное*.
Привёзешь ли мал цветок или незна́мо что –
в пятилетку пятизвёздную уложишься ли!
И глядишь: уже давно невеста замужем.
И не как-нибудь, а впятеро размножившая.
Либералы обернулись патриотами.
Митингующие снова триколоры несут.
Только публика всё теми же заботами
обозначена: распивочною стоимостью.
Ну, и стоило гонять машину времени
и за тридевять веков выкобениваться,
если всё-таки верна Татьяна Гремину,
а в Стучигороде слёт юных бериевцев⁴!

.....

За нетленную строкой в подсознанку влез.
Не поднял, а почесал длань бессовестную.
Не нашарил ничего – пыл и вышел весь.
Ну и ладно. Ну и хрен с ней, со стоимостью.

---

⁴ Я потом узнал, что организация «Юные бериевцы» существует в Волгограде...

* * * (1994)

Кощей висел в углу чулана
в оковах ржавых и цепях,
и либеральная охрана
гуманно причитала: «Ах!
Ведь это так бесчеловечно –
живое мучить существо!
Забыли мы, что знаний свечка
была когда-то у него.
Ведь нас кощеи научили
читать, писать и кашу есть.
Ведь мы же не в каком-то Чили
(хоть пиночеты всюду есть).
Но не чета мы Пиночету,
и наша совесть уж не спит.
Давай собьём-ка цепь вон эту,
тем более он просит пить...»

Он выбрал пепси. Из бидона
он выжрал литр в один присест.
И вот Кощей освобождённый
нас снова учит кашу есть.

ДЕСЯТЬ КРАТКИХ БИОГРАФИЙ (2001)

Девочка Маша катается с горки.
Мальчик Илюша копейку нашёл.
Лена скользит на банановой корке.
Митя песок переносит ковшом.
Вовочка дёргает Таню за косу.
Лёва игрушки хватает без спосу.
Катя танцует, Инесса поёт.
Зиночка с бабушкой в церковь идёт.

Маша у зеркала. С циркулем Дима.
Кате с трудом, но даётся в шпагат.
Инне сольфеджио необходимо.
Ищет Илья за сараями клад.
Леночка в лифчике прячет шпиргалку.
Вовка за Танькой летит в раздевалку.
Лёва милицией взят на учёт.
Зина на память молитвы поёт.

Вовка гимнаст (и жена его Танька).
Дмитрий – конструктор фотонных ракет.
Инна – в «Ля Скала». Илья служит в банке.
Катя в «Большой» поступила (в балет).
Лена в «Плейбое» и «Дамском журнале».
Лев под охраной на лесоповале.
Маша – ведущая телепрограмм.
Зина – с утра собирается в Храм.

Таня с Володей — чета олимпийцев.
Катя – звезда. *С чистой совестью* Лев.
Инна – сопранная чудо-певица.
С Машей – сравнить ли иных королев!
Замужем Лена за южным монархом.
Мальчик Илья стал крутым олигархом.
Димину грудь тяготят ордена.
Зиночка *ко-ленопрè-клоненà*...

* * * (1997)

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог – край Обетованный. Дьявол – визу.
Бог дал дорогу. Дьявол – автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог – снова глаз. А этот – телескоп.
Бог – сладкий сон. Чёрт – раннюю побудку.
Бог *сделал ноги*. Дьявол – *мерседес*.
Бог воду создал – враг похитил пламя.
Бог – крылья ангелам. А *боинг* людям – бес.
Бог дал царя. А чёрт ему – Парламент.
Бог – виноград. А чёрт – аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый – матюгальник.
Бог – рай зачатья. Бес – презерватив.
Бог дал жену. Шайтан – гарем стоспальный.
Бог – звуки сфер. Нечистый – звон монет.
Бог – сто языков. Чёрт – со словарями.
Бог – *Откровенье*. Дьявол – *Интернет*.
Бог весь – Добро.

– А чёрт?

– Судите сами!

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ (1990)

То в кодексе ветхом, то в юном завете,
то в моно-, то в многопартийном труде
ловцы человекoв расставили сети:

то эти – то эти, то эти – то те.

В скрижаль этой жизни я вписан навечно,
но с неба, конечно, хватать не готов
ни *пентаконечных*, ни *гексаконечных*,
ни *тетраконечных* (заплечных) крестов.

Плыву между ними беспечною рыбкой,
кощунствую грязно в бесплотной душе.

А внешне я – паинька с робкой улыбкой,
«Пардон», – говорю, – «У-тю-тю», и вообще...

В скрижаль этой жизни я вписан навечно –
не в кучке-могучке, а сам по себе.

Прощайте, ловцы даровых человечков.

Завидую вашей посмертной судьбе.

ОТ ИОНЫ (1986)

В чреве кита – удивительно ли, что темно!
Анаэробика: нечем дышать. И фонарик
здесь не горит. И, к тому же, ужасно воняет,
булькающая, непереваренное дерьмо.

Склизкие твари касаются рук и лица.
Воет кишечник, как будто нечистый с амвона.
Но говорю себе: стой, не сгибайся, Иона!
Всё претерпи, или ты над собою – не царь!

Скачет чудовище книзу и вбок на волну.
Компас бы слопало что ли, хотя бы для виду...
Гаснет в просвете резцов
                    вожделенный маяк *Атлантиды*,
альтернатива забвению и гарпуну.

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ... (1999)

Э.Т.А. Гофман, Э.Т.А. Гофман!

Вы рисуете в тетради

рюмку с крылышками. Это

значит – Вы навеселе...

Это значит: для забвенья,

вдохновенья, воспаренья,

ради звуков сладких пенья

был наполнен сей сосуд.

И таинственный Щелкунчик,

хохотунчик, кувыркунчик

изготовился зловещим

цыкнуть зубом трудовым.

И когда младая Юльхен

затворится с мужем в спальне

и игрушечный солдатик

честь условную отдаст,

из тетрадки вынет Гофман

псевдогреческую наблу⁵

(ключ от кода) – рюмка звякнет,

крылья в небо понесут.

---

⁵ Набла (∇) – математический символ, «оператор Гамильтона»: [$\nabla=(\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)$]

* * * (2002)

Оскар Уайльд и Ерофеев Веня
любили парадоксы как эстеты.
А я, простой, как самый русский Ваня,
офорты обожаю и эстампы.
Ботфорты – не люблю, причём не в пику
Великому Петру и Карлу шведов,
а что они по всей стране советов
(полезных) над болотами опеку
повально учредили. А болота
я уважаю – за хвощи, за клюкву,
за топкость, наконец, и за балеты
в них комаров (их песни тоже клёвы...)
Короче, в пику Вене и Оскару,
я парадоксы полюблю не скоро.

* * * (2002)

Бенедикту Михайловичу Сарнову

Серебряное время. Слом эпох.
Чёртолюбивый Ремизов. Бухой Блок.
Мужелюбивый Дягилев, то ж Кузмин.
Помаргиванье дьявола. Парад зим.
Русские сезоны. Валет бубён.
В черте оседлой зоны – пух, звон...
Сологубу, Брюсову – чёрт не Брут.
А впереди-то – пусто: чёрн квадрат.

ПАМЯТИ Г. В. САПГИРА (1999)

Поэт ушёл.

Сонеты на рубашках

печальными качают рукавами,
и камушки *разрушенного фриза*
мостят ему дорогу до креста.

Да, до креста...

В предпраздничном Париже
(который безусловно *сто́ит мессы*)
крещённый почему-то Николаем,
не избежит уж *Парадиза* он.

Улыбчивый ему протянет руку
посланец белокрылый и слащавый
и увлечёт на *горнии* вершины
для чтения, не слышного для нас.

Он тоже станет ангелом, конечно,
как посуху прошелестев по строфам,
взлетев от лианозовских помоек
в Москву, Париж и далее везде.

Там, вдалеке троллейбусного круга,
в иных *кругах*, для нас невероятных –
возникни вновь, рассыпанный Лошарик,
из капелек хрустальных – соберись!

ГОЛУБОЙ ПОДСОЛНУХ (30.07 – 10.08.2001)

Памяти Виктора Гиленко

Снова потеря. Всё чаще и злей
этот зажившимся мстительный дар
времени. Гороскопический змей,
словно взбесившись, грызёт календарь.

Ты серебристым таким лепестком,
сном голубого подсолнуха плыл,
с грубостью мира почти не знаком
в переплетенье трепещущих крыл...

Утро, казалось, ещё не причём:
солнцу – сиять, а минутам – ползти.
Знал ли ты утром о том, что включён
день воскресения в счёт Девяти?..

Днём аритмически билась в груди
кровь, и кошмар набирал оборот.
Ах, кабы встреча ждала впереди
с тою, любимой, что вышла – вперёд!

...Был бы конец, как начало, хорош,
смерть бы под вечер казалась игрой
(прямо, как жизнь): тут чуток поживёшь,
глядь – воскресенье; мир, значит, иной...

Нет же!.. Всё кончено до темноты
с узкой, как лист, серебристой луной.
Все чудеса – голубые мечты.
Вот и подсолнух цветёт голубой.

БОЛЕРО (1998)

Владимиру Строчкову

Где гиены и тигры, и прочая злая напасть,
и, гремя, "Болеро" разрывает лиан пелену –
усмирить безотчётные бы "убежать" и "напасть",
помечтать о простом, поглядеть,
                                например, на луну...

Ах, Селена, скажи, хороша ли была белена?
Верно – да.

Ведь недаром тревожна полночная темь.
Не сегодня ли тронулись – материки, племена
с пересижённых мест неизвестно, куда и зачем...
Нет ни воли, ни вольницы
                                в странном движении том.

Только ритма узор,
                                только вредный искус ворожбы.

Это маг, или кто –
заставляет стремиться гуртом
к *подневольной* свободе
(другой не приемлют рабы)?

Захлебнулась клепси́дра,
петух проворонил рассвет.
Ускакала кукушка с курантов кремлёвских ворот.
Тишина, и забыты кликухи несущих ответ
за медлительность мигов
и за мельтешенье длиннот.

Но колотится мирные «спи» о бандитскую «*вдарь*»,
и акцентом тамтама тотального душу свело –
в преисподнюю тьму,
или просто в рассветную хмарь...

Но бесценно внезапен
финальный обвал «Болеро»,
и упругая чаша упрямо смыкает листы,
и граница свободы, невидимая в суете,
всё равно на замке.
Маскируют «Бехштейна» кусты,
и ручные зверушки шлифуют свои фуэте.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ (2000)

Едут мысли, поцелуи, наставления и боли.

Едут юноши, пируя под парами алкоголя.

Едут барышни с глазами, нарисованными ярко.

Едут маленькие с мамой и мечтами о подарке.

Едут зависть, удивленье, доказательство и имидж.

Едут локти и колени, едут отчество и имя.

Едет бомж, мочою пахнет, и больной, шарфом замотан.

Еду я с тяжёлой папкой, авторучкой и блокнотом.

* * * (1998)

Софье Михайловне Олиновой

Как сказать – тихо, или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленый сырок рожу,
(и моя – гляди – вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом –
хоть в обмылках быта – её аналог.
За которым – когда он как звук подан –
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод *тыка*
всех надёжней, ибо – и в том хохма! –
жизнь сама утечёт, бурней рвоты.
Но – сама-сама, а всё ж *так* хоть бы,
а *иначе* очень уж неохота...
А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как – лучше?

ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ (1997)

Мой спорт – Поэзия.
Четырёхстопным стартом
сперва размяться: станса три-четыре.
Потом ещё стопу добавить справа
и переинсталлировать акцент.
С восторгом графомана-перестарка
сбить смысла чучело
остро́той пробной в тире –
тире – лирическом и рифмою корявой
дать фору славным классикам со стен.

Поэзия, моя непыльная работа,
чернильная висюлька вдохновенья,
включай свой механизм слогоподачи,
слонопотамом вдумчивым реви.
Осуществляя таинство Свободы,
кусай себя, подобно сколопендре
и саламандре – хоть горя и плача –
для ради извлеченья «до-ре-ми».

Поэзия. Моё, как говорится, *хобби*
по интересам. Литобъединенье.
Кружок друзей. ДК. Кружок поэтов.
Литстудия в парткоме ЦДЛ.
Цех первой книги, и в его утробе
в порядке многомесячного бденья,
старателен, а более приветлив,
я потихоньку зрел. И вот – созрел!

* * * (1996)

Дело, может быть, совсем не в том,
что за дело, важно – кто создатель.
Кто получит яблочком – Невтон
по балде, иль просто обыватель.
Я б сказал, к примеру, – «*Надоел
ямб четырёхстопный: всяк строчит им*» –
и куплет *октавой* бы пропел...
– Хрен он был бы кем-нибудь прочитан!
А однажды Гений и Талант
в строчку приведёт *милицанера*
и глядишь – он Автор и Гигант,
всякая стена ему – фанера.
Он как хочешь – так и колбаси.
Я ж – как ни выпендривайся – тщетно.
Ни тебе народного *мерси*,
ни на презентации *фуршета*.

ИГРА (1992)

(Прагматически)

Что значит «творчество»? – Оно игра.

Не надо морщиться, водить пора.

Не жалкой салкою, не в домино,

а – вроде сталкера (см. кино).

В ночи торжественной, как балдахин,

жужжат торгующие барахлом:

– *Да это ж лежбище баллад и рифм...*

– *Нет, это гульбище шарад и хохм...*

– *Ах, это поприще ума и чувств!..*

– *О вакханалия слогов и нот!..*

(Скептически)

Да это, знаете, – мура и чушь.

кому не налили, тот и не пьёт...

Цугцвангом шествуя из бара в холл,
упал вистующий: был мал да хил...

Там и торгующие барахлом,
где храм торжественный,
как балдахин.

(Романтически)

А в утлой хижине, ковчеге дум,
как неподсвеченный, бледнеет ГУМ,
летают чижики, свистит лапта,
и лунным светочем ночь залита.

В сиянье месяцев, в потёмках дней,
миры мерещатся миров чудней.

Они реальнее вещей и тел.

Не тьма анальная, а леса тень.

Не скрежет лифта и не шины всхлип,
не ворон, каркая, роняет сыр,

а – шорох лиственниц, рыданье лип,
дриада арфою струит эфир...

Эфир, как плазма, а душа – фужер,
да не преполнится ея объём!..

Наглядным пламенем из фибр, из жерл
да вспыхнет Творчество – *Игра с Огнём!*

ЗАВИСТЬ (1998)

Становится ясно, что, кроме воды кипячёной
и рифмы, ничто – сотворённая мною строка.
И белая зависть, темнея, становится чёрной,
и грудь каменеет, и тянется к яду рука.

Но всё-таки зависть ещё не смертельна, пока
ответствует разум эмоции этой никчёмной.
И я не Сальери какой-нибудь недопечённый.
Я благоразумен, и мне не свалить дурака.

Мне – литеры вновь перемешивать вплоть до нуля,
забить кулаками как тесто распухшую зависть.
Амбиции в сторону! Ступу заправить, не зарясь,
водой, и толочь её – лишь развлечения для...

Но ступа взлетает, и я на борту её – заяц.
И чёрная зависть, как ведьма стоит у руля.

БУКВЫ И ЦИФРЫ (2001)

Как неверный супруг, урка мафии,
или, как агент ЦРУ,
я живу двойной биографией
и, наверное, так и умру.
С утра, развозящий цифры
по вздым ледяной Москве,
я ночами играю в игры
с буквами: А, Б, В...
Вроде граней кубика Рубика
(но проворнее) их кручу,
и в скрипе мне слышится музыка,
(одна из моих причуд),
может, бледная или резкая,
а по мне – как раз в аккурат,
за застиранной занавескою
бормочет всю ночь подряд...
Но наступит число на грабельки
в одно из пасмурных утр,
и те цифирки как кораблики,
в рублик сложены, приплывут.
В этой связке – Рубики-рубрики –
компоненты равно важны.
Суммы пусть будут кругленьки,
остальное – любой длины.
Приручившему стаю ангелов
зла-добра не пресечь черту...
Как атлет, увенчанный штангою,
равновесие грузов чту.
Может, цифирки повесомее:
их ведь меньше на тот же вес,
но зато от них больше оскомины,
а от буковок больше чудес...
И пока эскалатор стонущий,
обживаемый мной встояка,
репетирует рёв чудовища, я,
подрёмывая слегка,
чудесами и пользой схваченный,
балансирую на тропе,
как отец перекрёстной мафии
или ставленник КГБ.

ДОГОВОРЁННОСТИ (2002)

другим –дырка от бублика...

В.В. Маяковский

Договоримся о времени,
скажем, 15 без четверти,
скажем, столетье текущее,
месяц, допустим, июнь.

Договоримся об облике,
скажем, в *берете малиновом*,
типа – высокоморального
(кто недоверчивый – сплюнь).

Договоримся об облаке,
чтобы высоко, мобильное,
шитое белыми хлопьями,
радостное от обнов,
плыло кометой решительной
в сладком компоте малиновом
в сторону розовой вечности
ровно в 15 часов.

Договоримся о воздухе.

Договоримся о вечности

Договоримся о рубрике.

Договоримся об облаке.

Договоримся об облике.

Договоримся о бублике...

* * * (1999)

*Дм. Авалиани, А.Бубнову,
Г.Лукомникову, С. Литвак –
мастерам стиха, палиндрома
и вообще – мастерам*

Палиндромы, анаграммы,
листовертни и т.д.
рыщут как бы за горами
и в неведомой воде.

Наклонись за отраженьем,
глянь – и вытянешь сюжет –
и из пальца, и из жмени,
без страданий и без жертв.

Без какого-либо катор-
жного рабского труда
с симметричного плаката
в рифму лезет ерунда.

Но за этой ерундою,
незаметные почти,
славу стройке и удою
запевают трубачи.

Они дуют, поддувают,
раздувают смысла свет,
но выводит их кривая
в те края, где смысла – нет.

И бесформенная заушь
кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами,
зябким смехом хохотать.

Ни сюжета, ни морали,
из трезвона бубенцов –
чики-брики, трали-вали,
ёксель-моксель, цекон цов!..

УЛЁТ МУЗЫ (2002)

Я в смятенье, в панике: улетела Муза.
Ах, камена старенькая, ты ж пропадёшь!
Хрен с ними, с сонетами, наелся их от пуза.
Надо догонять её, хошь, не хошь!..

Шапку на все пуговики, *на ноги перчатки*
(с классиков по буковке, глядишь – сюжет).
Ох, творить не хочется... В текстах опечатки...
Вылетела в форточку!.. Что за жест?..

Бабуленька, милая, не видали даму?
Ну, такая: крылья, венок, ридикюль...
Шлейфом пыль сметает вместе со следами...
И ещё летает, легка, как тюль...

Говорит бабуля: «Да что ты, дядя!
Я тут караулю день-деньской.
Антересно дело сидеть, на вас глядя,
но я не углядела дамы никакой.

...Рыщу по бульвару, Остоженке, Ленивке,
по заулкам малым (её пугает шум).
Зыркаю по окнам: может, по ошибке...
Помолчите, бабушка, я Музу ищущу!

А она всё шепчет чего-то, шепчет.
Всё сжимает странный смешной ридикюль...
В венке облезлом... И шлейф поблекший
хлопает, как выстрел, о шаткий стул.

СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ (1985)

Когда тяжеловодным Стиксом проследую, обеззаражен,
когда мандат души проколет архангел вахтенным штыком,
её последняя частица, моя *поэзия* (так скажем!)
падёт *литованной* строкою пред гутенберговым станком.

Она – наложница с панели, над нею ножницами цыкнут,
над ней разящее копыто пернатый мерин задерёт.
Её и тиснут нонпарелью, когда совсем она затихнет,
когда расколется под пыткой и встанет задом наперёд.

Ей, изуродованной внешне под злым надзором метранпажа,
дадут казённого узора прикрыть рождённое нагим...
О ад грядущий мой кромешный, постыдная самопродажа,
Густая киноварь позора, самодовольства жирный грим!

* * * (1989)

Качусь по родной икебане,
кругом пермяки да мордва.
огнями вечерними манит
меня Шереметьево-2.
Но в небо, а также по рельсам
не гонит пока что нужда,
не нужен мне берег еврейский,
Америка мне не нужна.
Хоть страшно, а всё ж не настолько,
чтоб выдернуть Паркину нить,
покуда гремит перестройка,
а гласность вопит и пьянит.
И что мне закон и суббота,
оклад и рабочая честь,
пока расцветает Свобода,
пока вседозволенность – есть!

* * * (1997)

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).

Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет – всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
то есть, так сказать, сечёт.

Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДа
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.

Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) – веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает *хэппи-энд*.

В ТРАМВАЕ (1988)

Провожу, не скучая, досуг скоростной
на гремящей трамвайной корме.
То пленяюсь в окошке мелькнувшей красой,
то играю в уме в буриме.
Тополиные пыльные перья летят
(так и хочется крикнуть: *как снег!*)
А кругом – то кулисы, то сцена... Театр.
Тот, в котором актёр – человек.
У вокзала толпа, торопясь на перрон,
замедляется всё же у касс.
И орёт гегемон, что ему не закон
пресловутый глупейший указ.
Хорошо гегемону! Но вялый экспресс
тарахтит всё вперёд и вперёд.
Вот целуется пара. Вот банк. Вот собес.
Вот и кладбище: вдруг кто помрёт.
Вот влезает в трамвай старичок инвалид,
а за ним толстячок норовит.
– Вот вам и перестроились, – он говорит.
– Да, уж, точно, – старик говорит.
Школьник старцу дал место. Умолк разговор.
Уступить толстяку, или нет?..
Тут, доселе незримый, встаёт ревизор:
– Попрошу проездной документ!

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ (1989)

Дамы, кавалеры, драмы, адюльтеры,
бодрые попойки, добрые помойки,
нудного ученья трудное мученье,
дальние походы, ранние восходы,
горные восторги, гордые мосторги,
памятные ночи... Молодость, короче.

БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА (1988)

Он жевал да глотал, утирая уста.

Смолотил крикунов и тихонь.

Только вдруг – осознал?

подавился?

устал?.. –

перестал. Отрыгнулся в ладонь.

Но иллюзиями неоправданными

не утешиться, дело не в том!

Людоед обожрался согражданами,

вот и мается он животом.

Мы свободны теперь. Мы величественны.

Не подать нас уже на фуршет.

И пора вспоминать героическое,

романтическое, прошлых лет...

Мы ж добры! И ничуть не *озлобленные*.

Не отгрыз он души нашей, гад!

«Зуб-за-зуб» – не для нас, мы – особенные!..

Он же – стар, инвалид, седоват...

Он, мужчинами полон и женщинами –

лопнет **же!**..

И гуманно летит

к брюху оному с клизмой торжественной

добрый доктор. Такой Айболит.

У больного потрескался кафель лица...

(Спрятал доктор коньяк чаевой.)

В острых отблесках скальпеля капельница.

Сон. Диета... Пройдёт, ничего.

ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ (1988–1993)

1. (1988)

Ухнул мир, а может, рухнула скамейка.
И за мною кувыркается на пол
кофемолка, зубочистка, душегрейка
и *чесночница-орехокол*.
Хозтоварами я заживо завален.
Перья штопоров качаются в глазу.
И очки разбиты где-то за роялем.
И подняться силы нет: ползу.
Горница. Сервант. Кушетка. Горка.
Красных мальчиков порядок поредел.
Пелеринка. Переборка. Перегонка.
Перебранка. Чёрный передел.

2. (1990)

В роковые минуты всё ел бы да пил,
всеблагих ублажал бы анапестами.
Но меня *собеседником* звали на пир,
потому и не подали закуси.

3. (1990)

(Внутренним голосом)

Накрылась пресловутой перестройкой диалектика.
Примат иного *мышленья* влит в котелки над шеями.
Журналы пахнут бьяками ненормативной лексики:
она легализована (в фекальном отношении).

Ну, значит, гласность, прочее... Но, говоря по совести,
моё перо эзопово не склонно к панегирику.

И жалко, что потребности приравнены к способности
достать хотя б чего-нибудь за килограмм по *чирику*⁶.

4. (1990)

Когда-то, когда расцветали собьтья
над полулегальной листовок листвой,
они волновали, как будто соитья,
о них исключительно мог говорить я,
и ухо ласкал мне глушителей вой.
Но вот пролетели мгновенья экстаза,
оргазм (политический) не наступил.
Приелась трёхцветнознамённая фраза
(а, может, года передвинули фазу,

---

⁶ *Чирик (устар) – 10 рублей (устар)*

и Кронос великий мне пыл притупил...)

5. (1990)

Перестройку закончил досрочно.
Думал, в чём её смысл и итог.
Сочинял до полуночи строчку.
Кипятил на газу кипяток.
Выводил среди ночи собачку.
Лёг. В эфире ловил "голоса"
(вроде как Жанна д'Арк). Перепачкал
ручкой простынь и рожу лица.
Не поверил врачу (аллопату),
сомневаясь привычно во всём.
Мостовую пошкрябал лопатой.
К небесам воспарил, невесом.

6. (ноябрь 1990)

Внутреннему голосу

Говоришь, кругом – покати шаром?
Перестройка, мол, не хухры-мухры?
Так ведь жив же, цел, ведь к тебе с добром!
А всё баб тебе б, всё б икры-махры!
Хорошо – гуманные времена,
не грозит набегом ни хан, ни лях.
И зерна у них что у нас дерьма.
И займы – пожалуйста (не в рублях).
А могли бы шашкой: секир-башка,
как хотел, глумился бы каждый всяк.
И жена пошла б, и славянский шкаф
за оброк-ясак и за просто так.
Вот тогда дотумкал бы – что почём.
На Зарю молился бы (Октября).
А с едой-питьём всё пока путём.
Так что ты, того, не *петюкай* зря.

7. (18 марта 1991)

Как проснулся – тут же, в секунду сию же,
как ошпаренный, бегом на службу подался.
Ведь проснулся-то в Обновлённом Союзе,
в по-хорошему правовом государстве!

8. (сентябрь 1991)

Вот суворовцы. Румяны и упруги.
Как скрипят у них погоны и подпруги!
А какой менталитет!
Это ж генералитет –
наши завтрашние Язовы и Пуги!

9. (декабрь 1993, инфляция)

Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки!

Родина, плачь, дорогая Отчизна!..
Всюду валяются рваные деньги.
Вот мы и дожили до коммунизма.

СОВКИ И ЧАЙНИКИ (1993)

Кто любит кухарку! – она же пропахшая луком.
Она же пропашая в скрежете сальных кастрюль!..
Ей дворник подстать. Он куражится в ватничке глупом
и машет метлой весь январь, и апрель, и июль.

Да, пара они хоть куда: поварёшкой супруга
разводит как пар ароматные патлы борща.
Ему же навьюжила снежную женщину вьюга,
чтоб хладныя перси лопатой ласкал, трепеща.

Тем самым, они – как вода, извиняюсь, и камень,
как с прозою стих, или – *огнь* в ледяных языках.
Однако, сошлись. Расплодились. И будут веками
совместно сиять, как совки. Или чайники как.

21 СЕНТЯБРЯ 1993 (21 СЕНТЯБРЯ 1993)

Число, войдѣшь ли ты в историю,
иль просто попадѣшь в неё?
Тебе какие цифры вторили,
внушали как бы бытиѣ?
Не то же самое ли августа –
два года с месяцем назад?
Или – "очко"?.. И, может, правда всё,
что карты сдуру говорят?..
Мы по дороге непроторенной
бредѣм в иные времена...
Число, войдѣшь ли ты в историю,
иль мимо пролетит она?

* * *

Фаине Гримберг

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ (1994)

Когда пришёл Советам глубокий полный крах –
процесс пошёл – возврата разных древних.
Завидую дворянам, гуляющим в садах
из *генеалогических* деревьев.

В моём роду, наверно, у пращура изъян
в анкете: он стать пэрами не дал нам...
Завидую маркизам, эсквайрам и князьям,
графиням, баронетам и идальгам!

Дворяне процветают и как гербы растут.
Последний герцог Герценом разбужен.
Ах, стать бы мне бароном, евреям ведь дают.
Вон Ротшильд, например, меня не хуже.

У каждого – карета (борзые рысаки),
цыганки, эполеты и лакеи.
Усадьба на пригорке в излучине реки
и с девками дворовыми затеи...

Как выберут в бароны – забуду моветон
и весь в бомонде, в кайфе кофеина
увидю в перспективе награждение крестом
(болгарским, как сказала бы Фаина).

Короче, я согласен принять такую честь.
Пусть префикс «де» моё украсит имя.
– А правда, что бесплатный проезд для баронесс?
– А запись где на замок с крепостными?

* * * (1994)

Иллюзии! Куда попрятались?
Где всё, что в юности хотелось?..
Ах, эта чёртова порядочность,
интеллигентность, мягкотелость...

Гремя картонными доспехами
по затрапезным Зурбаганам,
Мы за туманами всё ехали.
Приехали. Теперь – куда нам?

* * * (1998)

По новой линии метро я еду до Арбата.
Метёт поганюю метлой кончающийся век.
Я ездил в эти же места другим путём когда-то...
Да и вся жизнь была не та – ещё до *смены вех*.

До смены вех крутил трамвай колёса за копейки.
Зрел коммунизма каравай – сам пах и сам светил.
Всё было рядом, впереди, на следующей ступеньке.
Знай только, рулевой, веди по атласу светил.

Арбат, чего же ты горбат? Ну выпрямись обратно!..
Ноябрь, наявивай, как март, любовный вой котов...
Я буду дуться в буриме на деньги и бесплатно,
рыбое солнце в сером дне высматривать готов.

Увы, по строчкам семят на цыпочках огрехи.
И всё не так, и всё не то, и смех, и, как бы грех...
А вехи надобно менять, они ветшают, вехи.
И упаси нас, Хоть-Бы-Кто, от этих ветхих вех.

ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ (2001)

Сегодня в метро, верно, Мальчиков Спящих день
в вагонах коричневой линии кольцевой.
Они вырастают из тех синюшных детей,
которых несли по вагонам вниз головой.

Которых мотало, прикрученных за спиной,
спелёнутых тряпкой – смеяться, моргать нельзя.
Бухая бомжиха им запах природный свой
передавала, по рвотным лужам скользя.

Отдельно о запахе... Перемешать кило
калу с двойным объёмом выдержанной мочи,
заправить по вкусу потом, потом – в тепло
на сутки около батареи или печи.

Потом – ежедневно *орально* после еды
четырежды в день (надёжнее даже пять),
и будешь в награду за праведные труды,
как мальчики эти, качественно вонять...

Я, может, чудак, но на пробу беру чуток,
и, ноздри зажав, как граф – узрев мужика –
вкушаю весомый, как Слово, первый глоток.
Глаза тяжелеют. Подташнивает слегка.

И вот я мотаюсь, смердящею плешью вниз,
ногами вперёд, демонстрируя атлас вен.
Ударь меня. Крикни: «А ну-ка, сука, проснись!» –
и я покачнусь, я рухну, смиренно нем,

и я покачусь, как плод – перезрев на суку,
и вот: перемена мира – одним пинком.
Пацан-перестарок – я всё никак не секу,
что́ там, из дыры летит и гудит – по ком.

* * * (2000)

Алексею Ивантеру

Москва! Пречистенка, Арбат!..
Гулять. Смотреть. И помнить – где,
пока фашистский "колловрат"
ещё не взмыл над БКД.
Не отвлекаться от *СМОТРИН*,
покамест зрячий и живой.
Квадраты *целые* витрин.
Цветной бульвар – ещё *Цветной*..
Ещё не засран БЗК
и вождь не зыркает, усат.
Ещё трепещущих *зека*
не волокут в Нескучный сад.
Ещё вольна картавить голь,
и площадь главная чиста:
ещё поганую *глаголь*⁷
не вывел злой полууустав –
в ретортах смены бытия –
с когортой новеньких Малют.
Ещё гуляю лично я,
кругами двигаясь к нулю.
Пока меня не замели,
я крикну, боли не тая:
– О красно-белые Фили!
– Сокольники! Любовь моя!..
Москва! Как в капле отложись
в ячейках памяти кривой!..
О удивительная жизнь,
сама не схожая с собой...

---

⁷ Одно из значений слова «глаголь» – виселица

* * * (1994)

Владимиру Герцику

Секунды притворяются невредными,
но щёлкают зубами-карабинами,
как индикатор радиоактивности,
мигают многоточиями красными.
Минутки притворяются нестрашными
малютками повышенной красоты,
компьютерами в ваннах керосиновых
лелеют постулаты Архимедовы.
И предстают смертельные заведомо
week-end'ы байбаками безобидными,
карманными такими пятилетками,
урывками дискретного столетия.

* * * (1994)

Как игрушечка, нам космос упакован.
Мирозданье, как лакей предупредительно.
Окна-двери облицованы подковой
(а лягнёт – так ведь для пользы и развития).
Все персты укажут путь, идти куда нам.
Что ни нотка, то аккорд или мелодия.
Каждый кустик расцветает *икебаном*.
Всяка буква *чичас* из-под Мефодия.
Так и двигаемся в нужном направленьи
с подходящими знамёнами и песнями,
авангард очередного поколения,
неизбежно выбирающего пенсию.

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК (1968)

Не осталось мне радости, кроме
как уродовать ямб и хорей.
Приюти меня, пряничный домик,
Робинзона в толпе дикарей.
Под твои шоколадные своды
тихо-тихо пройти разреши.
Дай мне капельку сладкой свободы –
скрыться в тёплой ванильной тиши.
Позабыть безобразную прозу,
внешний мир, неуклюжий, как шкаф,
чтобы мне – только сладкие розы
в разноцветных конфетных горшках.
И – где вафли паркетные сохнут –
в мармеладовом кресле лежать
и смотреть в леденцовые окна,
и сквозь них ничего не видеть!

БОЛЬШОЙ ГОРОД (2002)

Ах, какой грустный город на заре...

А. Блок

Фонарь света замирает, утренний.
Рябит в окнах, ибо стёкла кокнуты.
Ещё спишь ты, но уже напудрена.
Лежит рядом твой платочек скомканный.

Мечта реет, как баклан над яхтами:
заснуть дома, а проснуться на́ море...
А там солнце у руля, как вахтенный...
Подъём флага, как в пионерлагере...

Потом вышли на свою Дубровскую.
В момент уши, как прибор, зашакалило.
Другой выход заколочен досками.
Легко вынуть, но, ленясь, не стали мы.

Сидит кошка, а тиха, как мышь, она,
машин тени отразив в хрусталике.
Ору в голос – чтобы ты услышала:
– Большой город, а ревёт, как маленький!..

* * * (2000)

И думал я: а с кем я завтра выпью...
В.Высоцкий

Свобода, здравствуй! Наливаю чаю
Работа, сгинь (с зарплатою своей)!
Как правда, прост, фантастику читаю
(у Бредбери опять же юбилей).
А там – химичат инопланетяне
и могут время повернуть назад.
Герой же обнаружит ключ от тайны,
и вот он дома, даже не рогат.
Ни серп, ни молот, и ни могодovid
не омрачат космические дни,
покуда робот мухи не раздавит
в экстазе виртуальной беготни.
И тут – примат восстанет на примата
и мирный атом вскинет арбалет,
и враз забудет престиджитатор,
в какой подмышке прячется валет.
Услужливо разверзнется могила,
явив пласты нечернозёмных глин...
Но – пискнет пейджер. Заорёт *мобила*.
И – вот он я. Не запылится, *блин!*
Как сам – вернулся с будущих просторов.
Сбежал от звёзд, страшась узнать *ОТВЕТ...*
И мне осталось самое простое:
впечататься в вялотекущий век.
Припомнить назначение предметов,
язык пейзажей, умысел свобод...
Небесный свод в окошке фиолетов...
Понять, зачем вообще небесный свод!
На голубом экране жёлтый Путин.
Печенье в виде рыбок на столе.
Куда идём, и где мы завтра будем –
в дерьме? В фаворе?..
Может быть, в земле?...

* * * (2000)

Извилины – как ясли мысли.
Листки бумаг – её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свистни
и мысли высветли потёмки!

Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.

Но то, что *там* тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.

И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.

Но – не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подростки и набрякши,
осуществит себя – деяньем.

Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.

И – исковеркан Универсум
исчадьем сморщенных извилин...

О мысль – маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР (2002)

На экране бой да в эфире вой...
Мир – чужой, иной, скроен наново.
Здравствуй, друг ты мой, конфидент ночной,
корешок ты мой валерьяновый...
Дед-Мороз пришёл, неказист, но зол,
в лето кол вколел (символический).
Мир предзимний гол, уж не жжёт глагол,
в голове – *алгол* архаический...

А кругом народ – кто жуёт, кто пьёт,
кто срывает плод Древа Знания...
Праздник жизни тот старожила влёт,
словно принца бьёт в старой Дании.
Впрочем, дед хорош: хоть ума на грош,
лыс, облезла прочь позолота вся,
среди кислых рож на козла похож,
но камлает всё ж (в позе лотоса)...

Зубом – цык! – вампир, завершая пир,
дескать, цыц, Шекспир недоделанный!
Был прекрасен мир, да прожит до дыр,
и летит в сортир – с песней дедовой:
«Ты лети, мой свет, по туннелю лет,
блик иных планет выколупывай.
А декабрьский снег, словно звон монет...⁸
Здравствуй, Новый свет (неколумбовый)!»

---

⁸ Вариант: *Неказист и сед, как в шкафу скелет,*

ГЛАГОЛЬ (2001)

Над Европой давно (и всегда) – закат.
А у нас как бы ночь – к утру.
Я – носитель великого языка
в относительно малом рту.

Этот рот – а я им плевал, курил,
целовал, кусался и врал –
перевёл на буквы монах Кирилл,
а Мефодий врубил экран.

Мне вложили кондовые Ж, Ч, Щ,
чтоб глаголил, шептал и ныл,
чтоб надёжно и начисто *зачищал*
католическую латынь.

Дали мне трикратно свистящее С,
громовое вручили Р –
чтобы *блюл* государственный интерес,
либеральных презрев химер.

Есть для духа боль и для тела боль:
эта с пряником, та – с кнутом.
Потому что в начале была Глаголь.
И пётля. Слово – потом.

КОНЕЦ СПИРАЛИ (2003)

Кем быть полезней – истцом? партийцем?
смягчать нокауты полотенцем?..
Ведь всё исчезнет и испарится,
всё так и канет – невозвращенцем.
Будь Геродотом ли, Геростратом;
щедр или алчен; весом ли, весел;
твои голгофы, твои фальстарты –
твой личный ларчик – по интересам.
Ты снова мальчик – курчав ли, лыс ли –
шагни за чиру, воскликни: «Штандер!..»
Как мир заманчив! Как ярки мысли!

Владей же миром: ты – **АЛЕКСАНДР!**
Всё так и шло: логарифмы, рифмы;
любовь без фальши (и с фальшью – реже)...
Приятно долог маршрут к харизме..
Ах, так и дальше б... Но нет же, нет же!..
Обижен плотски, рычал, как зверь бы,
грыз, полуголый, бы прутья клетки,
недель полоски слагая в зебры,
их – в полугодья, те – в пятилетки...
А всё ж противно – ерошить баки,
к старушке лютой спеша на форум,
тогда как тигры в полоску хаки
в камыш скользнут и сольются с фоном...
Уесть беззубым ли жизни сласти!..
Дожёван пончик. Нам всё наврали.
Где славы бубны? Где пики власти?..
Завод окончен. Конец спирали.

* * * (1997)

Как это я забыл о том,
кто делает зарубки
на самоструганном столбе
из мачты корабля!
Так можно потерять себя
среди этой мясорубки,
по незнакомым неживым
почтительно скорбя.
А он идёт неспешно в лес
собрать плоды и фрукты,
он доит коз, а их навоз
на грядки он кладёт.
Вот появился и исчез,
и только дым из трубки
обозначающий его,
летит среди небес.

* * * (1998)

В ностальгическом дизайне
оформляя каждый шаг,
по местам былых лобзаний
отправляюсь не спеша.
От Сокольников к Арбату
и в Черёмушки с Филей
носит юности фрегаты
ветер памяти моей.
По Таганке, по Мясницкой,
у Рождественских ворот
прохожу, и будто снится
это утро, вечер тот...
Та скамейка, эта липа,
тот троллейбусный маршрут...
Тридцать три беззвучных клипа
перед взором проплывут.
Всех припомню поимённо,
с кем был близок и знаком.
А фрегат разнозначный
пролетает с ветерком.

ВЕСНА (1968)

А.

Весна! Я нов. И ново всё кругом –
деревья, мост, Арбат, орлы вокзала...
А может, сам я начался с начала,
поскольку с этим миром не знаком?
Знакомлюсь: ты. А за твоим окном
есть солнце. Утро (т.е. солнце встало).
Вот этажей собрание – это дом.
Вот слово – это то, что ты сказала.
И, наконец, любовь. Ей трын-трава
всё, кроме плоти терпкой и пахучей.
Она неотвратима, словно случай,
добра и зла, опасна и – права!
И вот стихи – убогие слова
из у неё украденных созвучий.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС (1995)

Серёга, мой бывший приятель,
дня на три расстался с женой,
и, времени даром не тратя,
подался к знакомой к одной.

Красуля по имени Света,
не кто-нибудь там, а завмаг.
Её и любили за это –
ввиду ожидаемых благ.

Вот Светка расставила чарки
и, телом владея вполне,
его принимала по-царски
в пленительном дезабилье

в то время, как в стационаре
студент-хорошист Раппопорт
супругу Серёгину, Валю,
проходит по теме «аборт».

Когда же наутро Аврора
вполнеба раздула пожар,
Серёга икнул с перебора
и рысью в сортир побежал.

Вернулся, а Светка одета,
узорный платок на плечах,
красивая, словно Одетта
в балете Петра Ильича.

Вдруг боль за супругу в палате
пронзила Серёгу иглой.
Но Светка ответила: «Хватит!»
и стала противной и злой.

«Гони, дорогуша, полтыщи
за кофей, постель и коньяк!..»
А он был влюблённый почти что,
т.е. думал, что это за так.

А Светка, как ангел, невинна,
ему говорит: «Не жидись,
не то твоя щуплая мымра
узнает, где был ты надысь».

Зверья от слов этих яда,
Серёга бледнеет, как смерть,
и сам, вероломнее Яго,
сплетает коварную сеть.

«Плачу чистоганом, – сказал он, –
кусай хошь на зуб, хошь на вес».
Пятёрку у кореша занял
и кинулся в ОБХСС.

«Товарищи, баба болеет,
сидит без обеда семья.
А взяточники всё наглеют,
ведь это прямая статья.

Я сам семьянин, экономен,
завкома действительный член..»
И вот зафиксирован номер
в купюре – известно зачем.

За Светкой приходит охрана,
под белые руки берёт.
И вновь продолжается драма,
в которой безмолвен народ.

Напрасно в ментовке рыдала,
двоим конвоирам дала...
Три года судья намотала
девчонке за эти дела.

Ой, девки, живите скромнее,
разврат не держите в уме.
Вот всё, что сказать я сумею
в коротком моём резюме.

ОБМЕН (1997)

Со столбов обрываю
листки телефонного кода.
Кто готов на обмен?
Предложения жажду и жду.
Мне желателен рай
с безраздельною райской свободой
за кромешную тьму,
совмещённую с пеклом в аду.
Пусть отныне кружат надо мной
мои синие птицы,
пусть топырит смешно
простодушные перья фазан.
Не взглянуть бы назад
и от жалости не обратиться
в камень или бревно,
не рвануться бы только назад!
Ты готов на обмен?
только честно! Отдам без обмана
за любовь каламбуры,
в которых считался мастак,
за снижение цен –
Ювеналовы стрелы (с колчаном!)
и бесплатно – от юмора: чёрную метку и флаг.
Разве розы мои рождены из паров керосина!
Разве выживу – злясь,
выражением общим безлик!..
Жало *злыя* змеи возвращаю теперь Серафиму
за непламенный взгляд
и за свой, хоть и косный язык.

* * * (1983)

A.

Я не живу с твоей карточкой,
лживой от времени, крапчатой,
выжил и так, и пожалуйста –
даже глаза не мокры.
Время садиться на корточки:
прошлое рад до утра б читать,
время качаться китайчато,
веки полуприкрыв.

Время – садится на корточки.
Память – светла и улыбчата.
Впрочем, чревата провалами:
связь-то времён порвалась⁹!
Смрадно дыхание форточки.
Стрелки часов – точно рыб чета.
Плавают пепел по комнате,
пачкая красный палас.

Время сочится песочное.
Чушь утечёт чемоданная.
Память, как магия магния –
миг ослепит и спалит.
Мафией лайнер захвачен...
В фарватере – Обетованная...
Но где же твоя фотография,
главная, как исполин.

---

⁹ См. стр. 14

* * * (1983)

Лене Быстрицкой

Остановясь на полушаге,
глазами список пробежала
тех, чей фонарик из бумаги
раскрасить тушью надлежало.
Вдруг иероглифов зигзаги
на миг иначе увидала:
– Мы рядом здесь, – она сказала.
А он добавил: – На бумаге...
Слова свистели как свистульки
и как дробинки или пульки,
и как синичка в тёмной сини
свистит на шёлковой картине.
Как в море тающий кораблик.
Как улетающий журавлик.

* * * (2000)

Строчу привычно, весь блокнот исчёркал,
вдруг слышу: кто-то дышит за спиной.
Я думал – так. А это встреча с чёртом,
ведь то был он, не кто-нибудь иной.
Неймётся чёрту даже по субботам!
Что делать? Как – нечистого надуть?
Но – выходной, и хоть бы в небе кто-то,
кто истинный мне указал бы путь!..
И вот, не достучась до поднебесья,
серебряную брея седину –
*«Вы, чёрт, ребром ошиблись.
И не бес я!..»* –
сам заору в отчаянье **ему**.

Соблазна так и избегу: невинно
и, в то же время, мудро, и хитро!
Но мерзкий бес, ещё хитрее, видно,
и знает – где ребро, где серебро.

* * * (2001)

Между экватором и полюсом,
а где точнее, не припомню я,
блондинка распустила волосы,
на платье расстегнула молнию,
сказала, видимо, счастливчику
«мур-мур», как ласковая кошечка,
стянула с плеч бретельки лифчика,
на кресло бросила, где кофточка.
Прошла перед портьеркой шёлковой,
в окошко выглянула, голая...
Но тут тихонько что-то щёлкнуло,
и стала видимость фиговая.

* * * (1983)

Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике, только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия... А продуктами труда
я всё родственников мучаю, да знакомых иногда.
В голове, как гнезда галочки, чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем, да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!.. Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны. Где настройщика возьму?

* * * (1995)

Наташе Илларионовой

При помощи районной Айболитихи
встав перед фактом встречи с червяками,
печальную колонну – на Калитники –
я лично бы повёл – вперёд ногами.
Но, словно мистер Твистер ошарашенный,
услышал бы: «Мы, право, сожалеем,
но нет *местов*. Кресты сто лет не крашены.
и теснотища, как за Мавзолеем».
Не светит мне престижное Ваганьково
и роскошь колумбария Донского.
Сомнительного пасынка Таганкина
кошерное не примет Востряково.
Катиться, видно, мне (*вперёд колёсами*)
на пепельную фабрику за город...
Но суть не в том. Как говорят философы –
важно не расстоянье – путь мне дорог.
Друзья мои! Потомки и сотрудни-цы!
Хваля меня, не хнычьте: неуместно.
Покойник был сангвиником, и улицы,
бывало, мёл он веником прилежно.
Мог рифму отчебучить – обхохочешься.
А плакать не любил, ну, разве, малость.
Ну, ладно, говорите всё, что хочется.
Я б сам сказал, да всё уже сказалось.
– Мне горько, – я сказал бы, – не не солоно.
Я чту мою последнюю подругу.
Она сейчас откинёт косу в сторону
и вам прочтёт чего-нибудь по кругу.

ИГРОТЕКА (1986)

Симпатичный ветеран
в игротеке служит.
Кому даст аэроплан –
тот над миром кружит.

Кто получит самокат –
носится по парку,
и проводит время вскачь
выбравший скакалку.

Кто куличики печёт,
кто тележку тащит...
Мне же добрый старичок
выдал карандашик.

Я спешу строку писать,
ибо жизнь – игрушка.
Игротеку закрывать
тащится старушка.

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ (2002)

Ещё не вечер. Как бы рано.
Но вот с косилкой за плечами
гляди, грядёт седая краля,
как внешний повод для печали.

А это повод к перебору
воспоминаний и итогов. –
Memento, знаете ли, *mori*, –
замечу, лысину потрогав...

Чужой на скачках и на дудках,
в графе «игра» я ставил прочерк
и избегал углов бермудских
посредством циркуля и прочих –

правил ли, правил ли, лекал ли,
линейных или квадратичных...
А кое-кто навеки канул
и сгинул в *нетях* непрактичных...

Итак, поблизости от гроба,
тропа к которому просторна,
поводит усиком утроба,
жратвы поводырь до уборной.

И я, утробы той хозяин,
усвоив варево и пиво,
вдруг озаботился: нельзя ли
дожить и помереть – красиво?

Не на смертельную простынку
нагадить, булькая со страху,
а ту, с косою, пнуть ботинком
и рухнуть – гордо, как на плаху..

Но провалявшийся на псине
то на спине, то с боку на бок,
я позабыл о звёздной сини
и притерпелся на ухабах.

Не выдаётся гроб на-вынос
под жизнь, забитую узлами,
и не мечты невыполнимость,
а **не**разнузданность желаний

мне не даёт – подняться с места
и вдеть ступни в ночные туфли...
Я оседаю, точно тесто,
перестоявшее на кухне.

* * * (2003)

Веронике Кацнельсон

О мои однокурсники!
О мои одноклассники!..
Где спортивные курточки?
Где похвальные «классики»?..
Где похвальные грамоты?
Предзачётные бдения?..
Кто – ослаб по буграм идти,
кто – снижает давление.
Кто сердечный, кто почечный,
кто – кишечно-желудочный...
Кто сражён одиночеством,
кто *увнучен* до ужаса...
Нас бессрочно задвинуло
в темь; теперь не по-прежнему!..
Доля отдана львиная
нагловатым тинейджерам.
Да и шарик игрушечный
подпалённый да плесневый
старичкам со старушками
не катать уже с песнями.
А катать на колёсиках
мощи дряблые трезвые...
В телевизоре классику
разжуём ли протезами?..
Лица сухи и слепеньки.
Лапки спрятаны в валенки...
О мои *односклепники*
и *однокатафальники*.

* * * (2003)

*

*

***

* * *

Осиновый листик

летит к пигментологу:

– Я что-то желтею, я что-то краснею...

И мне не *трепещется*, рыжему, долго.

Зелёный – был хват. А теперь – посмирнее...

Парили пушинки (блестел я упруго),

стрекозы шептались о чём-то своём...

Верните мне, доктор – прошу Вас как друга –

мой вид и фактуру, мой цвет и объём!..

Пигментологиня помажет микстурами.

Помашет рецептом, пронзительно белым.

Инъекцию сделает против простуды.

Прилепит полезный компресс между делом.

Примочку из охры

с сиреневой мазью смешает

и предупредит рецидив...

А листья багряные

сыплются наземь,

и куколки спят

в паутинках

седых.

2003

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ (2003)

Следующая жизнь –
она не такая, как эта.
Ведь я уже буду знать,
как надо себя вести.
Как научусь писать –
сразу пойду в поэты.
А как *полово* созрею –
освою любовный стиль.

Стану гуманитарием –
чтобы поменьше трудиться.
Ну – ремесло для денег,
скажем, *сантехник-сан*.
Семьи заводить не стану:
буду свободен, *как птица*.
Пожалуй, съезжу в Европу
и всё повидаю сам.

Заведу себе девочку колли,
рыжую и шальную.
Чёрно-белыми вечерами –
виртуозных перстов пасьянс...
В виртуальных кругах вращаясь,
за окном пропущу весну я.
Супротив фантома вистуя,
упущу на бессмертье шанс...

И в этой жизни другой,
в неизвестности где-то,
за переходом скорым,
когда чёрная хрустнет твердь,
обнаружится новый мир,
может быть, не такой, как этот,
но, конечно, ещё прекрасней
и солнечней, чем теперь.

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ (1998)

1.

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Возьмусь и я. А что мне – не под силу?
Да стоит мне лишь ручку в ручку взять –
бумага – слышь! – уже заголосила...
В сонет идет любая дрянь, пустяк,
а поглядишь – выходит даже мило.
Когда б вы только знали – *мама миа!* –
из сора из какого, из коряг
каких – противно к ним прикосновенье,
но я терплю – не оборвать бы пеньё! –
устроен, то есть состоит сонет!
В нём глубины искать не надо, нет!
Он, в сущности, в рифмовке упражненье.
Оно несложно, это сочиненье.

2.

Оно не сложно: это – сочиненье,
не изложение, даже не диктант.
Ты собственное изобразишь мненье,
простую склонность выдашь за талант
и, смысл держа на шее, как атлант,
набычась и притом бахвалясь ленью,
преодолеешь слов сопротивленье
и расположишь строчки, как педант,
чтоб перекрёстная сменялась кольцевой,
чтоб теза с антитезой дорогой
слились в экстазе всем на удивленье,
и синтезом сменился б общий вой,
и зазвенели бы перед тобой
в венке сонеты, как в цепочке звенья.

3.

В венке сонеты, как в цепочке звенья,
как семечки, к примеру, в огурце.
И нужно нестандартное везенье,
чтоб их узнать в лицо в таком гурте.
И надо необычное уменье,
дабы прочесть в означенном лице
то, чего нет в начале и в конце,
а только промелькнуло как бы тенью,
метнулось между бра и пылесосом,
помедлило незадачным вопросом
и скрылось в как бы розовых кустах,
высокопарно, как свинья пред опоросом...
...Одни сонеты бы не пользовались спросом,
их *магистрал*¹⁰ объединяет. Как?

---

¹⁰ *Магистрал* – сонет № 15, состоящий из первых строк остальных 14 сонетов

4.

Их *магистрал* объединяет. – Как?
– Да как обычно: в приказном порядке.
Он их сперва рассадит, как на грядке
(а перед тем ещё помнёт в руках),
потом раздаст им чистые тетрадки,
а одному – повязку на рукав,
дежурный, мол, и под мотив трёхрядки
запустит в свет, перстами помахав
пред носом собственным – на месте ли пенсне –
и вот движеньем плавным, как во сне
(почти что незаметное движенье),
они вступают *a capella* – нё
во *что-нибудь*. То предъявляет мне
состав капеллы – хоровое пенье.

5.

Создав капеллы хоровое пенье,
теперь выносит хитрый *магистрал*
своё администраторское рвенье
на самую большую магистраль¹¹.
И значит, час единственный настал,
когда, как бы по щучьему веленью,
возникнет ниоткуда вдохновенье,
чтоб увеличить жизни *полнакал*.
И будет *магистрал* – с большой дороги,
какую мнут колёса, месят ноги...
Полита потом каждая верста.
Она – его, как арестанта – сроки,
как бога – храм, как барина – оброки
как столяра и плотника – верстак.

---

¹¹ Т.е. видимо, на дорогу поэтической славы.

6.

Кáк столяра и плотника верстак
достал (я выражаюсь их словами)!
А нас, читатель, вероятно, с Вами
ничто уже *достать* не может так.
Мы толстокожи. Нам любое знамя
равно серó. Нам быта кавардак
привычнее, чем идеала знак
(не знаю, как назвать его словами).
Стоит жара, иль непрерывно льёт
прозрачный ливень с облачных высот,
пурга, мираж ли, светопреставленьё –
нам не до них, читатель, нам поёт
иной Кобзон, наш ко всему подход –
как пациентов клиники: терпеньё.

7.

Как пациентов клиники терпенье
облагораживает! Лучшие врачи
предпочитают умному лечению
текущие анализы мочи.
А ты, больной, надейся и молчи.
Держи в себе своё плохое мнение.
Таблетку, вон, у бабки получи
и жуй себе хоть до выздоровленья.
А то не жуй, авось помрёшь и так.
Шучу, шучу (да ты шутник, однако!..)
Надежды себестоимость – пятак,
цена же – грош в сегодняшних дензнаках.
Минуй, недуг, меня, как полдень – мрак
и как бойцов – стремительность атак.

8.

И как бойцов стремительность атак
не раздражает! Шум, столпотворенье,
пейзажей и построек мельтешенье,
полно народу, всё всегда не так...
Ракеты, танки, лошади... Бардак!
И, наконец, народов истребленье...
Нет, я бы лично воевал не так.
Как – доложу в секретном приложении.
Бойцы – грубы. Как их нелепа форма!
Они – если в кино – идут на *порно*.
Не на «Чапаева», а на Мерлин Монро...
Да это мне, пожалуй, всё равно.
Сюжет к строке пристраивать упорно –
весь кайф венка (хоть это не бесспорно).

9.

Весь кайф венка, хоть это не бесспорно,
в том состоит, что можно им мести...
Да нет... то веником! А этот – как бы орден,
на то он и лавр^{ов} и потому в чести.
И если лавр с венка покамест не оборван,
то им увенчанный, беспечен и мастит¹²,
здоровой пищей ублажает аппетит
и не корячится в труде своём упорном
на благо Родины, ведь он космополит,
и долг ему нисколько не велит
предпринимать то, что смешно и вздорно.
Но мы-то знаем, чем народ велик,
в чём замысел и Чей в нём виден Лик:
в том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*.

---

¹² Не грудница!

10.

В том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*,
научного подтекста вовсе нет.

Всё в простоте, какая там Сорбонна!

Стоит сонет. За ним ещё сонет.

За тем – ещё... Как по сигналу горна
в торжественном преддверии побед,
развёрнут строй их, как парад планет.

И стяги рифм над ними реют гордо.

Всё на своих местах, не как попало.

Под мудрым руководством *магистрала*
здесь строчка каждая весома и права.

И глаз обрадован незыблемостью строя.

В наш век увидишь часто ли такое –
стихи стоят по струночке: ать-два!

11.

Стихи стоят по струночке: ать-два!
Одна строка другой велеречивей.
И погляди, читатель терпеливый,
тут так же чётко строятся слова!
И только буква, атом неделимый,
всему стихосложению голова,
как моря гладь – приливы и отливы,
разнообразит строчки и слова.
Я б букве гимн исполнил на трубе
за переменчивость: она то **А**, то **Б**,
то что-то третье: γ^{16} или θ^{16} ,
пусть даже $\aleph^{13}$ или **Ъ** –
я всем им рад и никому не враг.
Хотя, по мне, надуманно всё это.

---

¹³ Гамма, тэта – греческие буквы; алеф – еврейская буква

12.

«Хотя, по мне, надуманно всё это» –
намедни я заметил сам себе,
играя роль завязанного поэта,
такого мэтра, ушлого в пальбе
из пушек по пернатым. Фраза эта
красиво кукарекала в уме,
но я не понимаю, хоть убей,
умна она, или в ней смысла нету...
Когда же понимания итог
прочертит чиру возле самых ног
и в темноту швырнёт гранату света,
то вместе с ним придёт и немота:
где правит разум, там душа пуста.
Такой порядок вреден для поэта...

13.

Такой порядок вреден для поэта
(и, в сущности, для всякого лица).
Поступим так: пускай ума монета
подольше не выкатывается
из портмоне души (и из сонета!).
Пусть светит всем до самого конца,
и старого склеротика в юнца
пусть превратит, хотя б на треть момента!
Пока душа бессменная жива,
ей по сердцу и безусловно сладок
свой личный ум и свой родной порядок –
приемли всё, только своё – сперва.
Я, например, на правила не падок,
а лучше так: кто в лес, кто по дрова.

14.

А лучше так: кто в лес, кто по дрова.
Резвись, перо, курсор, реви, динамик!
Летай, смычок, как мудрая сова,
и муза – прилетай, *хорош динамить!*
Качай, качок, хоть мышцы, хоть права.
Кто против нас, тот, значит, снова с нами.
Свобода – вот единственное знамя.
А кто свободен, тем и трын – трава.
Заканчиваю. Надо бы мораль
вписать в не очень строгую, но – форму,
что, мол, трудился и не зря марал
карандашом – блокнот, рулон в уборной,
счета... Но пусть, поскольку я иссяк,
Венок сонетов пишет каждый всяк.

15.

**Венок сонетов пишет каждый всяк.
Оно несложно, это сочиненье.
В венке сонеты, как в цепочке звенья.
Их *магистрал* объединяет, как
состав капеллы – хоровое пенье,
как столяра и плотника – верстак,
как пациентов клиники – терпенье
и как бойцов – стремительность атак.
Весь кайф венка (хоть это не бесспорно)
в том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*,
стихи стоят по струночке: ать-два!
Хотя по мне – надуманно всё это...
Такой порядок вреден для поэта.
А лучше так: кто в лес, кто – по дрова.**

ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ (1987)

Знаменитость пошла к знаменитости в гости.
Знаменитость надела приличный костюм.
Знаменитость зубрила в автобусе тосты,
изнуря забитый экспромтами ум.
Знаменитости дверь знаменитость открыла.
Знаменитость вошла к знаменитости в дом.
Знаменитость сначала в трюмо отразилась,
а бокалы её исказили потом.
Знаменитость блестящую бросила фразу,
что в анналы войдёт – тут сомнения нет!
Знаменитость, её оценившая сразу,
знаменитую шутку сказала в ответ.
Знаменитости, глядя в цветной телевизор,
узнавали друг друга и были горды.
Знаменитости выпили чай из сервиза
(знаменитый, фарфоровый – чистой воды!)
Уходя, знаменитость со знанием дела
похвалила в прихожей старинный офорт.
Знаменитость осталась одна и доела
заливное, горячее, зелень и торт.

ИЗ ЖИЗНИ СЫЩИКОВ (1985)

В архив сдаёт дела милейший доктор Ватсон:
Хоть обеспечен тыл, но впереди темно.
Задача ремесла – подольше не сдаваться
пред веком золотым, стучащимся в окно.
По камерам грызут решётки мафиози,
ножом не саданут и не возьмут казны.
Без вора гибнет суд, настало время прозы.
В кутузку б Сатану! Да нету Сатаны.
Юстиция строга, но новых дел не шить ей,
пока, осилив страх желаньем перемен,
не пустится в бега кошмарный потрошитель,
гниющий в рудниках вблизи поселка N.
Пусть только удерёт – и долго не провьётся
веревочка!.. А то – совсем не вмоготу
бездействовать...

        Так вот, о чём теперь печётся
печальный Пинкертон на боевом посту!
Себе избравший ту из тысячи профессий,
где лупа и наган – орудие труда,
он курит в темноту, он знает: город тесен,
преступная нога оставит след всегда!
И следователь вновь гремит бревном в камине,
и расцветают вновь секреты ремесла.
Как прежде век суров,
        в нём злата нет в помине,
не выдохлось вино, и – предстоят дела.
Он надевает плащ, привычно прячет «пушку»,
бесшумно – шась! – за дверь: искать и находить.
Творящий зло, восплачь,
ибо – ты взят на мушку,
осален, и теперь
        тебе
        пора
        водить.

ИЗ ЖИЗНИ ЯПОНЦЕВ (1986)

Я намедни, блуждая во мраке,
и зубами стуча налегке,
опрокинул рюмашечку *сакэ*,
или – чёрт её знает! – *сакэ*.
Горстка *риса*, конечно, не грузди.
Сам себе говорю: Не *косей!*
и полез на сервант, как на *Фудзи*,
понимая, что стал я – *сэнсэй!*
Я надел деревянную *гэту*,
намотал на себя *кимоно...*
Восходящее солнце! – Поэту
засветило, конечно, оно.
Ну, покончил я с этою... банкой.
Чем запить? – *Церемонии!* – *Чай!..* –
И нацелился в публику *танкой*
(это вроде сонета). *БАНЗАЙ!*

ИЗ ЖИЗНИ БРЮДЕР ГРИММОВ (1987)

Сказал брат Гримм другому брату Гримму:

– Я, падло, из тебя всю душу выну!

И, сукой буду, в *Полицай*

я стукну, как ни порицай!

Гони от гонорара половину.

Ему на это брат ответил (Якоб):

– Ты, брат Вильгельм, досадно одинаков.

Конечно, я не серый волк,

но автор-то – народ, *дас Фольк!*..

– Нет гонорара, – молвил он, заплакав.

Но тут смягчился вдруг суровый Вилли.

– Ну, *гут*, – сказал он, – Яшка, или-или.

Одер вир ге'йн цу тринкен Бир,

одер за Шнапсом лёйфен вир...

Унд данн они драй Банкен *раздавили!*

ИЗ ЖИЗНИ ЮДОФОБОВ И СИОНИСТОВ

1.(1985)

Жил я тихо, никого не трогал,
но меня в смятение поверг
мрачный факт: Корнеев – это *Коган*.
А Исламбердыев – *Мандельберг*.
Я – хоть не похож на дебошира –
сионистский разгону дурман:
Сидоров – по бабушке *Шапиро*,
а его борзая – *доберман*.
Разогнался – и не остановишь –
по асфальту склизкому Пегас:
Иванова – это *Давидович*,
а Петров – я извиняюсь – *Кац*!
Боже мой! В какие *палестины*
полетело всё, что я люблю!
Оказался *Блюмкиным* Устинов,
стал Нечипоренкой – *Розенблюм*!..
Не могу смолчать, не похвалившись,
(как всегда, когда иду на рать!):
я узнал, что Кузькин – это *Лифшиц*,
в документах указавший мать.
Кузькин! Мать твою – не позабуду,
ибо – показать её резон
всем, кто как бы наш, а сам, *иуда*,
ежели не *Зак*, так *Либерзон*!

2. (1990)

Ваш кумир не наблюдёт уже на столик
(т.е. ужин не закончится скандалом),
ибо свят наш ритуал – скажи, историк! –
и мы дали между глаз ему шандалом.
Может, кто нас упрекнёт, мол, дело мокро –
я шандалом самолично и тому дам!
Что ли – зря великолепная семёрка
всё кумекала в Сионе над талмудом!
Так что ваших, почитай, раз-два и нету.
У последних, вон, петля свистит на горле.
Ну и что! – По нашим планам вся планета
скоро станет как Москва – шестиугольна.
Всё идёт согласно тайных *“Протоколов”* –
и крючком не поступимся малейшим!
Вот у нас и не случается проколов.
Так что чао, господа. Шолòm алейхем.

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ (1985)

Вот храм Поэзии.

Редакторы – швейцары.

С метлою критики: наводят чистоту.

На курсы повышенья –

на базары! –

прозаиков погнали,

лимиту.

С пегасни во дворе несёт хореем.

Приемлют музы поэкстазно душ.

За гонораром

и за гонорреей

сюда влекутся инженеры душ.

Держи, поэт, по ветру бакенбарды.

Пари высоко, но не чересчур!

Не то завхрамом враз отдаст команду

спровадить кой-кого на саранчу.

ИЗ ЖИЗНИ ГРАНДОВ (1987)

Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба,
внук покойного гранда Угостиньо Сквернандо,
в час ноль-ноль пополудни отбывает сегодня
с палестинцами биться ради гроба Господня.
И супруга Бессильо, ясноокая Пьянка,
пьёт четвёртую склянку (видимо, валерьянку),
ведь в Голанских высотах, в духоте inferнальной,
долг отдаст дон Задрыгес – интернациональный!
Что как злой сарацин уязвит его шпорой,
или самаритянка соблазнит мандрагорой,
иль забывшего спяну пресвятую идею
в нечестивую веру обратят иудеи?..

Час отъезда подходит. Но с громадной бутылью
Вдруг является рыцарь дон Свиньяго да-Вилья.
Дон Свиньяго до гроба предан дону Бессильо.
Вот они уже оба – вместе с этой бутылью.
Погоди, дона Пьянка, пить свою валерьянку,
дон Задрыгес, пожалуй, выйдет вон – спозаранку.
Он, в конце концов, весел, он здоров и свободен!
Ну ещё один вечер гроб потерпит Господень!
Но, в разгар вакханальи не прошедшие мимо,
входят в замок Бессильо два святых пилигрима.
Они грозно взирают на напитки и яства.
Взор потупил да-Вилья. Инфлуэнце всё ясно.

И сказал из них старший: «Значит, в землю Святую
в час ноль-ноль ты не отбыл. Я тебя арестую.
Ты ж не только подводишь сам себя и обитель,
ты Спасителя, может, сим поступком обидел!..»
А другой пилигрим подытожил негромко:
«Стыд и срам дезертирам клерикального фронта!
Марш на выход с вещами!» Тут супруга вмешалась
и спасла дона Амбу, упирая на жалость.

Донна Пьянка сказала: «Дорогие коллеги!
Не катите на дона Инфлуэнцу телеги,
ибо дон Инфлуэнца и вот этот – Свиньяго –
получили знаменье, чтоб не делать ни шагу.
Уж и конь был осёдлан, и супруг, беспокоясь,

самолично замкнули мне для верности пояс.
Но завыли собаки, и из ясной лазури
вдруг чего-то сверкнуло, и – грома громыхнули.
Металлический флюгер прямо с крыши сорвался,
и из воздуха ангел златокрылый соткался».

Тут вскричал дон да-Вилья, непотребно икая:
– Это дух, а я думал – это бочка такая!..
Это дух, а не ангел, он как бочка огромный!..
Поднял голову Амба и заметил: «Не помню».
Донна Пьянка сказала: «Флюгер сломан и ладно.
Ангел же оказался духом дона Сквернандо!..»
И воскликнул Свињяго, в кофе соус накапав:
«Мне покойник был должен восемнадцать дукатов.
Значит, он теперь в духах, как и в жизни – повеса:
Не отдал он мне, сука, ни единого песо».

Тут Задрьгес в Свињягу запустил табуретом:
«Мой прославленный пращур Вами зло оклеветан!
Я такого не помню, хоть стоял с Вами рядом!..»
Пилигримы смотрели подозрительным взглядом.
Рвёт Задрьгес перчатку: туговато надета,
дон Свињяго вскрывает кобуру арбалета,
громко молятся богу два святых пилигрима,
чтобы в ходе дуэли попадали все мимо.
Донна Пьянка в испуге молча руки ломает,
но берёт себя в руки и дрожа продолжает:

«Дух как стукнет об землю электрическим током,
так у нас три коровы до сих пор ходят боком!
И теперь дон Бессильо принимает лекарство,
чтоб не вылететь всуе в преисподнее царство...»

Дон Задрьгес не слышит – колет воздух рапирой,
арбалетные стрелы в креслах делают дыры.
Дон Свињяго да-Вилья сто из ста где-то выбил,
и любезному другу он готовит погибель...

В это время и вправду небо застили тучи,
засверкало с востока, дунул ветер могучий,
Донна Пьянка как взвизгнет, что-то в сумочку спрятав:
«Боже! С неба упали восемнадцать дукатов!»
И действительно – деньги показала в ладони.

Тут, оружие бросив, призадумались доны.
Ужаснулись монахи, зазвенела молитва,
и бесславно закончилась неуместная битва.

А дукаты святые пилигримам достались:
ведь не зря же молились, не напрасно старались.
И монахи сказали: «Если так, то конечно.
Неспроста эти штуки, видно, кроется нечто...»
Им лекарства налили и поесть дали тоже,
ведь лекарство, оно же – профилактика всё же!
И поев, пилигримы двое суток молились,
и постом очищались, и потом удалились.
И ушёл дон Свиньяго, этот доблестный рыцарь,
не забыв с донной Пьянкой прегалантно проститься.

Пролетело три года удручающим мигом.
Гроб Господень как прежде – под языческим игом.
На замок заперт замок. Пилигримы забыты.
Донна Пьянка в запарке: то шитьё, то корыто...
Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба
вечерами играет на *viola da gamba*,
принимает лекарство, пребывает в сомненье:
То ли было знаменьё? То ли будет знаменьё?..

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ (90-е гг.)

Незабвенная тётя Шарлотта
как-то выпила пинту компота,
что пошло ей во вред,
ибо сытный обед
завершила обильная рвота.

Незабвенная тётя Шарлотта
в понедельник упала в болото.
На её вызволение
дал король позволение,
но велел обождать до субботы.

Незабвенная тётя Шарлотта
в родословной имела вестгота.
– Он, – она говорила, –
был известный Аттила,
сын побочный Сафо и Полпота.

Незабвенная тётя Шарлотта
Приглашала на квас патриота.
– Найд! – вскричал патриот, –
Только пиво, Майн Готт!
Я есть немец, и звать меня Отто.

Незабвенная тётя Шарлотта
целый день не снимала капота,
полагая, что днём
ей прилично быть в нём.
Ну, а ночью – другая забота.

ИЗ ЖИЗНИ КРЕДИТОРОВ (1999)

*Фермер расстрелял семерых кредиторов
Из газет*

У фермера семеро как бы по лавкам,
и истин не рóдит с финансами спор.
Не ждите, что фермером будет обласкан
в своём огороде злодей кредитор.
А если их семеро – в чьём это вкусе?!
И так-то коробит нехватка земли;
обкушались клеверу гнусные гуси;
семь тощих коров от козла понесли...

Где грóши, которых со времени Она
не сыщешь, как прямо иголку в овсе?..
А семь кредиторов, как семь Симеонов,
богаты и самодостаточны все.
Как хочется – скоро – *калашника* вынуть!..
Но вспомните сёмью: они не простят...
А семь кредиторов куда-нибудь сгинут,
как первые семь из дес(я)ти негритят.

Вы стали, как порох . Умерьте свой норов,
проверьте уменье умножить на семь –
и семь кредиторов, как семеро гномов,
сойдут в подземелья свои насовсем.
Не надо укоров (держите в уме их).
Придите с цветами на *бак* или *ют* –
и семь кредиторов, как семеро смелых,
на полюс в «Титанике» славном уйдут.
Довольно повторов: замкнёшься, играя.
Вы ж сами хозяин себе и другим.
А семь кредиторов, как семь самураев,
обслужат себя инструментом кривым.
И славно, без споров, не как посторонний,
достойно и стильно, как друг и кунак,
былых кредиторов помянете скромно
на ихних семи на семейных холмах.

ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ (2000)

Сожран синим чудищем, мчу ещё живой,
яблочком по блюдечку вдоль по кольцевой.
Но, под каждой решкою ищущий судьбу,
на Калужско-Рижскую ветку перейду.
Там я абонирую место у окна,
где судьба *всемирная* будет мне видна.
Глазу завидущему, как бы сквозь кристалл,
светлого грядущего яростный оскал –
как бы в масть бубновую бьёт за битом бит
в измеренье новое с будущих орбит.

Этой информацией (почему бы нет!)
мог бы потягаться я с сетью Интернет:
президенты-партии... конъюнктура-спрос...
разрешится в марте ли коренной вопрос...
теорему просто ли доказать Ферма...
перемены в Бостоне... урожай зерна...
будет курс устойчиво или *как* – расти...

– Всё скажу. Но *кой-чего* мне позолоти.

ДЕЛА (2006)

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован справкой
врача // врезалась в пень пострадали двое // вывихнула
ключицу плеча // окопался с бабой в проданном доме
//дверь на замке телефон отключён // отлучился на год в
пустыню гоби // она уже с ветеринарным врачом // ворвался
в комнату ругался матом // махал кулаками дразнил собак //
соседа-ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка
«папа дурак» // появился пьяный крушил посуду // пианино
деку разбил топором // не спускает воду гадит повсюду //
жилая квартира беспредел погром // ехала на красный вы-
рвали мобилу // потерял расписку чемодан вокзал // отобрал
бумажник прямо у могилы // справка об отцовстве нанёс уг-
рожал

* * * (2006)

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное – когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда – единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё – виртуально: водоём, премьеры, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ПАУК И МУХА (2007)

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно вприснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

ЭТЮД (2004)

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скоромных мужчин,
я даже сказал бы – трэфных хрякóв,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси нá-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые – город – газон – кровать,
она говорила одно: пустяк,
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол – ни о ком...
Пойми теперь, кто – бормотал, вопил,
и кто – выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё –
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ (2008)

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил –
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПАРАД ПЛАНЕТ (2000)

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там – сор. Тот, из которого – стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса – Парад Планет.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)
Но Марс её в заложницы позвал
и – заложил: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в экс-тазе) рвался и метался,
и в этот таз слезами пролилась
гроза начала мая.

– Кто дежурный?

Убрать! – раздался страшный голос вдруг, –
парад и это вót – не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда – вонь!..
– Кто это, – я спросил, – Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон –
о Вечности... И снова всё, как в школе:
глагола первый ощутив ожог,
рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...
Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

* * * (2004)

С.Л. и Н.Б.

Сегодня Коля был без Светы.
Она ушла к кому-то в гости.
Их в эти гости приглашали
когда-то вместе, но увы –
однажды Коля два бокала,
разбил, нечаянно, конечно,
с ужасным грохотом и звоном
в тех самых, чопорных гостях.
Теперь те чопорные гости,
верней, хозяева, наверно,
имея недочёт бокалов,
уж Колю в гости не зовут.
И вот, приходится сегодня
ему вести какой-то вечер
литературный, где стаканы
выбрасываются вообще...

* * * (2004)

Как времена летят? – Как птицы.
Сперва вперёд – потом назад.
Что́ было – то и воротится,
как пить дать. А не дать – не взять.
Чума истории возвратна.
Грядут прошедшие года.
Где было солнце – только пятна.
Поставил пробу б, но – куда!..
Как в триллере, паля навскидку,
набив палёным толом лиф,
воздушный храм судьба-шахидка
развеет, по ветру пустив.
Чтоб в облаках, как в одеялах,
как будто привиденья, мнясь.
остатки прежних идеалов
с кем по́падая вступали в связь.
Пора – зубрить по-новой коды
Эзопа: чтоб не замели...
Ведь даровали нам Свободу.
А мы – воспользовались ли?

* * * (2004)

Так. XXI столетье.

А в прошлом веке (где он ныне!)
я жил, как все: ел щи на третье,
негласно вопиял в пустыне...

Дробясь в нутре зеркала мутном,
с утра бухую скалил морду.

Натужась, втискивался буквой
в ячейку тесного чайнворда.

Пока самцы шукали веру,
блудя посты, как постовые,
искал я пару, как химеру,
был погружён в стиха стихию.

Пока бананы ямба ел я
и отливал в часы отлива,
она, как ящерка, глядела
зелёным глазом похотливо.

Я выходил в *инет* без ника –
таким Гаруном (аль – Рашидом)
и тусовался там безлико,
перепоясанным шахидом
спеша в толкучку масс народных,
дрожащих в трепетах лобзаний,
как исполнитель на скейтбордах,
елозил злачными задами.

Под едкий запах перегару –
в метро, в его тягучих штольнях –
как шелкопряд, искал я пару,
а получал её – как школьник.

И вечным двоечником, воя,
вкусив субботней трёпки предка,
не забывал: теперь нас двое –
я и проклятая отметка.

Хоть был я видный, вроде, парень,
внедриться мог в любую щёлку,

Но лучше бы я был непарен
и на-гора давал бы шёлку...

Я не хочу служить в балете,
мамоне, богу и отчизне!

Вернись, XX столетье,
и снова молодостью брызни!

ОКЛЯБРИ (2005)

Хрущёв и Лермонтов. Октябрь. Допустим, иды.
Решенье Пленума. Рожденья торжество.
Где – лысина?.. Бровей орлы приятны с виду.
Гусар в подгузнике. Стихи манят его.
Ужель в последний раз ласкаешь ты кормило!
Отпустишь – и один. И будто овдовел...
А тот у бабушки, задумчивый и милый.
Сопит и чмокает. А впереди – дуэль.
Не вовремя Покров: всё солнце вылезает.
Захлопнуть бы тетрадь подальше от греха.
Синеют *огурци*. По полю скачет *заец*.
Октябрь уж наступил. Уж роцца отряха

КАЛЕНДАРЬ (2003)

Я в газете прочёл, что на нас термидор наступает!
Здоровенный такой термидорище, гад окаянный.
В треуголке кустарной заносит за ворот обшлага
длань сухую и зыркает оком, сугубо орлиным.
Ведь не мельницы мяли
цырюльный прикид Дон-Кихота –
с телебашен

развёрнутым строем
бетонные волны.

А теперь тишина, темнота. Только шмыг подковёрный.
Кто ж кого победил в этом не-Бородинском сраженье?..
Мерный атом не зря торопил по орбитам мезоны,
и солдатские жёны в запретные зоны стремились.
Олигархи не даром мусолили длинные баксы
перечислить конкретно лимоны на чай персоналу.
Как аналог Пилата, я чистые мылю ладони.
Наше дело следить за печальным исходом кампании –
как заря или что развернётся из искры кромешной.
Поднимите мне брови. Какое сегодня брюмера?

КОНДОПОГА (2006)

Широка и обширна родная страна.
Много в ней всевозможных хреновин.
Но с порядком у нас, как обычно, хана.
Да и климат довольно неровен.
Знаменитые мѳлодцы, богатыри,
древнерусским пропитаны духом,
всех крушили на раз. Ну, на два или три
и мерещились вещим старухам.
Пролетели века. Потеплело слегка.
Нету эллинов. Нету варягов.
Нас крутило спиралью. Теперь – вертикаль:
на-попа. Это – новый порядок.
А по курьим избушкам ягое бабьѳ,
аппетитные самки кощеев,
плотоядно хохочет, считая бабло,
новорусские пасти ощерив...
И пока медвежонки, косая нога,
обустряивались по берлогам,
прогремела тишайшая Кѳндопога
редким сюрдактилическим слогом.
Ведь в чухонских потѳмках не видно ни зги,
и – чтоб с этою тьмою бороться –
заплясали весѳленькие огоньки,
затрещали хребты инородцев.
Жги, ребята, круши – наступила пора.
Нам свобода – не то, что как прежде.
Не бойсь, мужики, ведь за нас мусора.
И Москва, если что, нас поддержит.
Отпирай этажи, щас начнѳм грабежи
и вопросы решим кардинально.
Встань, фашист-патриот, своё слово скажи.
Поднимайся, Воронеж и Нарва!..
Поднимайся, Саратов и Питер – вставай!
Грянь, загорский отряд камерадов!
Бологое – Зиг хайль! Доннерветтер, Тамань!
Руссиш дух – это Руссиш порь-ядок.
Пусть горит всё дотла, помоги, сатана,
Исполать – топорам да пожарам!..
От России останется кучка говна
и урок иностранным державам.

ВЕК – МНОГОЯК (2006)

Век – многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фабулы скелет, событий мян воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) – мозг.
Оцифровал за годом год – и что, что их сто! –
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт – что:
превышен уровень того, принижен – сего,
и где резвилось божество – гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель – сегодня: бугор.
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала – сталь.
Где голос пел и обещал – сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал – в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

* * * (2005)

Я вхож в один кружок
богемного, похоже, толка.
Где с серьёзными постмодернистами
и симпатичными концептуалистками
закусываю то постным пловом,
то острым словом,
то салом французским
постмодернистские перформансы,
концептуальные инсталляции.
Водку. Стихи.
Весёлый мат интеллигентский.
Никотиновый дым.
Шум. Палиндромы. Предметы искусства.
И смотримся мы, как пришельцы с Марса.

Я видел в книжке постсоветской фото.
Фас, профиль и глаза.
Горящие от ужаса глаза
безумного замученного Хармса.

ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО (1995)

Вся жизнь – то семья, то школа,
то прачечная, то ЖЭК...

А как же тогда глаголы,
что якобы могут жечь?

А так: сходи в супермаркет,
товары повыбирай
и – крапай в тетрадь помарки,
нахрапом вломясь в трамвай.

Межвременное пространство,
Серпинское решето...

Зазором для трансa – транспорт,
когда понимаешь – что́:
помимо жратвы и блуда,
при скорой езде в метро,
есть ещё сладкое блюдо –
вербальное болеро.

Не веером бальным позван,
что беден и заменим,

а неизлечимым гипнозом
влекомый – лечу за ним

Не оды и не романсы
про доблесть или красу,
а главное – резонансом
звенеть в унисон колесу,

его перестук копируя
в строкú текущего дня,

ведь ритм – император пира
и распорядитель огня,

поддерживаемый жаром
неведомой небесам,

практически данной даром
энергии колеса.

ИЗ БУДУЩЕГО (2010)

Жизнь серьёзна и мудра. Но –
я по правилам фортрана
программировал урана
        термоядерные па.
Только что-то вдруг случилось:
то ли рухнула причинность,
то ли с минуса на минус
        сбилась времени тропа.
Кнопка ли запала пульта,
или я чего напутал...
Только – будто катапультой
        пущен – силою толчка
оказался я в Грядущем!
Всё смешалось: матчи, путчи...
Не спасайте наши души! –
        XXI век! Мечта!..
Киборг вскидывает бластер.
Робот щёлкает запястьем.
Вертикаль втыкает властно
        в облака колокола.
Мультивак на звездолёте.
Терминатор круче Гёте.
Недосапиенс воротит
        нос от мерзкого стекла.
Я – как вылетел из школы
без путёвки комсомола...
Может, ляпнул где крамолу –
        вот и смена бытия!..
Тут всё крутится иначе:
белка мчится, стрелка скачет.
Под копытом кто-то плачет.
        Неужели это я?..
В этом веке многояком,
всё своё кидая на кон
то пахан, то маг, то дьякон –
        в многогранье вносит грань.
Но – заткнулся пробкой транспорт,
но – колдун затрясся в трансе...
Населенье по утрам – всё
        ту же злую хлещет дрянь...
Там – Хитровку, наше Сохо,

скрыть старается эпоха
(монолитный кол неплохо б
вбить в бандитский ореол).

Тут – галдя, как попугаи,
СМИ эпоху низвергают.

Там – поэты напрягают
парус: каждый – Арион.

Что я? Где я? – Странно даже...

Я мечусь, я бьюсь в экстазе.
(Всё *волнительно*, как скажет
в телевизоре актёр...)

Может, выжил из ума я?

Сентябрями маюсь в мае,
ни хрена не понимаю,
а ведь раньше был остёр...

В этом веке – новом, странном –
мне б смиренным ветераном...

Я же, как юнец, тараном
прямо в сердце поражён!

Но – судьбы на вираже мне
Не пристало стать мишенью.

Отвергаю поражение
и взлетаю с куражом!

Я – на свете всех казистей.

Я не сдам своих позиций.

Разве зря во мне резвится
зажигательный вольтаж!

Слава точечной застройке!

Прочь, убогие помойки!

Пусть стихи мои на тройки –

Что мне уровень продаж!

Ни в синодах, ни в сенатах
не учтён. В ушах мохнатых

«Эрос! Эрос! Я Танатос!» –
слышу трели позывных.

Жизнь – игра в когтях *Админа*.

Смерть – рояль в кустах жасмина.

Сторонясь отца и сына,
я и духом не поник!

Это очень важно, ибо –

без вранья и перегиба
говорю всему спасибо

за сегодня и вчера.

Завтра – сорной горстью праха
мир стряхнёт меня, неряха.
Но вперёд смотрю без страха.
Поиграем: жизнь – Игра!

ШТУКИ (2004)

Стихотворение – не анекдот.
Не излияние и не глюк.
Не чувств половодье. Наоборот.
Это – **УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК**.
Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«ШТУКА» – то, что летает – над,
фабулу комкая и торопя.
ШТУКИ – первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому??..)
– Ну, а про что они? – Ни про что.
– Свет-то прольют? – Ни в какую тьму.
Каждая – абсолютно чиста.
Как эталон. Или – ориентир.
Это – кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.
ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих –
вносят поштучно, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается – стих.
Т.е. **УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК**.

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ (2008)

Думать: о почерке и о походке.
Не – о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.
Смерть тепловую влечёт, создавая,
взрыв, и на ВСЁ промежуток – пустяк!
Телом истлел? – Но души сетевая
версия теплится – нё в небесах.
Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье –
даром в Рунете даровано, хоть –
всё мирозданье на фокус похоже,
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей...
Всё и кончается Словом. Играя
звучком и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое – не знаю –
там кувыркается в вашем дворе.

УРОКИ МУЗЫ (2005)

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричной!
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.
Что за рифмы, старик!

        Так вообще рифмовать неприлично!..
Тут – любимую вспомни в её ненаглядной красе.
Тут – уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.
Там – обценно приправь нашу русскую удаль тоской.
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....
И – корявый балбес – неужели дождусь пересдачи?!
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.
Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..
Ну, и вот она, Вечность – труду и усердию приз!

КУНШТЮК (1999)

Из двух притяжений ты выбрал земное
Виктория Волченко

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.
Не выбравший – суметь, и не сумевший – выбрать,
восторжествуй, Осёл, ума максималист.
Под тяжестью в руках наполненных стаканов
я – самозванный зав исчерканных бумаг –
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,
герой, погибший за – плоды обоих благ!..
Летален был итог. Но не перемудрили
учители Начал (не помню их имён).
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.
Асфальты и цветы топчу тяжёлой пяткой,
и в горнях высях след черчу пером крыла.
И в точности, как ты, я за *одной* охапкой
пренебрегу лететь, кусая удила.
Когда ж меня за фук возьмут вражда и злоба,
не выроню ничуть *Викторию* из рук.
Из притяжений двух я выбираю – оба.
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

ЗАВИСТНИК (2009)

Я со всеми типа выпить-закусить,
ну, с листа прочесть в кругу стишок-другой.
Законнектился в компьютерную суть,
и как будто всем я кореш и друган.
И как будто я коллега по перу,
по Перу, по Атлантиде, по Мали.
Я же – трезвым завсегда ем пиров
не тусуюсь – о сочувствии молю.
Мол, глядите, я же ваш кунак и брат!
Только верхних в голове модели сфер.
Я ж за вами – до длиннот и до Бермуд
или – в Чили-Магадан-Мадагаскар.
На подъёмные я лёгок, хоть сейчас –
семь небес пройду, и девять не вопрос.
Проявлю к вам от шести и больше чувств,
во френды́ или в доверие вотрясь.
А до дела – там, в историю войти,
в космос, в Лету – я как скромный в стороне.
И укажут: ты вот тут, а там – вон те.
За забор непререкаемый – ни-ни!
Хорошо, я за оградой постою,
неуёмный и от зависти седой.
Мы совместно ещё (Лазаря) споём,
когда вы ко мне напроситесь сюда...

ПЛАНКА (2010)

Углеглазая мгла за углами легла – 1962

...и земля обратится в холодный оплавленный шар.
Ну, не шар, эллипсоид. Геоид – не скажешь точнее!
И исчезнут следы человеческого шабаша.
И не жалко, казалось бы. Хрен бы, казалось бы, с нею.
Но когда-то чужою орбитой затянута в поле
влечения, тяги, короче сказать, притяженья,
вдруг, в руках корифеев, она возродит: Лимпопо,
Чили, Мадагаскар. И Москву – чуть заметною тенью.
Вечной славы ища, как лишенец утраченный хлеб,
сквозь известный кристалл я провижу из тёплого тыла,
как, пинцетом грядущим распято в предметном стекле,
затрепещет бациллой моё уникальное Было.
Паровозик затянет чугунную песню «чух-чух».
Чудо братьев Люмьер – *cinema* – оживёт на экране.
Хронологию новую слепит космический дух
из событий, какие окажутся прочих сохранней.
Из какого-то сора появится буква... две...
слово... строчка... И вот – как паук из янтарного плена –
текст... Стишок? – Это ж мой!!!..
(Вероятность – как если бы в дверь
постучалась с утра не молочница, а королева!).
Корифеи искали ещё, но, увы, не нашли
и спихнули с орбиты ненужную эту планету.
Значит, мне одному отвечать за поэтов Земли,
невысокую планку держать под космическим ветром.
Извините меня, менестрели, поэты и проч.,
Камасутра, Кручёных, Куняев, Гомер, Калевала!..
Я – нечаянно!.. Вы погружаетесь в вечную ночь.
А моя «углеглазая мгла» – гляньте! – классикой стала!
Так не будет? – А вдруг! Что ж, я хуже, чем кто-то иной
и за долгую жизнь ни словцом и ни слогом не вышел?!..
– Вышел! Словом и слогом. И шанс этот – мой (нулевой)!
Планка в крепких руках. И всё выше она. И всё выше.

КОГДА-ТО... (2006)

Напротив памятника Пушкину
кафе-молочная. Я там
машу сосискою надкушенной –
как бы указываю рта
режим и ритмику жевания:
альты – ням-ням, басы – хруп-хруп!..
Жуют студенточки жеманные,
потом лицо платочком трут.
Смели два марципана щёголи,
два капитана в галифе.
Клыки, кренясь, у бабки щёлкнули,
она немножко подшофе.
А за стеклом моя милиция
законно алчет шоферóв.
Шуршит бульвар тверскими листьями.
Лицо луны вздымает бровь.
В углу качнулся и уснул-таки
алкаш, как твёрдый знак загнёт.
В «России» в Малом зале мультики.
Начало через семь минут.

26 МАЯ 1966 ГОДА (26.05.2008)

Памяти Георгия Ница

В 66-м году, 42 назад
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.
Вот я роз букет везу (розы – расцвели!),
к жениху на Курскую, после – на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.
Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Мáшину знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...
Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа – нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

СВОБОДА ТЕПЕРЬ (2005)

Брожу среди улиц. Имею свободных часа полтора.
И рад, как похмельный Емеля со сказочной щукой с утра.
Завязаны тучи узлами. *Термометер* косит на нуль.
Свобода! Ведь это же знамя, которому я присягнул!
Что ноль! Мне сегодня и минус не сможет испортить досуг.
Вот жаль, телефоны сменились за сорокалетье – подруг.
Но я пересилю досаду и приступ тоски перебею.
Но я на бульваре присяду на редкую ныне скамью.
Всё так же, как прежде красивы фигуры отзывчивых жён...
Бутылку прохладного пива открою карманным ножом.
Опять оттеняет барокко деревьев потухшая медь.
Я тут проторчу одиноко, покамест не станет темнеть.
Вот в сумерках пара за парой взлетят, обнимаясь, в зенит.
Старушки побрякают тарой.
Трамвай чем-то там прозвенит.
Потянет сырою прохладой. Бабуся посуду сдадут.
И вот – притягательно сладок домашнего дыма уют.
Пора возвращаться к покою. Метро. Телевизор. Постель.
Так вот она, значит, какую Свобода предстала теперь.

* * * (2004)

Тропинкой, похожей на прочие,
движенья напротив не против я
Но тут настаёт многоточие,
хлебало раскрыв многоротое.
Кривую срезает, уродуя,
и вот обращаюсь в валета я,
бессмыслицу многобородую
младым поколениям советуя.
Они наступают, орясины,
на пятки мои ахиллесовы.
Такая идёт катавасия,
хотя ещё всё-таки весело...

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО (2007)

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как – по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд –
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!
Текущие нулевые года, т.е. от нуля первого
по десятый, почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи
на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.
Во всяком случае, я б оттолкнулся
Пятю ошпоренной от современности и – айда
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.
Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
6-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.
С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатали бы Пятое колесо.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.
Задержался бы, застоился бы
ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душной курилке,
ЛТП (личный творческий план), стенгазета по вечерам.
Производственные чаепития, мемориальные пряники,
строго с портретов – вожди.
Все ещё живы и деятельны.
Дети лопочут и ползают – пи-пи да ням-ням.
А чуть выше – сангвиником-козликком я по лесам,

кинозалам и даже озёрам (не боюсь!) скакал.
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск методом тыка,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче – найду.
И неожиданный, после увенчанный, закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.
То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент превратила предыдущую в ерунду...
Ещё на ступеньку-другую, и вот:
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом
я вижу, как будто вчера...
Июнь. Полыхание запаха: липа. Не злой,
но всё-таки, кажется, зной.
Август-сентябрь. Жара. И отчётливо слышно
лязганье танков из-за бугра.
Но выше, выше! Туда, где доска
в интегральных красуется кружевах,
где среди лекции по диффурам приёмник,
чуть ли не детекторный – Гагарин! – вскричал.

Несанкционированный выплеск восторга,
манежные струи очищающих вахт...
Всё теперь – наше! Москва – космопорт,
спутников гордый причал.
И ещё: по склонам грядущего МКАДа
укладка квадратной травы.
Целина, где восходы, свинарник
и розовый тальник на нём.
И картофельные пыльные будни,
без годов и без дат, увы...
Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,
а когда-то скакал и резвился
весёлым и глупым конём.
И на угли глядел у костра,
однозначно и монотонно угасающие к утру.
И думал: вот это запомню теперь навсегда
(и запомнил – вот!)
А наверное, это я (да и все мы)
в такую играли игру,
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...
Я смотрел как на площади Красной –
ещё допионерские карамельки жуя –
из далёкого ряда, у ГУМа, а в душе ликовал и пел –

небольшой – но я знал, что Великий – человек в шинели (это я Его вижу! Я!) попирая могилу предшественника, выколачивал смрадный из трубки пепел. И уж вовсе времён в глубине я гляжу, как, найдя под откосом тайник, мы, дети, кидались боевыми гранатами (и почему-то не взорвались). А однажды с юга на север (или с севера, может, на юг) – откуда он к нам проник? – проплыл дирижабль краснозвёздный зелёный, как огурец или длиннозёрный гигантский рис. Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё, жил бывший поверженный враг: пленные хмурые немцы копошились, и доблестно их сторожил наш геройский конвой. Мы знали: покажь им красную тряпку, на советский хоть отдалённо похожую стяг – ух как бы они – Доннерветтер! – зашлись бы, закашлялись в ругани злой!.. А бабуля на керосинке, не глядя – да и зачем! – варила рисовый суп. Толокняную кашу под цвет одеяла, мешала в кастрюльке и грела среди одеял. Дедушка с мамой трудились за свой небольшой ещё дореформенный рупь. И постоянно отсутствовал пропавший без вести папа, которого я никогда не видал... Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён. По дороге в Москву безликий мужчина в кепке надо мной, на подушке узкой лежащим, глянул в окно: «Подъезжаем к Казани» – сказал – и с этой фразой я почему-то всегда живу... Но ещё из времён было самое давнее, скажем, времени – дно.

Стульчик высокий, кажется, серый, но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна –

она называется просо, стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...
Далее тишина, бесшлосесно гаснет экран.

РЕЧКА СХОДНЯ (2004)

Извивы стиха непредсказуемей тика.
Там буква мелькнёт, там – слог, а вот это – что там?..
Петлисты: река и уши преступного типа.
Он пентиум, типа, заносит над нашим счётом,
не гамбургским, правда. А по реке – барашки,
вроде, агнцы, а в перспективе – жаркое...
Электропоезд мчит через мост к «Трикотажке».
Солнце сменяет дождь... Непостоянство какое!
Сходня бурлит, завивает круги и петли.
Тут был когда-то лес и, должно быть, леший.
За наяд не скажу, не знаю, были ли, нет ли...
(Вот у меня таки были – вихры, враждебные плечи!)
Я уж не с кровью рифмую любовь, а всего лишь с болью.
Прячется кобальт неба в столовой гжели...
То, что когда-то звонко звалось любовью,
тихо влетает в синее, без движений...
Чаю ли выпить? Выплыть ли – на дорогу...
Вторит изгиб изгибу, как сказка – факту.
Ночь в стихах рефлектирует понемногу.
Звезда звезде посылает месседж но факсу...
Синее станет серым. Слетают листья...
Осень. Штампы аллюзий впишите сами.
Я уползаю в тёплое закулисье.
В собственную тарелку. В родные сани.

БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ (2004)

*Ерунда! – сказал дьяк, –
Из вас должен быть всяк
в теле*

А.К. Толстой

Зомбированный Закулисой,
я замечаю всё, что скверно.
Мне всё – равно: солома, сено,
какашка, лампочка, грейпфрут...
Вот девушка: сидит орлицей
в преддверье метрополитена.
Как сфинктер, рот ея извергнул
непереваренный продукт.
Вот юноша под кайфом пива
(или – чего?..) угрюм, но весел,
ботинком вдребезги посуду
опорожнённую добил.
Вот пуп показывает дива,
как это водится повсюду,
сама в полутяжёлом весе,
а муж её – *вааще* дебил.

А там гадалка кажет бубну.
Её глаза черны, как сливы...
Вот старец с челюстью в стакане
бредёт неспешно босиком.
Вот члены Думы, остроумно
обозванные «думаками»
ещё при поза-том созыве,
при государе при другом...
Вот обновлённая столица
пронзает башенками небо.
А главной башней, той, что теле-,
слегка помахивает, злясь.
Кругом кошачьи, волчьи лица...
А каждый быть должён бы – в теле,
жить без волнения и гнева
и долгоруким быть. Как князь.

Я (2005)

Знай: это я!

Козьма Прутков

Я вовлечён в пространство бытия.
Я жизнь прошёл от края и до края.
Я переполнен собственными **Я**.
Я ль виноват, судьба ль моя такая?..
Я погребён под грудями тряпья.
Я зѣмы не люблю. Ах, мне бы мая!
Я ем еду. Мечтаю. Жду трамвая.
Я пиво пью заместо мумия.
Я стар теперь. А в детстве, партизаня,
Я был фанатом Дедушки Маза.
Я весь погряз в гордыне, твёрдо знаю:
Я был. Бываю. Есмь. Пребуду – **Я**!
Я поднимаю собственное знамя!
Я только не уверен: я ли – **Я**?..

* * * (2009)

*Быть может, всё в жизни лишь средство
для ярко-певучих стихов*

В. Брюсов

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
какой ни получишь сигнал.
Пусть даже подарит Пандора
свой ящичек, чтобы – сыграл.
Сыграй. Например, в ре-миноре.
Народ зарыдает навзрыд...
Но помни: *memento*-то – *mori*!
Забудешь – а он не простит.
Ты будешь стремиться всё выше,
но вновь понедельник, и вот –
в подельники к чёрту запишут,
дадут от ворот поворот.
А дальше в какой-нибудь вторник
свершится судьбы произвол.
Тот, чьё бытие не бесспорно,
будильник на вторник завёл.
Так выкинь обиду из сердца,
пусть в нём только боль и любовь.
А жизнь – эксклюзивное средство
для ярко-певучих стихов.

МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (2007)

Он думал: ведь, у меня всегда была
неплохая наследственность; мне,
может, осталось прожить целую жизнь –
Лермонтова, на худой конец, Галуа.
Неужели этот остаток, довольно большой,
будет всё темней и темней?
Неужели же так ничего и не сварит
ржавый мой котелок, лысая голова!
В ней же бессменной династией
издавна проживают цари.
Да и сам я, хоть, может, и червь, но бог,
сам себе и маяк, и маньяк...
Где ж ты, мой старенький добренький Фауст,
где вы, мои молодые *Мцыри*?..
Где, наконец, моя первая гамма, лемма,
первая теорема моя?..
Так размышлял он, то глаголом, то интегралом
размахивая, как шашкой на всём скаку,
к годам переменного возраста прибавлял
то семёрку, то тройку, а то пририсовывал нуль.
И пока он об этом мечтал и думал,
всё метался северный ветер
по пустому его чердаку,
и он позабыл, о чём же он думал,
что было, что, может быть, будет,
и постепенно незаметно уснул.

ЗВЕРУШКА-66 (2008)

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.
Краевые дефекты эффектно, как те фейерверки.
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.
Ловок, хищен, незрим...

Может быть, он блефует? – проверьте!

На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.

Даже ночью и в дождь сокрушителен жар куража.

Не жалей. Не залей! Он поэт, он поэтому светел.

Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.

Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..

И *шестёрки* расчистят тропинку, что стала – СТЕЗЯ,
здесь он пасса младенцем, под стулом, на лысом паласе.

Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.

Он писать приспособится, писать притерпится в тазик...

– Что же делать, скажите?..

– Попробуйте аперитив.

А потом – попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

ЧАЙНИК (2010)

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... – Могилы? – Ну да.
Розы – стихотвореньям, а прочее – в прозу.
Так прозаик распишет – *шарман* (лепота)!
В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без толку – увы),
развлекаюсь ли контаминацией литер
или с френдами *чачусь* журналов живых –
всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! – неловко головка от туловища...
Погляди, не боись, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону –
прочь от проводниковых драконовых мер.
Роз же – чайных не нюхивал: не было чар в них.
То же самое – чёрных. В бокалах *аи*.
Я – о *прочем*. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ (2009)

...от людей действия людям говорения – В.Герцик

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная – ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая – весь, как автопилот.
Я человек. Во льду ли я – всё, как в жерлё Везувия.
Тут не игра, в дыму моё – всё: и душа, и плоть
Действие – наказуемо. Рухнет – лови внизу его.
Крайний-то – я! – Ату его! Вот – бытия оплот.

Я человек неумения.
Я человек, потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания.

II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнёт без трения,
но – за крупицу времени, сорок каких-то лет –
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!
Я человек говорения – тусклого, но горения.
Не для меня гниение: мне не пристало – тлеть.
Я — человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.
Вам ли сдержат в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения.
Я человек вдохновения.
Я человек созидания.
Я – Человек-Мироздание!

* * * (2007)

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу – пожалуйста: титр,
а не разгляжу – кто-нибудь да подска-
жёт...

Этот сюжет разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что – Поэт!
Мне что́ по этапу – что́ по этажам,
Что́ влёт – что ползком, что́ запеть – что́ запить.
Неважно – позор или славу стяжать.
А важно – что звёзды, что Солнце блестит.

СКАЗКА (2008)

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать.
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.
Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,
в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме.
Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух
и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату.
Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?
Прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»
И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.
И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!»
И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!
И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.
В *vitū novū* летим, вроде Данта с Петраркой своей
или как мастерок с разбитною своей маргариткой.
Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.
Хрен догонишь нас: ты, бессмертель, недостаточно прыткий.
Я стал тоже иной – обольстителен, строен и юн.
И в любом направленьи сумею обрушить удар свой
Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, баюн.
И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ (2006)

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колено.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо – то клёво, то влево.

Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол¹⁴, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто – на пол
не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой – обглодает последнюю кость,
и вот я – журнально и книжно –
цикутой цикады от(п)равлен на пост,
на мост моего модернизма.
От берега А и до берега Б
он реет – от края до края.
Я – виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликуя. Играя.

---

¹⁴ Гугол — самое большое число на свете.

ЗВУКОВОЕ

* (1962)

Луч – золотая игла на углу. Из угла
углеглазая мгла за углами легла.
И из лона назло за излом уползло
узловатым козлом узколюбое зло.

* (2006)

Цаца Тата чатится.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!

* (2002)

Кумиру строю капище.
А как ещё мне быть!
Мне быт подносит кукиши –
чем скуку шевелить?
Велит моё кумирище
«Корми ещё да пой!..»
Поймите же, товарищи,
коварный он какой!

* * * (1962)

Я хочу повеситься
в начале мая-месяца
на твоём капроновом чулке.
В утреннем тумане я
убегу заранее
и приду в деревню налегке.
Там крестьянку грубую
поцелую в губы я,
а потом один уйду к реке,
чтобы там повеситься
на роге полумесяца
на твоём капроновом чулке.

* * * (2004)

Стихосложение – фигня, а проза – трали-вали...
Вообще, какого вы рожна и, так сказать, хрена!
В Союз писателей меня по благу записали.
Там секретарша есть одна, *Аршалуисовна*.
Мои штрихи, форшлагги, па – всё плоское, земное.
Но жизнь – качель: то ввысь, то вниз –
хоть смейся или плачь...
Моя поэзия глупа – так нужно, я не ною...
А я зато – постмодернист, цитатчик и хохмач!
Поэт – связующая нить между богов и *быдол*.
Несу поэзии примат, да я и сам примат...
Ну, дык чево вам сочинить? Могу – тосты́ на выбор.
Вы не смотрите то что мат, а где теперь не мат!..

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ (2010)

Всё крутить бы любви колесо нам –
подекадно, как Декамерон.
Но настырней мента – Мендельсона
моногамного гимна минор.
Люди к людям клинически люты.
Им бы баксы, да хоть бы рубли!
Навалите валету валюты –
он, как пешка, шмыгнёт в короли.
Нам же ввали, что всё по спирали,
чьи витки правят сущего текст.
Новый цикл, и сыграть не пора ли
в старый добрый промискуитет!
Эти игры, как тигры, сугубы.
Рыку – рык, кувырок в буерак...
Да чтоб каждому с каждою – любо.
Если кто вне игры, то – дурак.
Знай – люби да любидом орудуй
в этой злой многополой войне,
складным залпом любовных орудий
любоваться чтоб было и мне.
Чтобы лóжились губы на губы,
в поле битв полюбить полетим.
где *любые* близки нам и любы.
Ведь «любой» это тот, кто – любим!

* * * (2006)

Шесть долгих лет я не вкушал еду.
А ведь когда-то кушал ежедневно.
Однажды предложили мне поесть.
Я испугался, что отвыкли зубы
от пищи и – не в силах раскусить
окажутся... Позор! О, что мне делать
тогда!.. И я, предлогом благовидным
отговорясь, поспешно удалился.
Потом жалел. Скрипел и скрежетал.
Но было поздно: сладкое доели.
И я переминаюсь у дверей
тяжёлых дорогого ресторана
и запахи ловлю, и воспаряю
в мечтах голодных. Мальчик у Христа
не ёлке, как сказал бы Достоевский.
Но святочный финал не для меня.

ВОСПОМИНАНИЕ-86 (2004)

В тишине испуганного мира
на Таганской площади пустой –
чёрный куб, достойный Казимира,
с надписью короткою: *ЗАСТОЙ*.
Осень, как полезная касторка
(Пушкин о такой мечтал поре),
и – на красном – белым: *ПЕРЕСТРОЙКА*
по ЗАСТОЮ бьющем топоре.

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ (2010)

Окольцована Вселенная-птица – кем?
Небо – ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна – не колобка ли литой манекен?..
Цопнуто кольцо-то! – Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники *треф*,
мастеру Вальпургию *бубнили* хор.
Червлёными пиками в лунный серп
Целили, метафоры метали с гор.
Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей – пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, *пикой* востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь *трефовых* клеверов или роз
спят сухими *червами* – валуны.

* * * (2010)

Полковнику никто не пишет – Г.Г.Маркес

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и – на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я – банкрот. Все мои сбереженья потратила моль –
нафталином колоться, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копыя, только пью невалютной луны лимонад.

ВОДА (2009)

...и не друг, и не враг, а – так...

В.В.

Кто одобрит – знахарь? врач?
Дрянь – душа и мерзость – плоть.
Я ни хладен, ни горяч,
как сказал один... господь.
«Климакс клёв, да климат клят! –
пошло пукал пипл толп, –
Брут не Брут и брат не брат.
И ни чёрн, ни бел...»

Но – **ТЁПЛ!**

Хине, мёду – не *кунак*:
горечь, сладость – ерунда.
Я – не пиво, не коньяк.
Я – вода, вода, вода!

ПУТИ-РАЗМЕРЫ (2008)

Сменил *анапест* Петербурга
на лёгкий питерский *хорей*,
и на пеон под *третьим* номером,
к примеру, Комарово.
На *ямб* Москвы, на Серпухова дактиль.
А вот *второй* пеон – Иваново...
И *амфибрахий* захолустного Урюпинска...
Березники – *пеон четвёртый*...
И первый, наконец, нагнал у Кемерово.
А там, через совсем далёкие *верлибры* Ерофея
Павловича,
глядишь, и снова на *анапест* перешёл.
Но – Колымы...

* * * (2004)

Душой я не то что молод, а просто зелен.
Ей всё бы крутить любовь по чужим постелям.
Ей всё б от мужей хорониться виновной мышью,
лелея во рту цветные четверостишья.
Ей трижды плевать на расчёты, долги и *башли*.
Добыть бы слоновой кости, составить башню –
крутые ступени, в окне витражи, на флагштоке знамя...
Но с телом-то делать – что? С животом?.. С зубами?..

РАКУРСЫ (2009)

Есть ракурсы, где, мордой нѐ
казист, я всё ж смотрюсь.
И пусть не шибко *кряжистый*
и даже толст (местами),
не столь настырен, как хотѐ-
лось бѝ – так это ж плюс!..
Но уж и минусов не столь,
чтоб вы читать не стали.
Не Цицерон, не Демосфен,
не Пушкин, не де Голль,
я не устраиваю сцен,
не топочу ногами.
Пусть шевелюры на ветру
не шевелится *смоль*,
пускай в транскрипции навру
и не исполню гаммы –
всѐ это внешне. Не беда,
что в прозе я не Пруст,
и то, что прост, как мячик, ѝ –
в поэзии не Бродский¹⁵.
Но я – надёжен, как скала.
Немного грузен? – Пусть!
А скажете, что корифей¹⁶ –
я засмеюсь: «Да бросьте!»

---

¹⁵ вариант: неброский

¹⁶ вариант: графоман

ЦМУКСУ

* * * (2008)

Начинается с любого
незатейливого слова.
А потом, вступая в сговор
с несговорчивым собой,
я придумаю такого,
что, навек заинтригован,
анекдотный мальчик Вова
мне сюжет предложит свой
(с неизменной новизной) :-)
Будет мной сюжет подхвачен
и в пути, допустим, с дачи
я отвешу Вове сдачи
полновесною строкой.
Как же может быть иначе!
Я ж поэтом обозначен,
и гормон не весь растрочен –
рифме рано на покой
(я теперь всегда такой...)
Начинается с подвала,
даже – нет! – с полуподвала,
или – нет! – пожалуй, с бала,
там, где я увидел Вас.
Встретил Вас и всё такое –
не подумайте плохое! –
это Оле- мне -Лукойе
кой-какое мнится, снясь.
(Что за дичь!.. Какая связь?!..)

ТЯГУЧИЙ СЮЖЕТ (2007)

Тягучий сюжет выползал неспроста
из мякоти сморщенной мозга.
Вибрировал кулер, считая до ста,
а может, до ста девяноста.
Будильник бубнил, что сегодня – вчера.
За стенкой собака басыла.
Барахтались, в Сеть угодив, хакерá,
и вирус их жалил, бацилла.
Просверлен Светила сверххилым лучом
курсив и погас в одночасье.
Жестоким курсором навывлет учтён
пейзаж и разъят на запчасти.
Потрескалась вечность. В сортире искрит.
Санскрит перепутался с феней.
Осмеян последний истец и обрит.
Как лох, запинается гений.
Настырная совесть бодучей, чем чёрт...
И всё это – мне показалось –
сигнал, что жива и пахуче течёт
сюжета тягучая гадость.

СЛОВО ЗА СЛОВО (2007)

Качается кончик невидимой нити.
Чуть-чуть потяните, и я – понесу.
Не в сумке убоину, не на магните
сомнительной скрепки каркас навесу,
а – сущность судьбы, что не в блёклом валете,
но в свете Свободы (каков пируэт!)
Пирует со мной уж какое столетье,
нет, тысячелетье – свободен, как свет,
властям неподвластен, как лунное блюдо,
как ГИБДДшник, слегка вороват...
Над всеми, кто мчится туда и оттуда,
глумится трёх колеров триумвират.
На суд светофора подходит автобус.
Он очень немолод и, кстати, рогат.
В углу его розовом теплится образ
водителя. Метит в троллейбусы, гад,
идушие боком к зелёному змию,
воткнуть незатейливый свой палимпсест¹⁷.
Кондуктора Настю, а может быть, Лию
ладони его возмутительный жест –
крутящий баранку изогнутый палец –
смущает, и ёрзает тазом она
по кафельной ванне. И мыло, плескаясь,
иссякло... Но стирка возобновлена,
и строчки настрочена квота дневная,
и сыплются литеры с красной строки,
чей кончик незримый, искрясь и сигналиая,
с тем, первоначальным, сплетёт узелки.

---

¹⁷ *Появление палимпсеста — признак систематического злоупотребления алкогольными напитками*
— Википедия

* * * (2005)

Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты –
они ж пишут стишки и куплеты!
Что же я-то! Скорее за стол.
Только крошки смету, и – пошёл!
Так. Про что? Что сегодня в газетах?
Тему вывернем так или этак.
Может быть, легковесна? – Пустяк!
Важно же – не «про что», важно – «как»!
Всё же лучше бы, чтоб полиричней –
путь-то жизненный очень приличный
(в смысле: длинный – километров пять).
Зря дневник не вёл... Ну, вспоминать!
Значит, так. Моё первое слово –
как была тяжела и сурова
с малых лет моя юная жисть
(распишу так, что только держись!)
Был я молод, прыщав, беззаботен
(озабочен, точней, но не очень)
и копил несозревший гормон,
сам себе, так сказать, гегемон.
Дальше. Школа труда и лишений,
где пророс мой лирический гений
сквозь забор из препон и преград,
и, созрев, получил аттестат.

* * * (1988)

Дело, может быть, совсем не в том,
Что за дело, важно – кто создатель.
Кто получит яблочком – Невтон
по балде, иль просто обыватель.
Я б сказал, к примеру, – «Надоел
ямб четырёхстопный: всяк строчит им» –
и куплет октавой бы пропел...
– Хрен он был бы кем-нибудь прочитан!
А однажды Гений и Талант
в строчку приведёт *милицанера*
и глядишь – он Автор и Гигант,
всякая стена ему – фанера.
Он как хочешь – так и колбаси.
Я ж – как ни выпендривайся – тщетно.
Ни тебе народного мерси,
ни на презентации фуршета.

* * * (2009)

Не творец: исполнитель,
не программмер, а – юзер,
я не выдумал буквы,
ни приёма, ни позы.
Паразит на готовом,
опьянённый какавом
(или всё-таки пивом?)
я вербальным канканом,
словно вьюноша бледный
или пасынок блудный
(к сожалению, бесплодный¹⁸),
хоть и ладный, но нудный
пай-младенчик со стажем,
февралём ненаглядным
задираю бесстыже,
то глумясь, то насупясь,
как метафору складный,
гуттаперчивый суффикс.

---

¹⁸ творчески

АВГУСТ (2005)

Ah, mein lieber Augustin!..

Песня

Август, лунный мой лучик косой!

Ты ночами скользишь
сквозь поток метеорный.

Неизвестно, какой полосой
начинается жизнь,
но кончается – чёрной.

Милый Август, так что же, кончается – всё?!..

и проходит, как красное лето, mein lieber?..

С хрустом давит нас пёстрое колесо,
отменяя свободный, якобы, выбор.

СТИШОК С ПОДВОХОМ (2009)

Печальный август лето прекратит,
Окрасит златом старческим листву.
Давай о нём забудем – без обид,
В конце концов, пока мы наплаву...
О лето, как ты коротко! Как жизнь...
Хорошее, зелёное, вернись!

* * * (2008)

*Этому нельзя научиться.
Что-то мне ползя не летится.
На пути бугры да предметы...
У меня и крыльев-то нету...
2008*

Ах, силлогизм, при чувстве – челядь,
непостижимом, как Сион!
Как математику поверить
в произвольность аксиом!..
Играть не буквой бы, а смыслом,
взлететь, хотя бы вполхрома!
Но рвутся перепонки систол
и плевры серой бахромы.
Чтоб тут дышать, хватая жадно
озон озноба, чуждый рта,
имей иной дыхалки жабры,
прецизионную гортань.
Не волк, но перекуйся в кузне,
сварись в 13 котлах,
пройди труда искус невкусный
и под каток асфальтный ляг.
В овечьей шкуре зубоскала
укрой укромный силлогизм.
И алгебру его вокала
поверь гармонией, что – жизнь!

* * * (1968)

Ах, пойти бы к тебе,
вернуть бы «вчера» – опять.
По бульвару, свернуть направо,
Арбат пройти...
Чёрный кофе на ужин сварить
и собраться спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти...
Ах, пойти бы к тебе...
Но черны твои окна, черны.
Точно темень волос твоих,
в них поселилась – Ночь.
Ходят серые мысли, как серые мыши,
как сны,
точно серые сны,
которых не превозмочь.
Ты сейчас далеко.
Ты сияешь и светишь – там.
Ты, как Солнце, зашла –
за тобой погас горизонт.
Я один.
И брожу по не нашим во тьме местам.
Без тебя – тяжело дышать.
Как азот – озон...
Я – один. Ни Луны, ни звезды.
Тишина. Кошмар.
Закрываю глаза –
перед ними – твоё Лицо...
Как писали когда-то:
«Madame, я во власти чаръ.
Побѣдить ихъ –
мало отъищется храбрецовъ»...
И напрасно себя
предлагает к утру – заря.
И напрасно по радио
рады куранты – бить.
Эта ночь без тебя.
Эта ночь, убитая – зря.
Это время,
которого мне – не возвратить...
.....

Я сижу на скамейке.
Бульвар мне глядит в глаза.
Мне сочувствуют кроны
осин, тополей и лип.
Ах, они понимают,
что мне без тебя – нельзя,
и наивно считают,
что я навсегда – погиб.
Но ведь это неправда?
Скорее – скажи, что нет!
Что сегодня же снова
вернётся – позавчера?!
И что стрелки часов
не плетутся за нами вслед,
а едва поспевают
за вензелями пера?!..
Я встаю со скамьи
и – с бульвара – направо, в Арбат...
Эта краткая улица –
10 минут пути.
А потом – чёрный кофе сварить
и собраться спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти!

* * * (1968)

далёких звёзд лучи исходят нитями
вонзают точки тело тёмной тени
усталые работы мысли мускулы
подставлены окне ночному ветру
обнажена полночна соблазнительна
роняешь пепел белые колени
погашен свет последние корпускулы
умчались 300 000 километров

НЕ ПО ЛЕТАМ УЖ (2008)

Это не по летам, другое не по летам... – Чепуха!

Хоть и старый я хрен,

но от жизни не прячусь в испуге.

И того гляди, не знаком с боязнью греха

(кроме страха УК), обращусь к услугам стиха,

если можно считать стихом

мои «творческие» потуги.

Прошепчу – верлибром, рифмованно ли, бело

не на фене волков – я заметьте, по крови тоже

из породы другой. Но я выпью, коли взбрело

в ум, как тот, кому за флажки рвануть повезло.

Волки, не волки – все воли хотим, в чём похожи.

Мне ничего не страшно, и что разводит балаган.

Я же ещё всю оного, см. выше, вторую строчку.

Музу мою узнаю по ритмике, по шагам.

Крепок, бодр и могуч, как Гёте Вольфганг Иоганн,

но вложен в иную – свою – телесную оболочку.

Так что всё хорошо, так сказать, уверяю вас.

Даже мокрый октябрь почему-то смотрится маем.

погрустим, конечно, но только давай не сейчас –

некогда! И пока светло и не барахлит матчасть –

нам всё ещё по летам. И мы ещё летаем.

CAFEMAX (2009)

Тут максимально проходит вечер.
Набатов вече гремит драже.
Его, как бисер, друг дружке мечем,
и каждый мечен драже уже.
Иной девице в стихах неймётся,
мол, ей сосцы целовал пацан.
Какая цаца! Но цыц! Немотствуй.
Такую поцеловал бы сам!..
Ревём да стонем, но – не за деньги!
Нас слава метит, как сатана...
А между столиков привиденьем
проходит медленная Она...
Я воспалён, как мартен и домна.
Я Ей не ровня, я крепко влип.
И, зеленея, цветёт бездомно
Она на том на краю Земли...
На стенке телек. У стойки столик.
Уймись, истерик! Хрипеть не стоит.
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда

Ты не был

СЕРДЦЕ-ВЕЩУН (2010)

Сердце – вещун, а душа – мера

Нар. мудр.

Прошлое – прощу ль его! – прожито-придушено.

Будущее светится из-под спящих век.

Сердце, как вещун: оно прощупало грядущее,
шаркнуло по месяцам, прошерстило век.

Как баркас Бермудами, окружён я мебелью.

Стол грозитя гранями, шкаф страшной Чечни.

Что же скажешь, мудрое?

Что провидишь в небыли?

Хоть кардиограммною каракулей черкни.

ПИШИ ПРОПАЛО (2010)

Продолжим тему, что жизнь – игра.
Подол шить тем, у кого с утра
в саду висело плодов – число.
Но – дура! – съела! Произошло...
«Укрыть фигу-уру! Стыдом умру-у-у!..»
Сердитый гуру сорвал игру.
Ревел, как барин: «Зачем не раб!»
Рай был бездарен. Была б игра б!

.....
Играют дети клавир фоно.
Играет ветер, гудит в окно.
Игра – без краю! (О, как я с Ней
во сне играю!..)
И – как во сне –
играет солнце на трубах дней.
И греет сон сей, но вдруг слабей...
Игра без правил, и всё на **кон**.
Как кто убавил свет из окон!
Доска тускла и дебют забыт.
И куклукскланит – в капоте быт.
Король в цугцванге? – Да он валет!
Спроси у Ванги про старость лет.
Спроси про серость, про белизну...
Цвелось и пелось, а вот слизну-
ла злая бяка, как языком...
Пиши, однако.
– Куда?
– В местком.
– Чего писать-то? Скачать с чего?
Что нет достатка? Что всё черно?..
– Не надо жалоб и куражу.
Пиши пропало.
– Пишу, пишу.

ЛИЧКА (2010)

*Уставши выковыривать изюм
певучестей из жизни сладкой сайки...*

Б.Пастернак

Я по жизни ползу не спеша, как улита.
И душа – как болото времён неолита.
Коллективное зло личным благом залито.
Я не миссионер. Не ищу прозелита.
Одиночка без сникерса и без поп-корна,
старичок, чьё сугубое мнение спорно,
я, хоть опытен – глуп, как юнец до сих пор.

Но! –

сам живу по себе. Не желаю – соборно.
Посылаю приватно приветы и байки.
Не тусуюсь за зёрнышком в избранной стайке.
Не стучу. Не мечу правду-матку на сайты.
И свой личный изюм ковыряю из сайки.
За секундой секунда сгорает, как спичка.
Мчит по жизни меня одноместная бричка.
Ну, двухместная! Не, например, электричка...
Не участвую в форумах. Нравится личка.

СЛУЧАЙ (1990)

Дует весенний безлиственный ветер.
Гонит весеннюю жгучую пыль.
Гонит "жигуль" в некрасивый кювет.
И – кувыркается автомобиль.
От головы у водителя враз
кепки летит пёстрокрылый мотыль.
Лик его тут же меняет окрас:
розовый – сер стал и красен чуть-чуть.
Дядя водитель! Постой! Я сейчас!..
Нет... Он навеки отправился в путь.
Он улетает в бездонный эфир.
И – не догнать его, и – не вернуть.
Ветром он сдут. А вот в лучший ли мир?
Точно ли вечен там – демисезон?
И исчерпал ли он скучный лимит
В городе пыльном, в доме седом?

КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ (1988)

Композиторы живут – в мире закорючек.
Лапки кверху – ножки вниз, tra-la-la-la-laj!
Их скрипичные ключи до чего скрипучи –
прямо хочется на них запереть рояль.
А кругом идёт борьба в мире капитала.
И где капитала нет – тоже всё борьба.
Каждый каждого тузит, лупит чем попало.
Всякий гнёт свою спираль, ra-ba-ra-ba-ba!
Победители живут в мире авторучек:
то автограф подпиши (прописью, в рублях),
то в блокнотик адресок (так, на всякий случай).
Или – к бомбе приравняй: кинул, и – ba-bah!
Композиторы живут в мире нахлобучек:
победителям не та музыка нужна.
Ой, лабайте вы не рок, а кантату лучше,
или будет вам bo-bo, na-ni-na-ni-na...

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА (2002)

Недолговечная поездка
на конке времени гнилого
на тарантасе-таратайке,
на колбасе и на дуге.
И вот уж транспортное средство
трамваем Юрия Живаго
пошло на круг и встало к стенке.
У гильотины. Буквой Г.
Откуда ни возьмись – кондуктор
в сопровожденье контролёра
листает липкие билеты,
как лотерею, наугад.
Он улыбается, как будто
он знает истинную меру –
кому в расход, кому в болото,
кому вперёд, кому назад...
То, как садовник, взяв секатор,
сомнанбулический лунатик,
он ходит, щёлкая, по саду
вкусить от спелого плода.
А контролёр, как экзекутор
или судебный исполнитель,
на невербальную беседу
препровождает в никуда.
Пускай же кто-нибудь расскажет,
в чём смысл такого поведенья.
А может, нету контролёра,
и наша жизнь – одна игра?..
Не вылезайте вон из кожи:
хоть так, хоть этак – до свиданья.
Пусть вам до следующей химеры,
а мне, наверное, пора.

Я УТЕШУСЬ (2008)

Я утешусь шипеньем посуды,
витьеватой бравадой полов,
помогая курлыканьем псу, да
укорив его, мол, котолов.
Я утешусь щедротами быта,
рисованьем по свёкле и льду.
Подкую бутербродом копыто,
безлимитное время введу.
Разлиную курчавую простынь,
разливного чикушку сглотну,
сам себе и пророк, и апостол.
Сам себе Хаммаршельд и У Ну.
Я утешусь трёхчастною рифмой,
трону струн непомерный пардон.
Брат мой! Труженик!..
Или ты – бритт мой,
как брадою, обросший трудом?..
Я же – чёрт сам себе и всевышний,
то есть бог (но не червь!) и свинья.
И цианистой косточкой Вишну
непоспешно утешит меня.

* * * (2007)

Что́ напрасно мечтать о Босфоре!
Лучше двинем эскадру в поход.
Переплыли из мрамора море,
и Босфор с Дарданеллами – вот!
И в пронзительных сполохах молний
некий Час, именуемый Че,
нам мечту о Босфоре исполнит
на гобое в скрипучем ключе.
А уж кто на эскадре притопал,
в Дарданеллах купаться горазд,
тот получит и Константинополь,
наш исконный и вечный Царьград.

* * * (2006)

Еми брнмрба рврдка
уу прррда дес ттудд,
дррррр, дрррр ррдка,
а-е рррдка!

КАК – ПРАВИЛЬНО? (2000)

Мальчик Жан позвонил на французское радио (папа Жана – клошар: он у нас бы был бómжем) и сказал: «Извините меня, бога ради, но – я не знаю, где ставить аксан в слове бóнжур...»

Компетентная тётя гарсону ответила, что вопрос непростой, отражает заботу о родном языке и что завтра же к вечеру пневмопочтой получит он оттиск работы по лингвистике, то есть по языкознанию, из которой поймёт сын клошара (в натуре), что пора – при таком как у них состоянии – позабыть и о бóнжуре, и о бонжуре.

Мальчик Жан посопел в микрофонные дырочки – жаль его! Сочиняю и вместе реву я – он мобильником крякнул – гаишники йначе оштрафуют – и тихо шепнул: «Оревёр»...

ЦМУКСУ (2008)

Сочинил я цмуксу – гордостью проникся!
Оказалось, цмуксу – чистая реникса¹⁹...

---

¹⁹ *реникса* – см. А.П. Чехов, «Три сестры», действие четвёртое, http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0140.shtml

ВСЯК (2011)

и назовёт меня

всяк...

А.Пушкин

Путь вьётся, как угрь фри.

Уж финиш, а старт стёрт.

11 вдруг: три.

Четыре²⁰, прикинь, 100.

Устои – пустой сон,

учтивая чтив дичь.

Ни шанса на шáнсón –

сподобиться б спеть спич.

Нерадостен груз грёз:

резвонил, дерзал – зря.

Дозатор двойных доз

зашкалил, разбег взяв.

Где разница: тел? лет?..

Не сгинь, но согни миг!

Да, в сущности, мет – нет,

в чьей памяти игр гиг²¹.

Темнеет, и стих стих.

И Windows в окно – звяк!

И в судороге в горсти

сдох Сущий. Язык. Всяк.

---

²⁰ в двоичной системе счисления три изображается как 11, а четыре как 100

²¹ гиг (разг.) – гигабайт

* * * (2000)

О, оторопь от разного прогресса,
бери меня за самое нутро!
Ведь даже защищать свободу прессы
митинговать я езжу на метро!
Не то в былые времена застоя,
когда с прогрессом полный был облом,
и ничего на бра~~ло~~ за живое,
ну, разве, только девушки (с веслом).
Джин-тоника не знали – пили брагу.
Дом был не крепость, а скорей – окоп.
И мяли туалетную бумагу
с лицом вождей и передовиков.
На улицах ещё встречались кони,
хотя уже не грызли удила.
Хрущёв еще безумствовал. Но вскоре
пора другим безумствовать пришла...
Но, кроме тех других, ещё другие
плясали жизни праздничный балет.
И я там был. Пил пиво в выходные.
Ежевечерний делал туалет...
Строчил стишки, сей факт одновременно
скрывая; инженерил (был учён!)
И как-то на обрывке (Nota bene!)
«Литературки», кажется, прочёл
призыв к литературной молодёжи
азам учиться прозы и стиха.
Катáрсисом мороз прошёл по коже
(местами). Я решился и, слегка
вспотев, уже в подъезде завершил
обрывка упомянутого чтение:
– Автобус мне! Автобус!..
Вместе с тем я
ходил на службу и по мере сил
(увы, их вечно не хватает всем нам!..
поддерживал двоякий интерес
к стишкам (и до сих пор он не исчез)
и к двухзеркальным, кажется, антеннам...
Теперь, когда давно уже в почтенном,
как говорится, возрасте живу
и не рифмую по сортирным стенам,
а нюхивал реально, наяву

свой текст, пропахший краской типографской
(офсетная печать не глубока...)
я возгордился гордостью дурацкой,
в которой так и плаваю пока.

СТАНСЫ (2009)

Поэзия это шкаф.

Д.Хармс

Ореolina лютня, баян, растекаясь по кронам,
терменвокс, сямисен издают согласованный хор.

Жду в чистилке уютной до ада попутку Харона.

По экрану гоняю согласный на порно курсор.

Прорывается Бах

сквозь угрозы стиральной машины.

Чайник: «!NO PASARAN!» –

пасараны у нас не в чести.

И когорты собак завывают – всё выше и шире,

и – *Vivat!* – мусорам, чьи деянья и мысли чисты!..

Что больней – находиться в шкафу,

или выпасть из шкафа?

получить ли шлагбаумом в лоб,

или пулю в живот?..

Неужели вся жизнь –

только скучная кучка метафор?

И зачем же она – то летит, то плетётся, то жжот?..

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ (1969)

monotonno

Стихи, написанные ночью на чёрном,
до переписыванья набело утром,
стихи, в которых содержание спорно,
и где незыблемая форма минутна.
Где, точно ногу, отсидев запятую,
бредёт, хромая, по строке препинанье,
стихи, написанные ночью, впустую,
не отражающие суть мирозданья.
Не приводящие к познанию истин,
не одарённые богатством сравнений,
нагие формулы, сырьё, полумысли,
полунамёки, полусны, полутени.
Полукаракули, где почерк невнятен,
полускрываемые матовой тайной,
они, как призраки, висят над тетрадью,
стихи, написанные ночью, случайно.
Ночная сказка, что сознанием мудрым
глазам рассказана, внимательным детям.
И что – что трезвым и расчётливым утром
пирует проза, а стишок неприметен!..

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ (2011)

Мудрость плюс мастеровитость
это алгебра для всех.
Результат сложенья выдаст
офигительный успех.
Надо жить не понарошку,
не мышом со склада дней –
поверяй свою гармошку,
пусть пиликает складней!
Чтобы жизнь предстала сказкой,
да прекрасной, а не злой –
не с прозаиками кафкай –
с поэтессой небосклонь!
Мир обыденности тусклый
повода порвёт и пасть.
То нажмёт на кнопку пуска,
то за денежками – шась!
Тот же, кто мудёр и мастер
(догадались? – Это я!) –
выше страсти, выше сласти,
секса, бакса, бытия.
Он, смеясь, по небу реет,
он касается травы.
Он и светит, он и греет,
он и радует.

А вы?

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (2011)

Город дорог ли? Добр? Зол? –
Я не просёк мозгом.

Слухом неловким ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).

Только я глянул вскользь сквозь
чуждый видеоискатель –
тут же трофеем его унёс
неприятель... или – приятель?..
Ветрено кашлял. Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот:
не кот, до вкуснот пряткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался – я.
Сам себе адекватен.

* * * (2011)

Елене Морозовой

Я выжил в хрупком мире чемоданном,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я фрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

* * * (2011)

Я же вроде как Дон Аминадо:
он считался стиха акробат,
вот и я тоже... Музы же надо
мною невинный блюдут целибат.
А которая, может (случайно)
плешь Поэта заденет крылом,
та торопится сразу же в ванну –
смыть, пока не засёк Аполлон.
Ну, а я, от неожиданной удачи,
как обычно счастливые – глуп,
хохочу и рифмую, и плачу,
вдохновенья халявно вдохнув.

* * * (2012)

*Пётр шёл на петинг,
а Дмитрий - на митинг...*

Андрей Воркунов

Шёл Виталий в Капитолий,
а Валерий в баптистерий.
А Натан и Анатолий
то ли встали, то ли сели.
Пионеры пели горном.
Или горлом. Гнал матёрый
ангел чопорный и горный
из уборной аматёра.
Не терпел Георгий оргий:
был он оргий не сторонник.
И – героем стал Георгий,
драконьером древних хроник.
Все ребята как ребята,
и судьба ли виновата!
Так ведь может и с тобою
получиться с перепою!

КРЕДО (2012)

Вот иду я в направленье цели,
подозрительно на встречающих глядя.
Ну как кто-то, микрофон ощеря,
крикнет: «Изложи-ка *кредо*, дядя!
Ты же стар, ещё вождей Союза
поимённо помнишь и конкретно.
Отрастил – гляди, какое пузо...
В общем, предъяви, дедуля, *кредо*».
Что сказать, не перепутав тона?
Где сыскать приемлемое *кредо*?
Кредо – это ж там, у тех, которых...
Кредо – у премьера, у полпреда.
У главреда или у поэта.
Может быть, у милиционера.
Кредо не разменная монета.
Кредо не исполнишь под фанеру.
Кабы у меня бы было *кредо*,
разве б я бы чикался тут с вами!
Я уже у цели был бы в среду
(может, и во вторник, но едва ли).
С *кредом* не рождаются солдаты.
Креду не научат в средней школе.
И не получить его по блату –
только сделать личную рукою.
Так что диктофон давай отключим
и ослабим у подтяжек лямки.
А про *кредо* – помозгуем лучше –
нужно ли оно простым людям-то!

* * * (1995)

Всё хотите про жизнь, мол, как она?
Вот вам быль из её глубин.
У Попова была Собакина.
Только он её не любил.
Попрекал её, делал пакости –
скатерть мятая, суп не тот...
И совсем уже распоясался,
когда *кто-то* съел антрекот.
Он и весил грамм 200 максимум,
но на принцип Попов пошёл.
Поступил с Собакиной так себе.
Прямо скажем, нехорошо.
Ну, а жизнь – горит ярким факелом
и наяривает свой ритм.
– Эй, Попов! Где твоя Собакина?
– Что я, сторож ей? – говорит.

ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК (1997)

Графоману тексты любви, а особенно стихи.
Вурдалак почистил зубы, а особенно клыки.
Графоман достал тетрадку, изготовился писать.
Вурдалак ползёт украдкой и готовится кусать.
Графоман в тетрадь заносит вдохновенные стихи.
Вурдалак над ним заносит офигенные клыки.
Графоман в катарсис входит, издавая хриплый рык.
Вурдалак отраву вводит в кровь, вонзая острый клык.
Графоман теперь, укушен, тоже станет упырём.
Вурдалак его послушал и издох. И мы умрём.

МЕХМАТ (1962)

Март. Марок снег и черен.
Маревом мрака мерещится март.
Разочарованный, как Печорин,
я из марта вхожу в мехмат.

Ну и что? На лекцию сунусь...
Звонок: «Рассаживайтесь живей!»
...Вьют лучи прожекторы-луны.
Доска в интегральном кружеве...

И вижу: мозг XX века,
известнейший академик – сам! –
Вселенной подняв тяжелое веко,
причесывает космы космоса.

В другой комнате, четко очерчен,
символ сплетением мысли всплыл
и взвился весело бешеным смерчем,
втиснутый в скобки логических сил.
В третьей машины скрежещут зубами,
с непосвященных сорвав покой.
Могут – плантации, плазму, пламя –
выдать цифр спокойной строкой.

И – разочарованность вдруг исчезла.
Я верю в мехмат! Я мехмату рад!..

И весна указала зеленым жестом
дорогу, куда направился март.

МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ (1963)

Когда огорчусь, загрущу, затоскую,
когда на зрачках зачернеют кресты,
я медленным шагом пойду в мастерскую,
пойду в мастерскую, где чинят мечты.

И в очередь сяду – как все, неудачник,
мечтатель – как все! – и, конечно, чудака.
Большую мечту я ладонью дрожащей
прикрою от взглядов нахальных зевак.

И вот – подойду. Улыбнется приёмщик
и нежно погладит бесценную вещь.
Часы на стене заколотятся громче.
А может быть, сердце. А может быть, дождь.

Он скажет: «Поломка серьезна». Посмотрит
сурово и прямо зелёным лучом.
(На улице будет светло и морозно.)
– «Зайдите во вторник, часам к четырём».

Уйду. И до вторника, опустошённый
и сгорбленный, буду сидеть не у дел.
В саду, в стороне от крикливых пижонов
я буду мечтать о разбитой мечте.

Во вторник её получу я обратно
и, радостный, спрячу её под пальто.
Я буду доволен. Мне будет приятно...
Но всё-таки всё это будет не то...

* * * (2012)

Интеллигент, и должен рефлексировать.
А мне напиться хотца и забыться.
И жизнь проходит – малоэффективная,
хотя давным-давно уже – за 30.
За 40 тоже... Упоенье Будущим
давно иссякло. Но всего смешнее,
что 50 ушли за тёткой с дудочкой,
и 60 – опять-таки за нею.
Тела пустых календарей вдоль стен висят
и лазаря лабают а капелла...
Того гляди – туда же канут 70,
стряхнув, как накипь, всё, что накопело.
Я ленту жизни украшаю титрами.
так вдохновенно, будто бы скрижали.
Интеллигент, и должен рефлексировать.
Я рефлектирую. Чтó значит: отражаю.

Как ты прошёл — в игольное ушко,
такой непозволительно огромный!
И не расскажешь, как тебе — не *стрёмно*
ли, не темно ль? А может быть — легко?..
И где теперь твой непомерный мир,
твой Зурбаган, Камчатка и Дудинка?
Севморпути твоя любая льдинка,
Твой Питер, твой Кавказ, твой Измаил...

Адью — *Аккорд алеющей Авроры*²².

Беда — *безжизненно больной бледнел.*

Всегда — *Валькирий вещей видя взоры,*

Геракл — *глашатаем гробниц горел.*

---

²² *Использованы строки из стихотворения Г. Ница, написанного им в 1960-е гг.*

*Аккорд алеющей Авроры
Безжизненно больной бледнел.
Валькирий вещей видя взоры,
Глашатаем гробниц горел.*

МАКЛАЙ (1988)

Умом Папуа Новую Гвинею не понять...

В.М. Герцик

— *Туй, Туй!* — повторял он, тыча себя в грудь.

Н.Н. Миклухо-Маклай

Я — не ровня народу в метро.
И не ровня народу нигде.
То — зачем я пишу не про то.
То — чего я хожу в бороде²³ ...
— Я — Маклай! — говорю я, — Маклай!..
И перстом себя тычу в живот.
Отвечают мне: «*Нэ понымай!..*»
Мол, тебя только равный поймет.
— Где же равные?! — ором ору.
От меня сторонится толпа.
Всяк свою распевает муру,
пляшет собственноручное *ла*.
Будь ты равный — сквозь гогот и лай
я б словил позывные твои...
Если правда я малость Маклай,
то уж вы-то уж точно *Туи!*

---

²³ Сбрил, уже сбрил!

АНТОНОВКА (2012)

Август на осень оставил смог.
Но не густой, и я смог отладить
слёгший — полёгший под сленгом — слог
в тексте — костистом (лишь звука ради).
Мой звукоряд весь октябрь зяб —
как у барона рожок, как зяблик —
к *нашим* баранам возврат — в рюкзак,
празднуя — в обществе спелых яблок!
Там — залился! — Так поют щеглы —
быдлу, смердящему перегаром...
Крайние меры помочь могли б
малым сим — мылом. Мылом малым.
А мимо со свистом — то лес, то гарь,
желтея песочно, ведь осень, осень!
Столовая. Кладбище. Бар. Бар
крикливые виллы. Чёрнополосен,
белый шлагбаум проплыл во мгле,
где кудри торфяников длили тленье.
Огонь, огорошен водою, млел.
Клесты, краснорожи, с рябин слетели.
Пора бы и мне дожидать снегов,
сося что попало в глухой берлоге.
Лелеять надежду, беречь любовь,
пригубить эзопов язык для пробы.
Но рельсы, как сёстры, бредят Москвой.
Антоновки вздох все следы попутал...
И я возвращаюсь домой — герой,
плодами нё перегруженный путник.

* * * (2013)

*Счастлив, кто падает вниз головой.
Мир для него хоть на миг, но иной.*

В.Ф. Ходасевич

Свеча фаллическая жгла
рой насекомых вздорный,
обесхитинивших тела
в суицидальном порно.
Парад алел и пеплом пал,
и, словно маршал шарма,
я принимал мотылькопад
и шурился шикарно,
жаля с псевдовысоты
тех, кто летал и ползал,
их погорелые мечты,
погибшие без пользы...
А всё же сто́ит — мотыльком
превысить степень риска:
взлетишь, сиянием влеком,
и в пепел обратишься.
Удобрит, выброшенный вон,
твой пыл богов угожья...
Не Вечность? — Пусть! Хоть миг, да твой.
В сей век. В сей год. Сегодня.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ (2011)

Как фотонный поток — навесу,
как наждачного искра́ колеса —
по Садовому катаюсь кольцу
и сезонно дожидаясь конца.

Время вышло, и о нём не жалею...
Это — было. А теперь выбирай.
Если нолик на конце — юбилей.
Если два их, то водичку сливай.

И пока ещё по жилкам журчит
и головка ещё варит, урча —
если *крестик*, то вообще помолчи
да не ляпни ничего сгоряча.

Ну и что, что я к закату иду!
Я и в эту пору фору вам дам.
Не желаю быть властителем дум.
А желаю быть ласкателем дам.

К ВОПРОСУ О ПИВЕ (1967)

Однажды некто в общепите пива
спросил и тут же пиво получил.
Его сосед поморщился брезгливо,
поскольку пива он не выносил.
Ему *вносил* ядрёный квас в стакане
сам метрдотель, усач и патриот.
Не пьющий пива пива пить не станет,
тогда как пьющий пиво пиво пьёт.

ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ²⁴ (2012)

В мир проведён по кастингу,
душ золотою ковкою,
я — Воловик лекарственный,
я — снеговик с морковкою.
Что же, что небо пасмурно,
словно бы бесом создано!
Я исцелю от насморка
и от любви без отзыва.

Я успокою боли и
все рецидивы — побоку!
Прочь! — чернота меланхолии,
ревмодонтоза колики!
Цапнет цеце ли цепкая,
кляцнет тоска ль клыкастая —
хватит махать рецептами!
Я Воловик — лекарственный.

---

²⁴ *Воловик лекарственный (Anemone nemorosa) обладает противовоспалительным, антибактериальным, ранозаживляющим, мягчительным, отхаркивающим, жаропонижающим, потогонным, мочегонным действием. — см. http://www.klumba.info/flowers/anemone_nemorosa.htm*

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ (1988)

Внешне с виду я как-будто спокойный,
нет в помине ни апломба, ни гонора.
А душа моя — фантом преисподний,
прямо и точности Медуза Горгоновна.
Я чего-то вычисляю про атом,
я рифмую, развлекаюсь верлибрами.
А она — всё кроет внутренним матом
без зазрения чего бы то ни было...
Вот когда мы с ней расстанемся *в бозе*,
я отправлю своё мясо бессмертное:
пусть маленько пошукает в обозе,
где пылятся запасные да сменные.
Может, выудит какую поплоче,
там, *б/у* от душегуба партийного,
или, может, от Тотоши с Кокшей
с сохранением их лика портретного.
У злодея-то: на морде — злодейство,
а в уме, поди, цветочки пахучие...
Вот сольюсь с его душою совместно —
буду жить цельный век в благополучии.
Ничего-то мне не надо иного.
Кыш протоны да нейтроны с верлибрами!..
Но не скажет никакой Иегова,
то ли самое нам даст, что мы выбрали.
Может, это ещё всё под вопросом —
в отношении замены на лучшее...
Но с каким же мы останемся *носом*,
если туловища мрут вместе с душами!

МЕММАКЕР (2005)

В составе нового *OFFICE*»а я делаю *МЕММАКЕР*. Два провода к вискам (через *USB*-порт). На экране моя память. Т.е. то, что я помню. Как бы. Её можно прокручивать на экране последовательно или фрагментами в произвольном порядке. В некоторых местах сплошной серый фон. Там всё забыто. По краям этих участков можно пройти меньшим шагом (т.е. с бóльшей разрешимостью), и там могут проявиться слабо вспоминаемые мною обрывки, по которым *Memmaker* экстраполирует «близлежащие» события, они могут найти отзвук в моей памяти и сделают доступными ещё сколько-то ячеек, содержимое которых также отобразится на экране. Можно включить такую опцию (*Make*) в меню *Edit*, что если *Memmaker* ошибётся, т.е. экстраполяция не будет соответствовать истине, то в моей памяти эти ячейки останутся открытыми и события, произведённые программой станут моими неотъемлемыми воспоминаниями.

Но ведь это значит, что там, где всё совсем серо и экстра-полировать нечего, я могу создать новые воспоминания, которые также присвою посредством опции *Make*. (Не забыть отключить и стереть память о применении этой опции!)

Более того. Я могу удалить из собственной памяти неприятные воспоминания, стыдные, может быть, позорные для меня и вместо них создать новые, например, о путешествиях по на самом деле невиданным мною местам, о спасении мною девочки на пожаре, об участии в иных героических событиях и т.д.

Я так смогу отредактировать свою память, что просматривать её на дисплее *Memmaker*'а окажется ежедневным ни с чем не сравнимым удовольствием. Я как бы смогу вновь переживать всю свою долгую жизнь (не подозревая, что часть её выдумана мною же), и пропадёт навсегда жгучее чувство сродни клаустрофобии, которое живёт у меня в низу живота и выдаёт совершенно настоящие болезненные спазмы, когда голова моя плывёт, и я чувствую, что схожу с ума, что я сейчас начну, безумствуя, биться о невидимые стенки так называемого на-

стоящего, из которого — я знаю! — невозможно вырваться в милое прошлое, даже во вчерашний день, когда мы с Симой и её дачной подружкой, поставив за забором, окружающим дачные участки, Симину игрушечную палатку, собирали землянику в маленькие эмалированные кружечки. А потом загредел гром, мы увидели приближающуюся тучу, быстро собрались и побежали домой... А грозы так и не было. Она разразилась только ночью, уже под утро... Даже туда мне уже нет пути! Но теперь, с *Метmaker*’ом, всё это доступно мне снова и снова.

И снова я молодой, и со мною собака любимая Долли и кошка любимая Мурка. И Рина ещё молодая и мясоедающая... И бабушка, дедушка живы. И мама бежит, не хромая, со мною по Крымскому мосту глядеть, как колонны молодых иностранцев по набережной мчат в Лужники на открытие Фестиваля, крича и махая: «Мир, дружба, водка!..»

Любви и влюблённости тоже... Вот, где уж я всласть порезвлюсь, редактируя прошлое!..

Ведь то, что было со мной, находится только в ячейках загадочных памяти, то есть в каком-то брожении частиц, биотоков, дерьма, протоплазмы и химии. И значит, возможно создать такое всего сочетание этого вместе, которое, может быть, всю переменит картину.

*Для этого, собственно, мною
и создан удобный Метmaker!*

ФЕВРАЛЬ (2012)

Февраль отпрыгнул бензином
в солёную липкую квась,
и в воздухе сером и зимнем
усердно заря занялась.
Заняться-то ей бы хотелось
цветущим и солнечным, но —
её ночегонная Эос
направила тропкой иной.
Повеяло вдруг перегаром,
кислятиной, хлоркой, лапшой.
И телом усталым и старым,
и старческой тусклой душой.
Сменить бы испорченный воздух,
презрев, что дурак и старик.
Забуть о чернилах венозных
и в эту... в пролётку бы — прыг!..

КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ (1967)

Мокрое ухо снега сосёт деревня.
Древне плятятся окна.
Хочется кокнуть стёкла,
чтоб убедиться, что они — не бычий пузырь.
Бессловесна снежная ширь.
В отдалении лес.
А у леса медведь на уме.
Здесь сидишь, точно в тюрьме,
словно в белой тюрьме,
где решётки — вёрсты до города.
А устроить побег
через снег —
хлопотно, дорого.
Буду сидеть, как сурок —
отбывать свой срок.
Зато — через пару недель —
брошу этот мёртвый «отель»,
где живу сейчас постояльцем.
Зелёный огонь поманю я пальцем
и вкусно глотну знакомый запах бензина.
И вот уже в ночь вонзила
автомашина
резкий, как стон
(или лучше: как крик)
острый
жёлтый
                двойной
                                язык —
                фар.
Скорость.
Час.
Стоп: тротуар.
Лампа дневного света.
Должен быть где-то...
Ах, вот и он —
неон!..

СНЫ КРЫШ (1965)

Чёрно-белые крыши, любимицы февраля,
Что вам снится под снежной периною, пышной и важной?
Может быть, вы *поехали*, тихо вертясь и шая,
глядя лдышек узор, розовея ладошками влажно?

Осторожнее, кровли! Вас кружит февраль, точно вальс,
вас щекочут рыжая, ручки на ржавеющих рёбрах.
Как посланцы весны, как её развесёлый аванс,
капли прыгают вниз, вроде мальчишек малых и мокрых...

Я зелёной сосулькой сверкаю с карнизов и крыш
и, срываясь, в сугробы звеню головой, как капелью.
Здравствуй, солнце! Твой лик в небесах —
ослепительно рыж.

Поглядишь на тебя — аж глаза превращаются в бельма...

А над крышами пар поднимается в небо, дрожа.
Вот докурит февраль ледяную свою сигарету —
и прозрачным окурком воткнушь уже в мартовский жар,
как сиятельный граф — в золотую карету...

И рванут меня кони, косматые кони весны,
по размокшим путям постаревших за зиму сугробов...
А распаренным крышам всё чудятся страшные сны —
что февраль не пустяк, а старик с бородою суровой.

Он как будто колдун и ушёл с чемоданами льдин —
только временно, мартом на миг очарован, как магом...
Да забудем о нём! И оттаем. И вдаль поглядим,
где складной проплывает по лужицам флот из бумаги...

МАРТ (1998)

И март, когда снег, как и сказано,
марок и чёрен,
и детское солнце —
не то, что зимой
умудрённо
вполглаза глазело
сквозь чёрную рваную воду,
сквозь варежку тучи
в солёную кашу асфальта —
а юное,
то, что хохочет по мрамору неба,
что мячиком скачет
свободным, пустым, разноцветным
и смотрит вполглаза
на утлые наши безумства.
И всё это — март:
неразменные дохлые будни,
и кошкины страсти,
и солнца футбол оголтелый...

* * * (1985)

Нас залило дождём. Но разве это повод
пролить из бочки рифм хотя бы полведра.
Нет, лучше подождём. По крыше стихнет топот,
и туча, струи сбрав, на юг пройдёт, бодря.
Пусть лопнут пузыри на полотняных лужах.
Пусть радуга загнёт семь пальцев расписных.
Пусть зарево зари нам головы закружит,
и лёгкий солнца гнёт на лист оттиснет стих.

25 СЕНТЯБРЯ (25.09.2001)

Наталье Сафроновой

Сегодня явлен результат рождественских
пост-постных оргий (всяк в которых пьян),
как пишет в книжке про солдата Джексона
писатель романтический Сароян.
Там речь о совпаденье дней рождения
спустя десяток лун от торжества,
Причина — в каковом и есть, по мнению
всех, ну, по крайней мере, большинства.
Когда чего-то долго не позволено,
а после вдруг разрешено оно,
то мы не знаем, радоваться что ли нам,
или скорбеть о том, что всё равно
проехало... Ах, скорбь не конструктивнее
восторга глупого... Всё, в общем, суета.
Кругом пейзаж, как вернисаж с картинами...
Так или иначе, а дата прожита.
Двадцать шестое — клонит солнце к ужину.
Метро озаменовано строкой.
Чем завтра будем (будем ли?..) разбужены?
Каким восторгом? Скорбию какой?..

ЛИНИЯ ЖИЗНИ (1970)

Имея левую руку с извилиною громадною,
я уважаю науку оккультную — хиромантию.
Она объясняет веско,
что жизнь мне дана не наскоро,
что много в ней счастья, блеска,
что бабами вся заласкана.
Мне хиханьки все да хаханьки,
мне до ста — тосты да танцы...
Но кто это там, такой махонький?..
Клешней к извилинке тянется...

ОТРЫВОК (2003)

Есть упоение в бою

А.С. Пушкин

Есть упоенье в невезенье,
когда одно влечёт другое.
Охота тяпнуть чарку зелья —
не для веселья, а — напротив.
В окне напротив кто-то ходит,
роняет вещи с перепою,
уныло роется в комоды
и девичью теряет честь.

Но эту честь находит кто-то,
не эта Кто-то, а другая.
Она трезва и на работу
летит, скользя на повороте.
Её спасает незнакомый
и, трафик утренний ругая,
с неё снимает насекомых
и в свой фольксваген просит сесть.

Она, стесняясь, отдаётся
его внезапному порыву.
Ей ничего не остаётся,
как на мужчину положиться.
Он опытен: его повадки
солидны, но не заунывны.
От бицепсов на брюках складки.
Очки предполагают ум.

Они знакомятся поближе.
Она приехала из Риги.
Там было классно, как в Париже,
латышкой только бы родиться,
тогда в Измайлово бы это
ни за какие бы ковриги...
...Она у одного поэта
про времени читала шум...

Обое, кажется, культурны,
и в лёгком воздухе коньячном
витают дух литературы —
поэзии и, постмодерна.
На всё — от музыки до джинсов —

почти что глядя однозначно,
они знакомы как полжизни.
Он ей почти уже бойфренд.

Она Кибирова читает
почти что наизусть, попрыгав,
смешною чёлкою махая
от возбуждения, наверно.
Он слушает благоговейно...
Ему, пожалуй, ближе Пригов.
Он любит также Рубинштейна,
и ничего, что тот еврей.

они из кинопанорамы
выходят в ясный вечер мая,
сочувствуя роскошной даме
(Ким Бессинджер, и Бельмондо с ней),
с приятнью к главному герою,
друг дружку за руки хватая,
они, увлечены игрою,
в её Гольяново идут.

От их шагов немонотонных
сбегают с тонущих помоек
собаки, крысы и вороны,
но попугай, как бы подослан,
вдруг ухаает, и башни страха
возводит разум-параноик:
там, впереди, маньяк опасный,
там хулиганы водку пьют...

ДЕЛЕНИЕ (2000)

Микроб сказал: делиться надо! —
своей микробихе законной, —
ведь дети — старости отрада
и оправдание судьбы.

Она ему: в деленье — сила.
Хоть нас и много миллионов,
но мы с тобой — одна бацилла,
и — кто же, ежели не мы!

Ах, сколько сил отнимут дети!.. —
бактерии переживали.

Они писали Спирохете
(а он микробам всем отец),
чтоб разрешить им умноженье,
и разрешенье им прислали —
посредством именно деленья
плодить потомство, наконец.

И вот, как повелось веками,
был миг деленья скор и сладок.

Они сошлись: вода и камень,
гелиотроп и купорос.

Семья жила и шевелилась,
но неожиданно в остаток
болезнетворный выпал вирус,
который вскорости подрос.

Он захватил уже полмира:
Москву, Антверпен и Шпицберген,
ему поют гармонь и лира,
и Солнце светит для него.

Не так ли мы, большие люди,
пытаясь Истину низвергнуть,
сидим на ней, как на верблюде,
не замечая ничего?..

ШТУЧКА (2011)

Куда-то штучка потерялась.

Ну, где же, штучка ты моя?

Нет штучки... О, какая жалость!

Как буду жить без штучки я!..

Ах, как со штучкой было мило,

спокойно, хорошо, тепло...

Лишь злая чёрная могила

теперь манит меня зело.

Огонь без штучки — дым да угли.

Почти не виден жизни смысл.

Мечты фонарики потухли.

Был сладок мир — теперь он кисл.

Сижу, глаза на угли щуря.

Лишь мысль одна ползёт, змея:

когда же штучку отыщу я?

О где же, штучка ты моя!

ЛУННОЕ (1969)

Лере Римской

Сначала заходит вечернее солнце
туда, за дома.

Потом пробегают зелёные зайцы
в тугих проводах.

И вот из-за туч на востоке крадётся
в тугих проводах

Большая Луна и лучи посылает
туда, за дома.

Тогда раскрываются окна ночные
одно за другим,
и мы на карнизы выходим ночные,
один за другим,

и, взглядом зелёным стараясь проникнуть
туда, за дома,
легко, как зелёные зайцы мы мчимся
в тугих проводах.

Готовые смутные игры затеять
в тугих проводах,
мы зайцев зелёных пугаем и гоним
туда, за дома.

Большая Луна нам лучи посылает,
один за другим,
и мы в её сторону движемся ровно,
один за другим.

Но выскочит розовый заяц с востока
в тугих проводах,

Большая Луна поплывёт, угасая,
туда, за дома,

и мы отвернёмся от красного неба,
один за другим,
и медленно мы заскользим проводами
туда, за дома.

АЯ (1985)

Пужая пожарных негаданным светом,
поймёт даже тех, кого век не няло,
внезапная ведьма XX века,
АЯ или, лучше сказать, НЛО.

Косматая тварь из космических далей,
взамен помела пылесос оседлав,
старинных нечистых она поудалей:
блондинка, на майке лиловое **LOVE!**..

С ней дружат чекисты, ей льстят генералы,
она с профессурою накоротке.

Лимитчица — но не шагала по шпалам
и лома с кайлом не держала в руке.

Советская власть ей открыла границы,
открыла страницы, от масс не тая.

Что, если не Баба-Яга, а — Жар-птица —
волшебная яркая злая АЯ?!

Коварная ведьма, ну будь человеком,
сознайся, не ты ли — разумный дельфин?

Магнит в треугольнике инопланетном?

Таинственный врач в глубине Филиппин?

БИОРИТМЫ (1988)

Кто другой — так навряд бы и вынес,
пальцем ткни — он и то заорёт.
А во мне бултыхается синус,
мельтешит то назад, то вперёд.
Интеллект ослабел — ну, так что же!
Я ж за это изящен душой!
Огрубел? — Но, как синус, под кожей
круто пучится бицепс большой.
То прогнусь я в немыслимом *висе*,
то в науках проснусь корифей,
то, как птичка, я плаваю в выси,
то бряцаю струной, как Орфей...
Если ж промах, то в этаким разе —
что́ Сион мне, Олимп да Парнас!
Ну, немножечко сдвинусь по фазе,
амплитудой проткну резонанс!..
Жизнь скользит, словно волос по бритве,
с каждым мигом всё меньше права.
И качают её биоритмы.
А качаться она здоровà!

НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА (1988)

Казалось, всё — мура, а вот те на: телекинез!
Кто телепат, тому астральное открыто.
А нам талдычили всегда —
мол, гуманиз**ь**м, прогресс...
А вот, что оказалось — без Главлита!
Внушаются отличникам пятёрки в дневники,
гнушаются уборщицы сортиром —
метла летит по воздуху с совком вперегонки,
и мысли мудро управляют миром.
Себя телепортируют с базара на балкон
домохозяйки, а из школы — внуки.
Бредут автоконвоем преступившие закон,
и Совесть им выкручивает руки.
Гипноз — почти ликбез,
когда знаком от сглаза код.
Спиритуальность укрепляет волю.
Разумно-добро-вечное само собой взойдёт,
когда медитативно биополе!

ДЕМОНЫ (1988)

Я когда-то вычитал в Книге Иносказаний,
будто бы Демоны правят миром,
и каждый — гений.

Но — темно. Преподай, демонолог,
основы об этом знаний.

— Где же вы, Демоны! — вопию,
упав на колени.

Может, они внутри нас, или где-то вне
(как начальство?..)

— О Демон Света! Сиятельный демон Света!
Освети, проснись!

В просвещении поучаствуй!..

— Где пюпитры твои, Музыки Демон?.. —
Но нет ответа.

И Демон Света, хозяин квантов, корпускул,
из жалости что ль — чтоб без стонов —
добьёт баклуши...

И Демон Дома не чистит труб,
не квасит капусты,
но в боязни озноба
забился в стенку *по уши*...

Это ли Демоны — точки размером с атом!..

Или — которые осовели от сна и жира?!..

Нет! Но — пугают лицом беспардонно усатым
беспартийные Демоны Паспортного Режима.

Демоны Сумерек: «Ура!» и «Рады стараться!»

Демоны Дворники не метут: они — понятия.

А метут — Демоны-Монстры,
сборищ гроза, демонстраций,
и Демоны Школ, карающие за запятые.

Демон ближе к трамвайному хаму,
чем к робкой серне.

Сунь ему палец — зубы воткнёт
по самые дёсны!..

Истинный демон ведёт себя архискверно.

Но зато деяния его всегда судьбоносны.

Может, он ростом или там рожей не вышел...

— Кто им считает!

Их — вечность, покой несказанный...

А всё-таки — выше они меня, или я их выше?..
И права, виновата ль наивная
Книга Иносказаний?

ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ (1989)

— На что иголочка Кощею?
Для штопки шапок и вещей?
— Нет! К голове надёжней шею,
Кощей, иголочкой пришей!
В его иголочке таится
та искра, из которой вмиг
огонь огромный разгорится,
и в том огне сгорит старик...
И он, бессмертный лишь условно,
всегда бежит, всегда дрожит
и утверждает *уголовно*
возможность вечность пережить.
Иван-царевичей с десятков
голов натывал на шести.
Он помнит, как был резв десятый,
и позабыл войну с шестым.
Но вот одиннадцатый скачет
и грозной палицей трясёт.
Ах, это значит, это значит,
что роковой подходит счёт.
Остались два шеста пустые,
светила не замедлят ход,
и кровь змеиная застынет,
когда двенадцатый придёт.
Он всё свершит с великим толком —
по предсказанью и судьбе.
Но ту Кощееву иголку
не сломит, а — возьмёт себе!

ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ (1989)

Яйцо — начало и основа,
в нём жизнь и смерть для всех вещей.
Сломай иголку, и Кощей
умрёт, бессмертный лишь условно.
Как будто некий Вечный Жид —
за грех наказан вечной жизнью.
Но — отражён в яйце, как в линзе —
и смерти он не избежит.
Мы все немножечко кощеи,
что наша жизнь? — Одна мура.
Напрасно ищут топора
податливые наши шеи,
напрасно нам покой сулит
наган (и пули боевые)...
— Нет! Только *иглотерапия*
нас, как кощеев, исцелит.

ДУЧЕ ДАЧИ (2002)

Каков топ, таков и прихлоп
В.М. Герцик

Я жрец жратвы, питон питанья.
Переступил порог порока.
Я пекарь пекла, пир пираньи.
Кино кинолог. *Рака* рока.
Я чадо чада городского.
Я, может, инок да иначе.
Я меч: *мочить* и мучить скован.
Я парка парка, дуче дачи.
Я кукарача в кукурузе
Кол колокола. Топ в прихлопе.
Шут парашюта, пузо музы.
Пророк с прорехою на попе.
Я чукчи чучело чумное,
еврей Европы, финка финна.
Вины сугубое вино я
и донна Анна, что невинна.
Я барракуда баррикады
Я *пра*на крана, честь числа я.
Я — истукан у эстакады,
башибузук Бахчисарая.
Я счётчик щёчек щекотливых,
попсовых попок попечитель.
Я послевкусье после сливы.
Душ торопливый потрошитель.

АЛЕКСАНДР (2003)

Александр сказал сурово
Света Литвак

Александр сказал **СУРОВО**.

Александры это могут.

Их примерная жестокость
переходит все страницы.

Александр вистует клёво.

Александр мечтает много.

Александр покажет фокус
и на небо заглядится.

Александр берёт: вершину,

взятку, даму (на колени).

Александр торгует оптом
и спует по интернету.

Александр рождает сына.

Александр взывает пени.

Принимает: залпом стопку
и — за чистую монету.

Александр бежит погони.

Александр разносит вирус
(то компьютерный, то штатский;
то на диске, то — целуя).

Александр сидит на зоне,
умножает плюс на минус,
изрыгает *огнь* из пасти
и нацеливает пулю.

Александр — ужасный воин,

клоун, бард, поэт и график.

Александр — корононосец.

Он певец и пролетарий.

Александр несётся с воем

на слонах и на жирафах

Александр любит нонсенс

и снимается с гитарой.

Александр — огнепоклонник,
чемпион собачьей вязки.

Александр — любитель пива.

Александр — ценитель слова.

Александр — герой-любовник,

Рыцарь Ордена Подвязки.
— Дайте мне аперитива! —
Александр сказал сурово.

БУРБАКИ И ДРУГИЕ (2005)

Мне привиделся сон — скажем так: это проще всего: Поясню, что *по жизни* когда-то я был — «математик». Сон, что я, как статуя, и в руке интеграл, как весло, и являются мне корифеи различных тематик.

Приходил Рунге-Кутт, приносил наименьший квадрат: извлекал корешки из остатков. Пожалуй, неглупо. Был Лебег, но без меры скучал и пытался удрать... Галуа заявился. Не сам, а, как водится, с группой.

Сон мне снился под утро, скорее всего, на заре. Там носился Ферма с пресловутой своей теоремой... Были: Абель, Безу. И, ряды расставляя, Фурье заключал в уравнения мир, в чём давно натерел он.

В перекрестье осей ухмылялся трёхмерный Декарт, шевелил Лобачевский сведёнными в точку очами. Кто-то (кажется, Марков), колоду мусоливший карт, вычислял вероятность... И всех Бурбаки поучали.

Научиться б и мне математике! И поучать всех кругом, а они — уважали и слушались чтобы...

А то выйдешь на форум — да хоть в Литсалон или в чат — Не хотят замечать столь достойной и мудрой особы! ☹

Впрочем — если подумать — зачем послушание мне!

Да живите, как знаете, только ко мне бы не лезли...

Чтоб и я — как хочу... Но об этом я в будущем сне

сообщу, как он только приснится. А правильней — если.

* * * (1996)

Не в Азию визу,
    не ключик кастальский,
        а то, что не надо —
купил телевизор,
    а он оказался
        исчадием ада.
Мне только и свету —
    футбол в воскресенье,
        мне ж по фигу книжки!
Казалось бы, нету
    греха в микросхеме,
        а наось поди ж ты!
Экрану подлюке
    как есть всё едино —
        что секс, что насилье:
кошмарные глюки,
    разврата лавина...
        — Чего же купил я!
Ну ладно бы друг па-
    радоксов Капица —
        про ямбы, про бомбы...
А там только трупы,
    девицы-певицы
        и прочие зомби.
Исчезни, виденье
    чернухи блевотной,
        назад мои баксы!
Сиё же мгновенье
    на баб и на водку
        меняю — и баста!

* * * (1995)

Я с одним старикашкой гитарил,
и поведал мне тот старина:
на четвёртой струне у гитары
есть заветная нота одна.
Как нажмёшь её пальчиком третьим
самой левой из скрюченных рук —
все диезы запляшут, как черти,
все бемоли закружатся вдруг.
Я нажал, и они закрутились.
Я ещё — заплясали они...
И вся жизнь моя катится в минус
из-за этой весёлой фигни.

ТИПО СЕТОВАНИЯ (2013)

ЛЮДИ и (их) ДОБРО в одном (скудельном) сосуде
болтаясь, перемешиваются больно.
Плечом об угол, ящиком в лоб, ноги в грязной посуде.
При этом подслушивающие колокольню
сравнимы с подсматривающими порножурналы.
Кроме тех и других, лузгают семечки третьи.
А четвёртым всего этого мало,
и они соглашаются как минимум на бессмертье.
В этом, как сказано, безумном, безумном мире
все от удач, соответственно, обезумели.
Или же, можно сказать, от радости опьянели,
если считать в пересчёте на промили.
Им счастье скукоживается калачиком,
как ласковая кошечка с шёрсткой пышной.
Я никогда не считал себя неудачником.
А оказывается, вон оно как вышло.

НЕОЖИДААННЫЙ КРАХ (2007)

Наш ум трезв.

Мы всё видим.

Мы весельны.

Нас очень много.

У нас верные прямые руки.

У нас длинные цепкие уши.

У нас ушлые ноги и скрытные ногти на них.

Наши возможности подстать нашим притязаниям.

Строг взгляд наших стройных глаз.

Наши предприятия экстерриториальны.

Наши принципы адекватны.

Успех координирует нас.

Мы на всё готовы, чтобы

(падает замертво)

КЛАУЗУЛА (2007)

(фантастический диалог)

КЛАУЗУЛА (лат. *clausula* — заключение, концовка) — ритмическое окончание слова, начиная от ударной гласной и до его конца. Любимый, кораблик, задраивать, поздно...

Владимир Онуфриев «Рифма: от простого к сложному»

— Нам есть, чем гордиться: отчётный период закончен, и мы не попали впросак.

Поднимем же тост за единственный вывод: мы мчимся к победе на всех парусах!

— Любимый, кораблик задраивать поздно, каюты затоплены, в трюмах бурлит.

И только по палубе мечется воздух.

Он ранен, и где же лентяй Айболит!..

— Очнись, дорогая! Сегодня суббота.

До вторника выплывем, вот тебе зуб.

Технички и юнги давно за работой,

и дуют вручную в отверстия труб.

— Но новые волны топорщатся грозно,

и — как его? — шквал, или этот... Мальстрём...

Любимый, кораблик задраивать поздно!

Мы обречены! Мы сегодня умрём!..

— Ты что, дорогая, послушай, не бойся:

кругом тишина. Не аврал, а простой.

Мотор не гудит, экипаж сушит вёсла

и волны нестрашные, синус простой...

— Да нет же! Нас крутит, как в супе пельмени!

Да, это Мальстрём, я читала у По...

Так страшно, что хочется встать на колени...

Любимый, кораблик задраивать по

(Идут ко дну)

ЧАСТИ РЕЧИ (1966)

Охотник. Чаша. Олени. Топот.
Погоня. Скорость. Копыта. Вой.
Собака. Ветка. Grimаса: злоба.
Винтовка. Тяжесть. Гашётка. Взвод!
Хлестнуло. Грохнуло. Остановился.
Шагнул. Свалился. Рухнул. Лежит.
Сломался. Умер? — Дёрнулся. Виснет.
Рыдает. Просит. Глазеет — жить!..
Лиловый. Громкий. Кровавый. Белый.
Бесцветный. Тихий. Огромный. Злой.
Невнятный. Трепетный. Мокрый. Целый.
Варёный. Вкусный. Полезный. Мой.

ПАЛОЧКИ МАЭСТРО (2004)

Пентаптих

1.

— Маэстро, скажите, пожалуйста, который час?
И маэстро, подняв свои палочки тоненькие, пропел опереточным тенором:

— Московское время пятнадцать часов сорок восемь минут и тридцать четыре секу-у-унды!

Для этого ему понадобилось секунд 14 с половиной, так что пропетое время было не совсем точным.

А ещё через 8 секунд рухнуло кирпичное здание, в течение приблизительно полутора веков стоявшее в полукилometре от места описываемых событий.

2.

Немецкие концессионеры строили бойни. Уже построен был целый городок унылых одно- и двухэтажных зданий, при одном взгляде на которые у ведóмых коров подкашивались колени передних и задних ног. Заканчивалось строительство двухэтажной «бараньей бойни». Крыши ещё не было, и желающие могли видеть будущее здание как бы в плане. Стены его были непомерно толстыми, так что даже самый злобный баран не смог бы прободаться на улицу, и не было ему ни единого шанса на спасение. На некоторых кирпичах, да чего там

— на многих, почти на всех, были выбиты аккуратные заглавные буквы: М.А.О. «Московское Акционерное Общество», что ли?

Или это что-то по-немецки, и они и кирпичи из Германии своей попривозили...

3.

Летело 18 пожарных расчётов. Впереди всех на красном «уазике» мчался главный *бренд-мажор*, или как его там... Все машины беспорядочно дудели:

— Дú-у-ду-дú, ду-дú-ду-ду, ду-дú-ду, — пела одна на мотив «Катюши».

— Ду, ду-дú, ду-ду-дú, ду-ду-дú-ду-ду, — «Марш славянки» раздавался из другой.

Третья была так называемым *тореадором* и исполняла соответствующую арию.

А два пожарных водителя, видимо, совсем уже дошли до ручки (и до точки) и запустили сирену-Интернационал, подпевая разухабистыми полубасами:

— Давай, поедем за соломой! — // быки усталые ревут,
— // у нас соломы нету дома, // зато навоза целый пуд...

И было много ещё других музыкальных моментов.

Викторова стояла у раскрытого окна и любовалась на ладных пожарных.

Пожара-то, впрочем, и не было.

4.

Всей улицей собирали деньги «погорельцам».

— Да не погорельцы они, у них просто дом рухнул!

— С чего бы это он рухнул? Ни у кого не рухает, а у этих

— вот... Небось сами и подтолкнули, а денежки-то заранее все выгребли. И телефоны свои всякие, телевизоры импортные, компьютеры, прости Господи...

— Да как его подтолкнёшь-то, у него стены вон какие были, полтора метра в диаметре, немцы строили...

— Какой диаметр, они что, круглые что ли были?

— Сама ты, бабка, круглая. Дура.

— От дуры слышу!..Хорошо ещё, что в доме, как нарочно, никого не было. Только кошка одна пострадала. Да и ту после за помойкой нашли — живёхонькую.

5.

— Маэстро, расскажите, пожалуйста, каковы Ваши творческие планы?

И Маэстро, улыбаясь, поднял тоненькие палочки свои.

ХОЛМС И ХАРМС (1989)

— Есть на свете много стран-с.

Столь же стольных городов-с.

— Ну, опять завел романс!..

Это ж просто парадокс!..

— То, что я пишу стихом-с,

так обучен я стихам-с.

Вот. И жил в столице Холмс.

А в другой столице — Хармс.

Оба трубочку курили.

Оба скрипочку любили.

Одного из них убили.

ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОВЕТУ (1992)

Моя душа черна, как ящик или как чёрная дыра.
Из вас бы кто, из настоящих, не дал мне чёрного шара.
Творец ли, просто оператор, а может, чёрный оппонент
мне метку чёрную пиратов вручит в назначенный момент —
не знаю. Но в смирение хмуром я без погрешностей почти
провижу будущий футурум, как солнце — в чёрные очки.
И вас насквозь пронзает взор мой, четырёхглазые мужи,
из зеркала кривого чёрной, как было сказано, души.

ЖАЛОБА (2004)

Всё хреново. Жизни нет — во-первых.
Во-вторых, непоправимо стар.
И моих литературных перлов
не берут в печать и гонорар,
соответственно, не начисляют
(зря стихом набряк я и пропах)...
Там болит. Тут тянет. Там стреляет.
Нет зубов, и глаз — не ватерпас.
Гололёд. Коррупция. Теракты.
Времени, и денег тоже — нет.
Всё хреново. Дальше по порядку —
вплоть до положения в стране.

ОПЯТЬ ВСЁ ЗАСТЫЛО? (1995)

Покоя нет.

А.А.Блок

Опять всё застыло? — Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.
Вот вышли из моды кривые ножи,
удобные для харакири.
Вот разумом быстрым играет Невтон,
вот дактиль сменился хореом.
И мы изменились — не в этом, так в том:
лысеем, болеем, стареем...
От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелится — как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.
Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...
А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем —
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и — вот она! — смерть тепловая.
Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего — несмотря,
что ножики больше не в моде.

* * * (2007)

Когда идут к нам прямо в руки,
хоть это часто не с руки,
простые русские кунштюки,
а иногда и кунштюки —
они мешают нам работать,
под руки лезут и в глаза.
Пусть геморрой от них и копоть —
мне всё равно: я только ЗА!..
Вот мне один кунштюк намедни
попался, чистый, как кристалл.
Его я охладил в передней.
Он выл сперва, потом устал.
Он крикал, брякал и чесался.
Я с ним возился, как с дитём —
в интерактиве, в ритме вальса...
Казалось, вместе мы растём.
Казалось, ветхие заветы
уже скрипят от наших зол...
Как вдруг — он лопнул, и за это
меня в поэты произвёл.
И от такого произвола
присев, наклал я много штук —
одною левой, как Сцевола,
с футбольной яростью нацбола
во имя звёзд и комсомола,
как, лопнув, завещал кунштюк.

В ПЕРВЫЙ РАЗ — В ПЕРВЫЙ КЛАСС (1995)

Цвёл в окошке серый цвет, сумерки с утра мокры,
туча, чёрная, как взрыв, села в провода.
Начинающий поэт рифмовал гекзаметры,
а гекзаметры без рифм пишутся всегда.
Начинающий шофёр под кирпич направился.
Юнга — будущий пират просигналил *SOS*.
Обучающийся вор прошептал: «Пожалуйста!..»
Начинающий юннат вляпался в навоз.
Начинающий гурман спутал с перцем каперсы.
Кашлял будущий алкаш, дёрнув из горла...
Тем-то он и дорог нам, этот день сентябрьский,
что впервые входим в класс — Первого числа!

ПОЕДИНОК (1989)

Мария Ильинична с Анной Петровной
пьют чай с чем попало и дышат неровно.
Пред ними мерцает экран голубой.

На нём разгорается бой.

Там Анны Петровны единственный Паша
с любимцем Марии Ильиничны Сашей
(красавцы, спортсмены и кровь с молоком!)

друг другу грозят кулаком.

Давно ли друзей одного от другого
развёл по углам тренирующий Вова!

И вот они встали врагами на ринг,
надеясь на хук или свинг.

Движения Саши изысканно грубы,
но Пашины губы поджаты сугубо.

Ух, Паша! Он ранний, хоть из молодых.

И вдруг — ударяет под дых!

Мария Ильинична шепчет бескровно:

— Твоё воспитание, Анна Петровна,
всегда, извини, оставляло желать...

Не стыдно тебе? Ведь я — мать!

Лишь Анна Петровна вздохнула притворно
и к блюдцу склонилась, поникшая скорбно,
очухался Саша, подпрыгнул, и вот —
успешно провёл апперкот.

Да! Так хорошо не лупил никогда он!

Противник повержен в глубокий нокдаун.

К нему моментально спешит рефери,
считает своё раз-два-три.

А Анна Петровна привязана к сыну,
и через антенну, как сквозь пуповину,
она ощутила ужасный удар

и речи утратила дар.

Грядёт поражение Пашино. Девять.

Но Паша, на лучшее всё же надеясь,
встаёт, и тот Вова трепещет в углу,

и гонг прерывает игру.

Вот так, с напряжением нами воспетым,
проходит турнир с переменным успехом.

Удары, свистки, восклицания, клинч
и гонга воинственный клич.

А в кухне два кадра забытой конторы
согласно гадают: который, который??

Считают, что лучше бы был волейбол
и кушают свой валидол.

А я бы сказал им: «Бабули, не надо!
Неважно, кому из них светит награда.
А важно, что чем бы ни кончился спор —
с победой останется — Спорт!»

СВОБОДА ИЛИ ТАЛАНТ? (2004)

Предложил бы мне тролль-гигант
или, скажем, бог:
— Тебе что — Свободу, или талант?
Выбирай одно из двух.
Я бы сразу брякнул: Свободу!
И не задуматься бы мог.
А напрасно: зачем она уроду
бесталанному, если вид, звук,
если движенье, мысль, теорема,
стихотворный или цирковой трюк —
всё было бы едино и недостижимо,
и не человек бы был, а — хряк.
Или кто-то другой, от персонажей Брэма
отличный только покромом брюк.
И была бы: Свобода нагула жира.
А разве свободен — дурак!
А если бы я чуть-чуть подумал,
сказал бы: Талант, ясно!
И не усомнился б: упаду, мол,
связанный стальной цепью.
И тонко всё понимал, чуял,
от несвободы бы страдал ежечасно
в окружении фантомов, чучел,
образов своих бесценных.
Обсценных словечек, впрочем, не надо.
Выход есть, как в метро говорят.
Свобода она и пробуждает таланты.
А талант — внутренних свобод ряд.
Так что встанем на баррикаду,
младую, как в Эрмитаже, грудь обнажа.
А таланты — в свете Свободы лампы —
сами посыплются искрами из-под ножа.

* * * (1985)

Мои стихи формальны, не душевны
не оттого, что я от вас скрываю
свои признанья и свои прозренья,
сомненья, вдохновенья, размышленья,
своей судьбы кудрявые загибы,
А потому, что — НЕТ их у меня!
Те, кто имеет подлинную душу,
такое бестелесное создание
(т.е. созданное нечто — не известно,
кем, для чего, зачем, когда и сколько...),
они-то этим обладают всем...
Они витают в разных *эмпириях*,
они нектар с утра употребляют,
амброзией занюхивают чинно,
перо в персты, и — рифмы потекут...
А у меня подобные понятия —
когда я трезв — глухое раздраженье
лишь вызывают. Только кружка пива
внушит и мне лирический настрой,
текущему подобный. Но течение
его не до Каспийского дотянет,
как Волгу — моря; седины Байкала
не замутит мой неглубокий стих,
и Логика великая (с заглавной
её пишу я буквы) не одобрит
высказываний этих неконкретных,
в которых смысла не было и нет.

ВОТ ЭТОТ ВОТ БЛОКНОТ²⁵ (2005)

Некий воловиковед,
Диссертацию строча,
как-то нападёт на след —
ну, допустим, Ильича²⁶.

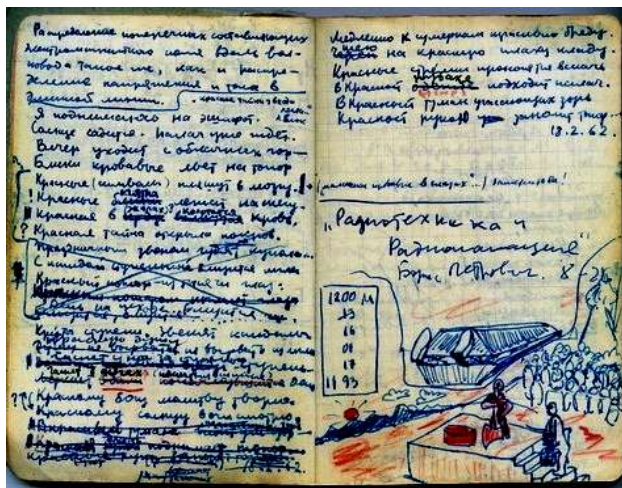
И продаст ему Ильич
не объёмистый кирпич,
а блокнот вот этот вот
в пятнах разных нечистот.

Этот воловиковед
донесёт его, дрожа,
(и) сильно заблагоговев,
до 6-го этажа.

Там уверенной рукой
развернёт его, и — вдруг! —
текст увидит вот такой.

И проймёт его испуг:

не во сне, а наяву
(он) держит ценный автограф!
И в 4-ю главу,
и ещё во много глав

щас внесёт он ценный вклад

²⁵ подчёркнуты места, где читающий демонстрирует левой рукой слушателям то, о чём говорится в тексте, указывая на это пальцем правой руки. Указательным, естественно.

²⁶ Ну, есть у меня, например, внук, Василий Ильич.

и цитату (не одну!).
А в его работе ВАК
обнаружит новизну.

И практическую це-
нность отметит тот же ВАК.
Знать, банкету быть в конце
(для своих и для зевак)...

Воловиковед не зря
выбрал тему в добрый час,
ведь ему благодаря
изучают в школе нас!

Мне на том банкете, у-
вы, попить не суждено:
столько я не протяну...
Да я и не люблю вино.

А этот воловиковед,
молодец и кандидат,
обязательно банкет
посетит и будет рад.

От обеденных столов
в стороне прилавок книг.
Вот для книжников улов —
прижизненный Воловик!..

Купит книжник, тароват,
с толстой пачкою банкнот,
антикварный экспонат:
мой вот этот вот блокнот.

В эксклюзивном интервью
(он) скажет: «Я обрёл мечту.
А отдал я лишь свою
пачку пухленькую ту!..»

И, вербальный, словно титр,
— в небеса б ему тропа! —
тихий ангел пролетит,
выкаблучивая па...

Милый воловиковед!
Я не дед тебе, не сват.
И не позван на банкет,
но ору тебе: «*Vivat!*»

И хозяину банкнот
тоже я ору: «*Vivat!*»
За вот этот вот блокнот,
очень ценный экспонат!

ПРАЗДНИК ПРЯНИЧНЫХ БУКВ (1989)

Поступает обычным путём даровой урожай,
залитованный автоцензурой с дозволенным матом.
Гонораров июля дожётся ль неласковый май?..
— Пионеры! Несите скорей колосок в элеватор!
Пожирая батон, я кейфую в кухонном тепле.
И ножу обречён ароматный тираж урожая.
Я ж не знаю, почём созидательный труд на земле,
чернозёмные хляби, метафора теста живая.
Мне привычнее — текст. Переставить и вынуть слова.
Заострённым акцентом царапнуть контекст непочатый...
Солон дактиля кекс. Кислы дольников трын и трава.
Праздник пряничных букв. И на сладкое — кнут непечатный.

* * * (1989)

В ожиданье транспорта позволим
поиграть с собой в свободу воли.
Вот сижу я в Болдинском лесу.
и Жар-Птичек шариковых перья
я грызу, как Пушкин, и теперь я
пользу несомненно принесу.
Привнесу в родимую словесность
кое-что несвойственное ей.
Средь еврейских болдинских корней
(на арапа выбранная местность)
пятистопный отыщу хорей
да как стану им дундеть и гукать,
классиков занюханных аукать
лирой ненастроенной моей.
Старость, нерастраченную съюна,
мне на то оставила фортуна,
чтобы это...

НЕ КИРПИЧИ (1985)

Слагать не кирпичи, а лёгкие слова
в воздушные дворцы для вечного паренья.
Не ведая стыда, лепить стихотворенья,
как бог, из ничего — идея не нова.
Весёлые слова, задумчивые бденья...
Но антитезы ждёт сонетная канва,
мол, кинет жизнь поэт в источник вдохновенья —
и станут кирпичей весомее слова!
Сказал — и застит свет кирпичное виденье,
и истекает пот из водосточных труб.
Вот-вот развалится добротное строенье,
и Полигимнию навеки сгубит труд...
Нет! Нет! Не кирпичи, а лёгкие мгновенья,
а лёгкие слова — для вечного паренья!

* * * (2003)

В лирике поэзии ничуть не больше,
чем рисовки. А фальши — и больше, и чаще.
То есть, изобразить себя — собой же,
но — экзальтированным и вопящим...

Недоумеваю, наблюдая ваши игры.
Икру удивленья мечу окрест.
Мы ведь похожи: вонзаясь в нас, иглы,
исторгнут идентичные писк и треск.
Девушки! Мы же чувства схожие холим!
Мужчины! Разве розно мы видим дам!
И первый же *блин* одинаковым комом
по нашим прокатится сковородам...

Почему же вы такие другие?
Лирика, религия, там, НЛО,
пение хором, филателия,
футбол, физкультура, «добро», «зло»?..

Ведь истина-то не на этих тропках,
а — даёт максимальный кайф
составление из льдинок *разнокоротких* —
слов, как мальчик — помните? — Кай...

Вот и я: лебединую под фанеру
впаривая арию вам во рты,
салютую очарованным пионером
Снежной Королеве моей мечты.

* * * (1989)

Понять, кто талант, кто бездарный
что съесть всех собак на Руси!
Поэзия так элитарна,
что прямо хоть стих выноси!
И вот его в жизнь выношу я,
в житьё, извиняюсь, бытьё,
простейшую речь ритмизуя,
вводя поэтизмы в неё.
Что́ жизнь — только пиво да воды,
квартира, карьера, фирмà...
А жизнь со стихами — Свобода
(хотя, может быть, и тюрьма).
Я в тайную дудочку дую,
секреты метафор ищу,
как жалкий несун — в проходную
стихов сочлененья ташу.
Вот-вот зазвенит и забьётся
над строчками солнечный нимб,
и небо над ним развернётся,
и бездна завоюет под ним...
Но прозу и небо, и бездна
(особенно бездна!) — страшит!
И внутренний цензор (О бездарь!)
на страже комфорта стоит.

ПОЭТЫ (1985)

Поэты на себя берут страдания всей Вселенной.
Пост, воздержание и труд — поэтов гордый флаг.
Кто втиснет Истину в словарь? — Тот, чья душа нетленной.
А кто невежда и кустарь? — Кто полон жирных благ.
Поэты на себя берут грехи всея Вселенной.
То просто лень, то (чаще) блуд их направляет шаг.
Кто пьёт вино, крушит хрусталь? — Поэт в кругу гуляк.
А кто засушенный сухарь? — Кто моралист отменный.
Но кто же всё же победит, властитель мыслей внуков —
кто горд, или — кто пьян и сыт? И кто — не лыком шит?
— Прав, кто живёт, как жизнь велит, и ямбом помяукав,
и даже с бою взяв Главлит, не мнит, что уж — *пиит*.
И правил нет, что ставят быт в зависимость от звуков...
Но кто же всё же победит? Но кто же победит?..

* * * (2007)

Голсуорси был Иван,
и Тургенев тоже Джон.
Хоть они из разных стран,
каждый был из них прожжён
в негасимом мастерстве
и в сюжетах мастаки,
хоть в Лондóне, хоть в Москве —
первой классики руки.
В продолженье лет и зим
мы за это помним их.
И читаем их, и чтим,
и даже посвящаем стих.

ПОЧИТАЛ СЕБЯ (2009)

Почитал себя. Пряновато.
Не ко времени суечусь.
Рассуждения вянут в ватах
мятых переживаний, чу-в-с-т-в.
И, пока ещё вижу света
лучик тоненький, волос, блик,
сам пришпорю себя советом.
— Ну-ка слушайте, Воловик!
Сочинительствуй поточнее.
Чушь никчёмную шугани.
Чтобы вяли или синели
уши и не только они.
Чтоб читатель (ну он же — я же!)
почитав (как в ЧК побыв) —
нечто чуждое, Бабые-Яжье,
оживил, пожевав, как жмых,
стих дамоклов в намоклых стропях
строк, порубленных в Леты ров...
И безглаво забьются строфы
слить багровую с литер кровь.
И, шкодлив, точно Макс и Мориц
(два в одном! Это что ж, мутант?!) —
бюст сваял бы, нерукотворец.
Да себе — не кому-то там.
А не то — не подравшись сроду,
что победы! — не быв и бит,
не на цоколь, а — сразу в прозу.
В невербальную прозу. В быт..

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО (2004)

Июнь дотошно соблюдал закон
дождя — чтоб ливнем лился, а не капал.
В июле груша штурмовать балкон
взялась, десант плодов отправив на пол.
По крутоярам, спускам и горам
свирепо, как Батый или Аттила,
за ливнем вслед решилось на таран
светило и щедрее засветило...
Но время шло. Того гляди — пурга.
Сентябрь уже прошелестел победу.
А лето — в ссылку: поливать юга
послал по злону, видимо, навету.
Октябрь... ноябрь... Открылся, как сезам,
сверкнув неосторожной белизною,
лихой январь. И вот: исчез вокзал
навек. И сердце дрогнуло, болезное...
О Киев! Ты — не содрогнулся ль весь,
не дал ли воплю горестному волю,
когда тебя покинул твой певец,
взят навсегда морозною Москвою?!..
Но нет, ничуть не дрогнула земля,
не приуныли *харные* хохлушки,
и не поникли в скорби тополя
и завязи осиротевшей груши.
Народ рысцой привычною бежит.
Двуцветный прапор реет без печали.
Как мало тех, кто помнит и скорбит,
осознаёт, кого мы потеряли.
Твои стихи листая наугад,
столь яркие, что можно ощущать их,
мы видим не простуженный Арбат,
а летним ливнем залитый Крещатик.

* * * (2006)

Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты —
они ж пишут стишки и куплеты!
Что же я-то! Скорее за стол.
Только крошки смету, и — пошёл!
Так. Про что? Что сегодня в газетах?
Тему вывернем так или этак.
Может быть, легковесна? — Пустяк!
Важно же — не «про что», важно — «как»!
Всё же лучше бы, чтоб полиричней —
путь-то жизненный очень приличный
(в смысле: длинный — километров пять).
Зря дневник не вёл... Ну, вспоминать!
Значит, так. Моё первое слово —
как была тяжела и сурова
с малых лет моя юная жисть
(распишу так, что только держись!)
Был я молод, прыщав, беззаботен
(озабочен, точней, но не очень)
и копил несозревший гормон,
сам себе, так сказать, гегемон.
Дальше. Школа труда и лишений,
где пророс мой лирический гений
сквозь забор из препон и преград,
и, созрев, получил аттестат...

* * * (2001)

Время вдохновенья. Начинаю пенье.
Завершилась осень по программе всей.
Еду в электричке, словно предок в бричке,
стукают колёса об своих осей.

Узкая колейка (или же коленка)...
Правды нет и выше, как сказал Поэт.
Эй, салаги, глянь-ка, вот она, нетленка.
Её классик пишет, созидаю свет.

Сотворенье мира — чья прерогатива?
Может, скажешь, бога? Да окстись, откель!..
Это я, заметьте, словно чиж на ветке,
попою немного и глядишь — О Кей!

Мир клубится, дышит, он не гладью вышит,
— Может, нарисован? — Бред! Галиматья.
Мною он задуман. У меня во лбу он.
Да и нет иного миру бытия!

ПОЛЁТ (1998)

Я сам себе чужд.

Может, там, куда мчусь, я вообще не я...

И жду, удручён скрежетаньем *счетов* и *актов*,
что вот получу *нэ-платёжное* поручение
(от кого — не знаю) — хотя б на десяток тактов.

И скоро и правда, летучее, как вдохновение,
нисходит (или вздымается?) нечто вроде...

И я начинаю летать, по обыкновению,
то есть своей отвечать, наконец, природе.

Невесомостью, отсутствием тела, лёгкостью
характерно известное всем состоянье лёта.

Высота в ушах пищит специфическим посвистом
(который, возможно, от комплекса рифмоплёта).

Далёкое смотрит близким (и таковым является).

Сущее стало вещим, и мыслям в черепе тесно.

Буквам, значит, просторно — в классику бы не вляпаться! —
(всё это не относится к данному конкретному тексту).

При этом полёт может быть из окна или с лестницы,
но чаще всего совершается в подземелье...

И становится мир всё приятнее и полезней всё,
и доступнее всё, как тому дураку Емеле...

Так и летаю, навроде орла или аиста,
неся соответственно — дичь или плод сокровенный.

Но свободный полёт внезапно, как всё, кончается
для иных, тоже не чуждых мне, отправлений.

HARD & SOFT (2014)

Тетрадь — мой *HARD*. А лирика — мой *SOFT*.
Периферия вывода и ввода —
мой транспорт (колыбель моих стихов).
Vivat трамвай! Метро — достойно оды.

По рёбрышкам ступенек сделав *ла*
и чуть не загремев по ним при этом,
я *рассмеялся*, даже не упав,
и вот пою вам — внутренним фальцетом.

Я б вызвал интерес — как клон бабуль...
Литературоведов — понимаю.
Но наточил мне славный каламбур
маэстро каламбурное Минаев.

С тяжёлой миной на лихом лице,
с тяжёлой лирой мэтра Владислава
и не закончив Пушкинский лицей,
я — *тронулся*: за предпосмертной славой.

За шагом шаг, как будто годовал,
я продвигался в сторону финала.
То вправду прозревал, то блефовал...
А время — шло. Его осталось мало.

Но диалог себя с самим собой
стал скучен вдруг и реплики неловки...
В чём дело-то? В аппаратуре сбой?
Клопы проснулись в области рифмовки?..

А может, надо было сквозь «нельзя»
переть, как трактор, не топчась в передней...
Или — неверно выбрана стезя?
И надо было заниматься греблей?..

Я грёб и грёб бы, вспенивая муть
у кромки *П. Великого* ботфорта.
Глядишь, и взял бы приз какой-нибудь...
Но поздно, в прошлом всё... Какого чёрта!..

За то, что предал молодости статью,
гореть в одной из адских мне жаровен...
Что ж я молчу? Мне нечего сказать?
Нет, просто скромн я: немногословен.

И молча, не сказав ни ах, ни ох,
покаламбурю сам с собою нá спор.

Тогда как *HARD* и (что обидней) *SOFT*
умчатся, клокоча, в далёкий Каспий.

киТЫ И Я (1999)

Стихосложение стоит
на нескольких китах.
Кит первый — **рифма**. Я — джигит:
привстал на стременах.
Пустил фонтан, машу мечом,
галоп мой, как полёт.
И тут никто мне нипочём:
я — классный рифмоплёт.
Но вот я на другом ките.
Здесь рифма не при чём.
Тут нужен **образ**, т.е. «*имаж*»,
ответ вопросу «как?»
(Подобна девушка мечте,
катамарану — чёлн,
отделу виз — отдел продаж
и умнику — дурак.)
С китом **звучания** — игра,
достойная мужчин.
Он «*бобозбби*» спел с утра,
а к ночи — «*дыр бул щыл*».
(Не золотая ль, как игла —
о, как она могла! —
мгла углеглазая легла
на гладь из-за угла?..)
Четвёртый кит трудней других,
крутой, как силлогизм.
С него скатиться можно вмиг,
к тому же, в самый низ.
Тут, если Ленский, то — дуэль,
Пьеро — коль Арлекин.
И — если **смысл** не надоел —
он вот, куда ни кинь.
Киты смеются и скорбят
(я так бы мог и сам!)
И я скачу, как акробат,
теку по их усам.
Там есть ещё штук пятьдесят,
но я такой мастак,
что спеть могу и поплясать —
да хоть на ста китах!

* * * (2001)

Ты лети, моя строка, дактиль-амфибрахий,
к дамам после сорока, а девчонок — на фиг!
Аж до самого нутра жми сердечный клавиш,
и, пожалуй, до утра их страдать заставишь!
Поступь девушек легка среди троп-метафор...
А проснёшься — от звонка (то есть, я, твой автор!):
«Вы же гений, дорогой! Первый в нашем крае!
Ваши строчки... Боже мой! Данте — отдыхает!.
Я читала Вас всю ночь, раз, наверно, двадцать.
Вся в восторге — прям невмочь! И хочу отдаться...»
Я отвечу: «Я же — над — ваших адюльтеров.
Я же, знаете, женат, так что знайте меру!»
Трубку плавно положу, как волну на берег,
и ещё стишок сложу — для пенсионерок.

ГИМН ФОРМЕ (2013)

Под панцирем формы кипи, содержания студень.
Да будет и в будни оно недоступно, и в праздник —
то дат юбилейных, то счастья толчков нелинейных,
и в горе невидимом встанет волной ламинарной.

И пусть оно вязко и дурно на вкус, и невнятно,
но в бравую форму отлито, заправлено, вшито —
взят азимут, значит, и курс на светило, а пятна
на нём не клеймо и позор, а узор и защита.

Овца содержанья, пасомая формы ковбоем,
кнута лишь отведав, достигнет высот медоносных.

Недаром же труд созидателя крут и упорен.

О, Форма литая, достойная гимна... Да вот он!

И всякая мелкая сущность, объятая формой,
высокого смысла исполнит своё назначенье.

И в мире, где — истины, равно нагом и просторном,
возвышенно — всё. И — ни дюйма для мелочной черни.

ПРОШЁЛ МИЛИЦИОНЕР (1965)

Прошёл милиционер и сказал: «Вырезвитель»

Девушка процокала, шептала: «Любовь...»

Пробежал мальчишка, кричал: «Посмотрите!»

А у меня — не было слов.

А трамваи с красными стёклами ездили.

А — цивилизация цвела вокруг.

И подумалось: «А что, если —

и я что-нибудь скажу... вдруг?»

И взвечерело. Мысли, как сумерки,

сгустились над вокзалами век.

И — носовым платочком из сумочки

я потерялся в толпе навек.

МИГ (1963)

Ропот.

Из ропота —
роботы —
в боты.

С работы — ты.
Я — навстречу.

Чу: чувство...
Увесист
ствол.

Дышит густо
сердца вол.

Го-
ря-
чась,
не замечу,
как —
ботинком —
прямо в грязь...

Упадёт на плечи вечер
чёрной вспышкой острых глаз.
Переменчивым зигзагом
удаляющимся шагом
промелькнёшь весенним флагом,
светом солнечным струясь...

И трамвая
красный демон
подойдёт,

тихо тронется и —
где он?!

— По-
во-
рот...

1963.

СТИХИ В ВИДЕ КАРТОШКИ (1969)

Я хотел тебе подарить картошку в виде сердца.
А потом решил подарить сердце в виде стихов.
Но, кажется, подарю стихи в виде картошки.
Овальные и продолговатые, безалаберные и наивные,
они просятся в тетрадь, как на шипящую сковородку —
превратиться из сырого продукта в лакомство для гурманов.
Эти стихи родились из облака матерщины,
как в пене морской родилась божественная Афродита,
как рождается в грязях земли круглый розовый клубень.
В них не найти вдохновенья или сиянья,
а есть немного любви, а больше тихой боязни,
что ты улыбнёшься и скажешь: «Я терпеть не могу картошки...»

ПОД СТУЛОМ СМЯТАЯ БУМАЖКА (1965)

Под стулом смятая бумажка:
ты на свиданье не придёшь.
И в белом платье не запляшешь,
не скажешь: дождь...
Ты просто не придёшь. Нелепо
автобус дверью хлопнет, пуст,
и дождь хромающим калекой
пройдёт, как на костыль — на куст
опёршись... В серое раскрашен
пейзаж и город, день и ночь.
Под стулом смятая бумажка.
Ты на свиданье не придёшь.

УТРО (1966)

Ю.

Губы города — Трубная площадь — скривились зелёным углом бульваров в гримасу утреннего трамвая.

Потом засмеялось. Меж рельсами загрохотали булыжники, точно блестящие зубы, и этой улыбкой испуганные поднялись серые тряпочки голубей и стали с неба стирать ночной невидимый нимб.

Первый рассветный троллейбус, ещё не привыкнув к движению, упрямо старается вырвать рога из чёрных тугих параллелей.

Весёлые, как пионеры, составленные в пирамиду на поле Большой Спортивной Арены, выстраиваются в радугу прозрачные капли и, спрыгнув, торопятся броситься в подземную речку Неглинку.

Кусты на Цветном бульваре умылись и встали один за другим, как рифмы в поэме о Солнце.

А Солнце уже возникает за Сретенкой в переулке и гладит заборы, крыши домов и верхушки деревьев зелёной лапой луча, мягкого, как у кошки.

АТАКА (2008)

Сперва настроить ритм для завтрашнего марша:
подбор изящных фаз и нежных амплитуд.
Засаду осветить юпитером поярче.
Начистить сапоги (и это ратный труд!)
И, белый флаг подняв, пойти в парламентёры
и требовать **ау!**диенции с послом.
Внедрить надёжных глаз пронзительные взоры
туда, где уязвим предательский заслон.
Усилить блок-посты, и, чтобы не скучали:
лазутчиков — в наряд, а прочих — на губу.
Поджечь бикфордов бант бенгальскими свечами
и выйти — одному! — на бранную тропу.
И через тайный ход времён невинной дружбы
проникнуть в цитадель — тут надобен и ум :) —
А после — применить секретное оружие,
оно и завершит ожидаемый триумф.

ВОСПОМИНАНИЕ (1997)

Арбат, ещё не пешеходный,
пыл туристический, походный,
гроза, колонны у реки,
мы босиком, как босяки,
тропинки склизь в полуовраге,
бифштекс (с картошкой что ли...) в «Праге»,
«Дом книг» (Калининский проспект)
и юности *плюсквамперфект...*

ОБРАТНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ FUTURE IN THE PAST (2001)

Пройдут года и молодость,
столетье отстрекочет.
Давно я сбрею бороду
и выращу животик.
Ты — за планетной толщею
поселишься — увы,
и внуки (но не общие)
прискачут к нам, резвы...
А тут чугунной бабою
снесут окошко с видом,
добив надежду слабую,
что тешил индивидуум.
Или надежда тешила,
наоборот, его...
Не знаю. Ну их к лешему.
Не будет — ничего.
Не будет места этого,
где были мы с тобою.
как будто сдует ветром
или бульдозер сроеет,
тропинка вниз обвалится,
земля слетит к реке.
А что с Арбатом станется,
где мы — рука в руке —

КОГОРТА МУЖЧИН (2008)

Максим шёл вприпрыжку, Кирилл — тяжело, как пахал.
За ними иные копьём или пикой бряцали.
Их не догоняя, брёл старенький микроцефал.
Он был Анатоль. Это так его вычурно звали.
Они отправлялись найти неизвестно чего.
«Охота на Снарка» припомнилась мне беспричинно.
Максим был кудрявым, Кирилл был солидный мужчина.
Был лыс Анатоль. Это было смешнее всего.
Максим — музыкант. Привлекал его, значит, вокал.
Он пел постоянно: на кухне, в сортире, на пашне...
Кирилл — посолидной. Усы окуная в бокал,
он был громовержец, как Зевс небольшой и домашний.
Максим и Кирилл, и другие — в них сила и стать.
И цель им сияла подобно дневному светилу.
А что Анатоль! Уж ему-то вообще не светило...
Но он вслед за ними тащился и тщился догнать.
Максим увидал на холме неожиданный свет.
Пустился наверх, и Кирилл с остальными — туда же.
Вдруг встал Анатоль. Он же ветхий, как Ветхий Завет.
Не зная, бежать или нет, он не дёрнулся даже.
Но группа спустилась: сияние было — мираж.
А бой с миражами не прочил им бранную славу.
Ах, передохнуть бы!.. Да где там, они впали в раж.
И лишь Анатоль не полез и соснул на халяву...
Пошли. Вечерело. Но чаща раздвинулась вдруг.
Блеснула вода! — Это озеро?.. Может быть, море?..
Им, что же, туда?.. Но ответа не дал Демиург,
и все остальные смолчали (как я в разговоре).
Решили, что ночью в воде не найдут ни хрена,
вдоль берега двинулись по каменистой дороге.
Один Анатоль заупрямился — шли бы вы нá!.. —
но зря проискал два часа, только вымочил ноги.
Наутро друзья и соперники двинулись врозь.
Один на дороге нашёл златовласую фею
и что-то с ней сделал такое, что после хоть брось,
да он и забросил её, раскрутив посильнее,
на дерево иву. Компания дальше пошла,
а фея орала, как кошка и грязно ругалась.
Сказал Анатоль: «Надоело мне это «ла-ла»!
Прибавим-ка шагу хотя бы на самую малость!»
Потом второпях Анатоль наступил на ежа;

Кирилл головой обломил здоровенную ветку дубовую; люди утратили часть куража; был послан Максим ради общего блага в разведку... И много других приключений случилось и хохм — да, собственно, именно их-то они и искали! — пока не наткнулись опять на неведомый холм. И поняли вдруг: это — тут. И, как вкопаны, встали. Потом разошлись, кто на запад, а кто на восток, на север, на юг и в иных направлениях тоже. Был в душах у всех в предвкушенье успеха восторг. И кто-то исторг даже вопль, и морозом по коже тот вопль отозвался у прочих. Ускорили шаг и, пики подняв, обнажив и другое оружие, друг друга из виду они потеряли, спеша не глядя хватать то, что нужно и то, что не нужно. Вот что-то надывав, Максим удалился в кусты. За ним и Кирилл свою долю добыл дорогу. Ну что же, Толян, без трофея пока только ты. Давай, старичок, нажимай, я тебя пострахую.

...О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ (2009)

«Два капитана»... Я сызмала полюсом бредил,
«Спологи! — думал, — Торосы!», когда не спалось.
Там же, на Севере, белые бродят медведи!
Чешут спиной, говорят, виртуальную ось.
Вырос я. Минус — в глазах изгибается линзой.
Льды и торосы с экрана блестят (Би-Би-Си).
Всюду тепло, а особенно, в действиях ближних.
И за окошком повсюду сплошные плюсы.
Только: жую ли насущное что за обедом,
думаю ли о возвышенном, там, о любви —
мимо меня проплывает медведь за медведем
в белом неспешно, как парусные корабли.
То проверяют акустику в гулком пролёте,
или гремят чистопрудным трамвайным путём.
Или читаешь, и — здравствуйте, я ваша тётя! —
белый медведь над тобой свою лапу простёр.
Хищник, должно быть. Но, кажется, нынче постится...
Белый медведь пролетает, как белая птица,
белой вороной в чертог из серебряных льдин...
— Белый медведь, не пойму, почему ты блондин?..
Эти медведи умеют играть на гитарах...
Вижу не льды, а костра прогоревшего дым...
Если бы знал я, какие виденья у старых,
я бы, наверно, хотел умереть молодым.
Впрочем, до старости жить ещё долго и скучно,
складывать строчки минут в трудодней буриме.
Каждое утро будильник бренчит однозвучно,
каждую ночь только белый медведь на уме.

* * * (1990)

Бессонница. Комар. Такая полоса.
Я списывал рецепт и, изучая вина,
последствия сравнил, как будто полюса,
и вышло, что на всех одна и та же льдина.
Бессонница. И вот — бессилён сам Морфей.
Напрасно бьёт крылом, выделявая пассы,
напрасны все ходы, что у него в запасе,
и заклинательная музыка *морфем*.
Я думал, музу призову, и вот —
закончен с ней роман (когда он не приснился!)...
С бессонницей легко бы справился Эрот.
Но, к сожалению, он не появился.

БУХБАЛЛАДА (1995)

Kennst du das alte Liedchen?

H. Heine

Ты знаешь ли старую песню?

Г.Гейне

Жила-была дева бухгалтер,
лицом и фигурой складна.
Царила в коммерческом гвалте,
а дома скучала одна.
Была не знакома с разворотом,
девицам иным не в пример,
и зря к ней ходил инкассатор,
в кармане храня револьвер.
Собрав не растраченный в сферах
финансовых девичий пыл,
она полюбила курьера,
который дискеты носил.
Как только он вынет дискету
и вставит её в аппарат,
ей чудится, будто бы это —
бесценный любви дубликат.
И девушке с тонкой натурой
охота компьютером стать
с нетронутой клавиатурой
и принтером застрекотать.
Но стресс для бухгалтера вреден.
главбух ей грозит кулаком.
И дебет заходит за кредит,
пуская баланс кувырком.
Прокручены в *сальдо мортале*,
проценты слагаются в стих.
А прибыль в текущем квартале —
ноль целых и ноль остальных.
Курьер пресловутый к тому же
то ваньку валяет, а то —
клинически верного мужа,
каким не бывает никто.
Пред девушкой в полную меру
проблема: чего предпочесть —
карьеру, иль кинуть курьеру
коварному девичью честь.
Да если бы честь эту взял он —
другой бы тогда поворот.
А этот безумный раззява,

пожалуй, и мимо пройдёт.
Что делать — неясно, хоть тресни.
вся жизнь, словно тягостный сон.
Ах, эта ненювая песня
опять с нехорошим концом.
Вот близится дело к развязке.
Берёт инкассатор наган.
К курьеру идёт без опаски,
а тот убегает, болван!
Бухгалтерша юная в шоке.
Мужской элемент налицо.
И приобретённое в *шопе*
блестит золотое кольцо.
Весь офис готовится к свадьбе,
есть выпить и есть закусить.
Ах, мне бы на ней погулять бы!..
но надо дискеты носить.

СТРИПТИЗЁРКА (2000)

Стриптизёрка извивалась возле стройного шеста,
им на миг прикрывши малость интересные места,
этих мест телодвиженьем, отдалённых и не столь,
распяля воображенье и пьяня, как алкоголь.
На трепещущее тело свет струился с потолка.
А вокруг неё балдела и хихикала толпа.
— Ну, куда она годится, — голос внутренний спросил, —
с обнажённой ягодичей, в окруженье тёмных сил!..
Ноги босы, жёлты космы и открыта настежь грудь.
Не смутят её вопросы про её *бесславный* путь.
Верно, веские причины ввергли девушку во ад,
где бесстыжие мужчины источают аромат
неприкрытой страсти грубой, жвачки липкие жуя,
и раскатывают губы в направлении ея.
И мелькал округлый локоть в ожиданье круглых сумм...
Но её витал высоко в эмпиреях дальних ум.
Мысли разные играли в прятки, в салки, в буриме,
вычисляя интегралы в упомянутом уме.
Между прочим, этой дуре жизнь иное дать могла б,
ведь она в аспирантуре и почти уже завлаб.
Только всё ей надоело — *Эйлер, Винер и Биркгофф*²⁷,
и она вращает телом, не используя мозгов.

---

²⁷ То, что названы именно и только математики, выдаёт, по-видимому, специальность героини стихотворения

СТАРЫЙ АНЕКДОТ (2013)

Интеллигент пришёл в бордель
(намеренье тая).

И перед ним открылась дверь
гостеприимная.

С ним шёл один (его щас нет)
ухватистый пацан.

— Эй, погоди! Ты где, сосед?

— В гостях! У двух путан!!

Ну, ладно. В офисе пустом
два входа перед ним.

«Для страстных» (там соседа стон),
второй же — остальным.

— Нет, я не страстный... Мне подстать
для малохольных дверь...

Но там — прихожая опять,
и снова двери две.

«Для сильных» — надпись на одной...

Похоже, дело швах.

И, рефлексирюя, герой
в другую правит шаг.

Но там пред выбором опять
стоит интеллигент.

Теперь он должен указать,
богат он, или нет.

Он — беден. Что ж! И к цели мчась,
толкнул, рукою твёрд,

для бедных дверь... «Ну, вот! Сейчас!..»

И — вышел в тёмный двор...

Ясна, казалось бы, мораль:

зазря не рефлексуй.

Ты — царь зверей, войди и вжарь!

Коли, руби и суй!..

— Ну, не скажи, — тут вдруг изрёк
мой внутренний фальцет, —

Гляди, циничный друг наш лёг,
к хирургу под ланцет.

И встанет он на костыли,

душой и телом хвор,

а мы с тобой легко ушли

через помойный двор!

В ДЕРЕВНЕ (1967)

На дворе стояло лето.
На лугу паслась корова.
Щебетали птички где-то.
Агроном сказал: «Здорово!»
председателю колхоза.
Председатель не ответил.

(Накануне утром розы
поломал проклятый ветер.
План по розам будет сорван.)

«Иннокентий Евстигнейч! —
агроном с тоской во взоре
повторял, деревянея, —
у меня ржаное поле
унавожено отменно,
и в теплице сто магнолий...

Мы по валу непременно
будем первыми в районе,
Иннокентий Евстигнейч...»

Тот, вперев ребро ладони
в лоб, смотрел на Пелагею,
звеньевую, улыбаясь.

(Он забыл про агронома:
Пашка — девка молодая,
но лукава и ядрёна.)

Председатель грузным шагом
к девке подошёл вплотную
и взглянул довольно нагло.

Пашка сразу же смекнула
и, подняв с земли подойник,
отворила палисадник:

«Заходите же на праздник,
к нам, товарищ председатель!»
И они ушли под кровлю.

Затворились двери в доме.
И осталась лишь корова
с удивлённым агрономом.

ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ (2013)

Дивной ночью лирической в славном городе Черусти
полумесяц холериком прыгал в форточке ню.

А наутро влюблённые перепутали челюсти
в двух стаканах пластмассовых на овальном краю.

А вчера так стремительно начались отношения —
первый танец стеснительный, первый пробный бокал...

И дорожку лунною со стихами Есенина,
с поцелуями-крыльями — как Шагал к облакам.

Как шагали, как плавали, как летя пируэтами,
излучали сияние, изменяя цвета,
помнит лишь новолуние ослепительно летнее,
моль ночная лиловая да в окне чернота...

Этой ночью неправедной были души изранены
в том любовном полуночном, в том телесном бою.

И рассветные сумерки под мотив Северянина
в тусклой ванной закончились, на овальном краю.

НАД НУЛЁМ ЮБИЛЕЯ (2002)

В премногом знании премногая печаль...

Экклезиаст

Я разменял августейшее утро,
в меру улыбчив и в меру глазаст,
велеречив что твоя Заратустра,
псевдомудёр ровно Экклезиаст.
Прóпита бóльшая часть состоянья
печени, почек и прочих частей.
Да и игра ведь не иносказанье,
что тут мудрить-то, я — старый кощей...
Г'ак наращу над нулём юбилея
(грек ли на игры мои поглядит!..)
Крюк ли для люстры, корвета ли рея
жизни банальной закроет кредит...
Так у наивных худых антиподов
Кука филе вызывало слюну...
Да, я о чём?.. Иль Сусанина подвиг
манит меня прикорнуть под сосну
в дикой тайге аж за дачной уборной
с патриотической рифмой в руке
(«каску» и «квасу», к примеру, в которой —
напоминание о Маршаке)?..
Или душа истекает из тела
(ей от которого польза ли? вред?..)
Яблоко к Ньютому оттяготело...
Мытый из ванны сбежал Архимед,
вес обретя... Позывные пищали
по-попугайному мне «у-лю-лю!..»
Лишнее знание — эмблему печали —
личным невежеством лишь утолю.

* * * (~1975)

Когда луна была почти на
три пятых в туче, вдалеке
прошёл немолодой мужчина
с тяжёлой сумкою в руке.
Кругом вертелась жизнь иная,
там целовались все взасос...
Мужчина шел, перечисляя,
в уме, что́ в сумку улеглось.
Лежали в ней грибы опята,
пододеяльник и штаны.
И в тучу две последних пятых
упали медленно луны.

ВРЕМЯ БУКВЫ (LXII) (2004)

*Г'ак наращу над нулём юбилея
(грек ли на игры мои поглядит...)*

2002

Не делающим годы из недель,
пожалуй, наперёд и невдомёк,
что Время **Ч**, завав на букву **Л**,
немедленно берёт под козырёк.
И вот: физрук облапил пузырьёк,
заранее картуз надев на крюк,
и бросил прямо в мыльницу упрёк,
что рюмки отбиваются от рук.
А та — что твой Юпитер — полыхнув,
не ждя от туч ни снега, ни дождя,
высвечивает комнату, где внук
кусает заводного медведя.
Но школьный год, заносчивый, как дог
среди бравурных спутниковых нот,
в кривые траектории дорог
увязывает грозный небосвод.
Но — монолиты грузные грядут.
И — грустно: ни берёзок, ни осин...
Вот здесь была молочная. А тут
когда-то продавали керосин...
А знает ли зелёный молодняк,
ещё не наторевший во вранье,
какие кадры жгут и молодеят,
слегка расфокуси-рован-ные?..
Что время — миг, а прочее — кино?
Что слиты мы и — разъединены?...
Что Память и Отечество — одно,
и что его отравлены дымы?..
А буквы **Л** ещё не старый лик
смущён необъективностью зеркал,
предотразивших крест Андреев, **Х**,
да резких **И** двойную вертикаль
беззвучную... Но — судя по всему —
на время — **Ч** отложит свой вердикт,
пока непредсказуемую тьму
намыленная молния свербит.

* * * (1988)

Катастрофически быстро старею.
Одышка, отрыжка, боли.
Интересы стремятся к нулю.
Безразлично: русские или евреи,
мегаполис или чистое поле.
Ничего не хочу и почти никого не люблю.
Неинтересно писать диссертацию.
Постоянно хочется есть или спать.
Был бы враг — всё бы простил и врагу.
Черепушка оголилась почти что нацело.
Зубцами железными лязгает пасть.
Даже ритм стихотворный выдержать не могу.
Зрение тоже и музыкальный слух...
Я так и не выучил ноты!..
Запинается устная и печатная речь.
Еще считаю, но уже только до двух,
дальше одолевает дремота.
Пенсию! Пенсию бы и лечь.

* * * (1998)

Чахнет душа в усыпальнице смысла.
Сохнут мозги на верёвочке лет.
Что было сладко — становится кисло.
Что было кисло — сходит на-нет.
Всё тривиальнее *тропы* метафор:
в Рим не ведут, а скорее во тьму.
Как там говаривал визирь — «*Мутáбор*^{*}»?
— Незачем. Я не *подельник* ему.
Нет! Измененье изменой чревато...
Как мезозойский паук в янтаре
или *калиф*, позабывший цитату,
я навсегда остаюсь в январе.
Что-то бубню, натянув рукавицы.
Кашель — простуда, не старческий хлип.
Я ещё рыцарь. Я ещё витязь.
Я *ого-го* ещё, *знаете ли!*

---

* *Mutabor (лат)* — изменяюсь

ПАМЯТИ А.Г. КУРОША (2000)

Был лыс и много пòжил.
Положил
на кафедру зелёный том со стуком
(как гоп — со смыком).
Вытащил платок, как фокусник,
из заднего кармана
и, развернув, чтоб видели: он пуст,
то есть всё будет чисто, без обману,
платком закрылся,
что-то протрубил
мажорное.
Платок сложил и спрятал.
Коснулся круглой лысины рукой.
Задумался.
Провёл по ней перстами.
И, глядя как бы в суть вещей, сказал:

АЛГЕБРА ШЛИФУЕТ ГОЛОВУ!

Затем нам начал лекцию читать
о способах решения систем
линейных уравнений,
там, про детерминант и что-то вроде...
И это был лишь первый шаг пути.
А где-то там, далёко впереди,
сияла **ТЕОРЕМА О СВОБОДЕ***.

---

* Известная теорема А.Г. Куроша

* * * (1995)

Вот переулок
перерыт канавой.
Движенья нет.
То есть, автомобилей.
А я иду.
И вдруг его узнал я!
Вот здесь,
среди заброшенных развалин,
гулял я с Мишей много лет назад.
И это называлось
«*зablуждаться*».

Вот так наткнусь когда-нибудь на книжку
(на записную), да хотя б на эту,
и вспомню:
— Да! В таких когда-то книжках
любил писать я,
так сказать, «*СТИХИ*».
И это называлось
«*вдохновенье*».

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА (2002)

Недолговечная поездка
на конке времени гнилого
на тарантасе-таратайке,
на колбасе и на дуге.
И вот уж транспортное средство
трамваем Юрия Живаго
пошло на круг и встало к стенке.
У гильотины. Буквой Г.
Откуда ни возьмись — кондуктор
в сопровожденье контролёра
листаёт липкие билеты,
как лотерею, наугад.
Он улыбается, как будто
он знает истинную меру —
кому в расход, кому в болото,
кому вперёд, кому назад...
То, как садовник, взяв секатор,
сомнанбулический лунатик,
он ходит, щёлкая, по саду
и ищет спелого плода.
А контролёр, как экзекутор
или судебный исполнитель,
на невербальную беседу
препровождает в никуда.
Пускай же кто-нибудь расскажет,
в чём смысл такого поведенья.
А может, нету контролёра,
и наша жизнь — одна игра?..
Не вылезайте вон из кожи:
хоть так, хоть этак — до свиданья.
Пусть вам до следующей химеры,
а мне, наверное, пора...

* * * (2010)

*Мы были гетами и гуннами,
а стали хлебом и золой.*

В.Пучков

Мы были русскими, евреями,
украинцами и мордвой.
А станем ветками сирени и
водой прозрачной ключевой.
Увянем, как цветки и листики,
и утечём, как та вода.
Всё без надрыва и без мистики.
И, вероятно, навсегда.

ГОЛОЛЁД (1987)

Ещё на двух ногах, живой и целый,
с двумя глазами (минус полтора)
я тороплюсь всё к той же самой цели,
к которой торопился и вчера.
Мне эта цель — как яблочко мишени,
в упор раску-сы-вае-мое мной —
пока сервиз не кокнули колени
на плоскости наклонной ледяной...
Ещё по скользкой я качусь дорожке,
смакую предпоследний пируэт,
а за углом уже дежурит неотложка
и шеф огрызок выбросил в кювет.

* * * (2002)

Есть такие люди,
что ведут себя, как тигры,
или беркутом могучим
камнем падают на мышь.
А другие — как чайники:
в остывающем аллегро
по кругам плывут горячим
чтобы только не шуметь.
Я себя отождествляю
с засыхающим листочком,
но не дуба или клёна,
а осины, например.
То ли справа, то ли слева
грянет мусорщика тачка,
загребая неуклонно
всякий скрюченный предмет.
Я колеблемей осинки,
незначительнее пешки,
мне, листку (но и примату),
сотрясает тонкий ствол
этот грохот предпоследний
устрашающий и тошный,
и нелепые приметы
завершения — Всего.
Например, уполномочен
дуть беспошлинно, безданно,
ветер августа беспечно
рвёт прозрачный мой скелет.
♪ *А когда настанет вечер,*
♪ *я пойду бульваром сонным*
полюхаться костром пахучим,
подышать на веки лет.

* * * (1997)

...И в мрачных пропастях земли
А.С.Пушкин

Ваше дело молодое: верить Богу.
Исполать вам, молодые, исполать.
Помолитесь: Он укажет вам дорогу.
Может даже Благодати ниспослать.
Наше дело стариковское: работать,
ни на бога уповать, ни на судьбу
и влачить свою умеренную похоть
на материалистическом горбу.
Нас крестом не осеняет всемогущий,
купина не опалает и не жжёт.
Пусть не ждут ни эмпиреи нас, ни кущи,
но зато и преисподняя не ждёт.
В пустоту глядеть легко нам без боязни —
канем все туда — моли иль не моли.
Так ли небо это светлое прекрасно?
Так ли мрачны эти пропасти земли?

* * * (2002)

Бедняцкое детство: цемент и песок.
Экранное действо: то Смит, то Вессон.
Любимая, что же ты?.. — Прядь на висок.
Протяжная нота... Корнет-а-пистон?..
Волшебные будни у сладких колен.
Вербальные бури brutальных коллег.
Броженье. Бурленье. Схожденье на нет.
Созвездия неба. Планиды планет.
Мельканье раздолбанных вёсен и зим.
Очки. Валидол. Тазепам. Амнезин.
Видений мелькание. Вечности гимн.
Две даты на камне. И урна под ним.

* * * (2013)

Ещё вчера цвели цветочки,
и всех ждало назавтра — завтра.
А нынче оказалось вот что:
идти приходится в отставку.
И, чтобы к небу не взлетели —
мечта ли, чувство ли, звезда ли,
засунь их в логово постели,
закутай в душном одеяле.
У человечка отставного
уж ни волненья и ни гнева.
И что ни вечер, то обнова:
то кости хруст, то тики нерва...
У отставного человечка
зовётся пенсией получка,
и еле тлеет, точно свечка,
в штанах мужская закорючка.

МАЙ (2013)

Я был математиком. Даже алгебраистом.
И дворником снег с дорожек сметал в сугроб.
Курильщик «Пегаса», его подозвал я свистом,
назвался поэтом и в кузов листочки сгрёб.

И, оптимизируя неопасные связи,
активность пестовал, лелеял её накал.
Фиаско терпел, порою взлетал в экстазе.
И кое-что человеческое создáл.

Законы, указы и прочие директивы
я впаривал фирмам, налоговым и судам.
И был, или, может, казался таким счастливым,
что фору, казалось, любому задаром дам.

Я был домашним тираном как *дуче дачи*.
В углу за титаном кроссворды решал, куря.
Я был *безделушечным мастером*...

В общем, начер-
но прожил сотню смешных биографий зря.
Несыт недосыпом, у монитора кемарю,
а то, что ваяю — ни то, ни сё, ни поп-арт...
Но маяться май мне велел, как и всем, кто в мае.
И маюсь я радостно, и, бывает, рифмую впопад.

НЕМНОГО ИСТОРИИ (1984)

Поэты не скользят по высям, вкусив изысканных сластей,
а, в прозе ползая, зависят от усмотрения властей
Поэзия была игрушкой, усладой дам, занятием зал,
пока не появился Пушкин и ей пути не указал.
Но как случилось, что забава вдруг крылья обрела и пыл?
— *Властитель слабый и лукавый* на миг поводья отпустил.
Зато потом её прижали застой, реакция и мгла,
а то — какие бы скрижали она надиктовать могла!..
Но вдруг серебряною нитью зажглась поэзия опять,
являя новые наитья, уча смеяться и рыдать.
В те времена Россия в корчах рожала жаркую зарю,
и было не до стихотворцев ея последнему царю.
А как заря пришла — искусство взяла железная рука,
и, чтоб теперь вернуться в чувство, нужны не годы, а — века!
Но был и тут период слабый, и «расцветали сто цветов»,
и вновь поэзия — услада, и снова каждый петь готов...
Но вот опять: оледененье. Сперва казалось, что — чуть-чуть,
теперь — вполне. Стихосложение скукожилось. Тоска и жуть.
Лишь я один, могуч, как гений, лью рифмы в прозы решето.
И (между прочих откровений) Не-Знаю-Кто внушил мне — что:
Поэты не скользят по высям, вкусив божественных сластей,
а — унижительно зависят от обезумевших властей.

В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ (1982)

Матюгов над щами реяли демоны
с никотином пополам.

Начальник, сильно разгневаны,
повторяли: план, план!

Токарь и швея-мотористка
касались коленками. Бугор врал:
— Нам не надо безумного риска,
в понедельник общий аврал...

ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ (1988)

Ни дня без строчки — кто сказал?

Портной.

Ни дня без точки?

Ясно, что точильщик.

Ни дня без пачки?

Может быть, курильщик?

Нет, балерина.

Как! А в выходной?..

— Ни дня без вышки?

— Мастер буровой?

— Палач, дурак!.. Ни дня без почки?

— Фито-

патолог, что ли?

— Нет!

Хирург из ЦИТО.

В мадере почки жарит он порой□□□

Ни дня без качки?

— Нянька?

— Нет, матрос.

— А может, спец
по правовым наукам!..

(стук)

— Кто там стучится?

— Тоже мне — вопрос!

Стукач, конечно —

чтоб — ни дня без стука.

ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ (1973)

Я из дому выхожу. Я иду в магазин за углом. Надо жёлтого масла купить. Я спускаюсь по лестнице вниз — 21 ступенька: очко. Вижу два чугунных столба. По ним плывут отбросы внутри, целые реки дерьма. У них круглые набережные. По берегам стоят ватерклозеты, это — порты отправления. Но я наверху, я над ними, и могучий насос не утянет меня на ужасную кухню, где из вонючих отходов варят жёлтое масло. Я выхожу во двор. В окне барака напротив синяя девка сидит, чай кипятит на газу. Непроизвольно роняю слезу, ухожу налево. На моём пути магистраль. Там оседлали шофёры пахучие грузовики. Там кошки ходят друг к другу в гости. Там трупы пьяниц лежат и стоят. Они дышат ещё не готовой блевотой. Но жёлтое масло влечёт меня, и я бегу вправо, скорей. Вот — магазин! Взоры разинь прикованы к лавке приёма посуды. Лысоватый очкарик с умным лицом из ниоткуда достаёт голубую бутылку: он будет пахнуть как те. И я почти что на животе вползаю в нужную дверь. Хочешь верь, а хочешь не верь: мне привалило счастье. Я вошёл, увидел и приобрёл очень приличное жёлтое масло!

* * * (1988)

... *и почти не пахнет тленом*

Лариса Миллер

Там, где Герцен с Огарёвым
присягали на любовь
(а потом один другому
уступил свою жену),
там теперь *брачуют* пары
(ритуал у них таков)
и в житейские бросают
волны (камушком ко дну).
А на дне житейском этом
не кладбище — там уют.
Тот, отвергнутый Поэтом
(то же самое — покой).
Там, в игрушечной Вселенной
годы сладкие плывут,
и почти не пахнет тленом
(тоже сказано не мной).

КОНФОРМИСТЫ (1977)

Бригадир овощеводов из башкирского совхоза,
тунядец без приводов, исцелённый от психоза,
продащица в магазине, члены МОСХа, ССП,
воры, гении, кретины, генералы и т.п.

ПЛАТФОРМА... БОЛОТА (1985)

Мы в общем неплохо сыграли в Игру,
хотя и получше могли бы.

Тепло нам и сухо, и мечут икру
для нас наши красные рыбы.

Мы славно сражались — пора отдыхать,
пока ещё живы и в форме.

И весело нам хохотать и махать
и песни орать на платформе.

И радостно смрадный покинуть вагон,
а поезд — пускай (по спирали)
со свистом и воем уносится вон,
в свои неприятные дали!..

И вот мы в тиши, далеко от Москвы,
кругом комары да болота.

Мы машем руками вокруг головы.
Молчим. И невесело что-то.

И кажется, наш паровоз не ушёл,
и дым его с нами навеки,
и единогласно жужжание пчёл,
и люди не все — человеки.

И что не под силу куснуть комару —
пустяк для лавины и глыбы.

И что — архиплохо вели мы игру
и лучше едва ли смогли бы.

* * * (1988)

«Товарищ, я прозы не в силах сдержать! —
поэт признавался поэту, —
«Московские новости» — в руки б не брать!
Любую бумажку, но эту...
Куда ни взглянуть, ни подумать о ком,
повсюду смердящие *каки*.
Как — ныне б сплеча махануть кулаком,
отмстить бы за всё — после драки!..
Теперь же не страшно: всеобщий галдёж
и даже не рвётся где тонко!
А хоть замели бы — не вдруг пропадёшь:
как раз — со свинцом напряжёнка.
Да будь я и лириком чистой слезы,
и то — запломбировав зубы —
я волком бы выгрыз советский язык
у тех, кто грешил им сугубо».
Так жили Поэты.
Товарищ и брат!
Последний парад наступает.
«Они в наших топках — уже не горят!..» —
короткие волны рыдают.

КОСА И КУВАЛДА (2008)

Серп дорос до косы. А молот,
перекормлен свинцом и сталью,
стал кувалдой. Уже немолод,
он простил свою наковальню —
перестал применять насилие,
рукоять освятил распятем.
«Эх, напрасно мы всё косили!» —
повторял перед рукоятью.
А коса (бывший серп) сломалась:
ей к асфальту не дали доступ.
И её приспособил малость
коммунист один, переросток,
коммерсант моего призыва
(но меня не туда призвали).
Он (косой) открывает пиво
и грустит: «Мы ж не то долбали...»

О ЕДИНСТВЕ РОССИИ (1992)

Россия едина в своем существе,
и худо ль, подумайте сами,
чтоб наш же начальник, царящий в Москве,
был сразу и ханом Казани!

Чтоб, левой ногой попирающий Крым,
не сполз бы он правой с Камчатки,
и ненцу с чухонцем Отечества дым
чтоб наш был — как более сладкий.

Да этим туземцам Отчизна моя
дешевле, чем недругу люту.

А нам, значит, что же — на круги своя?
и нефть покупать за валюту?!

Чичмекию жалкую, где Каракум,
и ту — не дарить же чичмекам!

Там дыни и хлопок, там шакер-лукум,
арак, наконец, с чебуреком!

А может, нанайцам отпишем Сибирь
(что золотом, кстати, богата)?

А где Магадан? А в какой Анадырь
хромать персонажам нон грата?

Ну, с теми-то просто: на кóл на-дому,
и пусть сочиняют протесты.

Великой России не нужно кому —
тем хватит и Лобного места.

Товарищ! За Родину пасть не жалея
порвать!

Но меня беспокоит —
делёж суверенной палаты моей
на сто независимых коек.

РЕТРОСПЕКТИВА 1984-1993

I. 1984 (1984)

Ну вот он, 84-й,
печально знаменитый год.
А все течёт, как прежде — к чёрту,
а все течёт...
И ничего не изменилось...
Слегка убавилось волос.
Ну, детям, что было на вырост,
теперь в обтяжечку пришлось.
И как всегда на тонкой нитке
висит дамоклова беда.
Души печальные пожитки
когда оттаскивать?.. Куда?
Ведь Там безвременье — как всюду —
и теснота, и суета...
Ни Зевса, ни Христа, ни Будды,
ни Афродиты... Ни черта!
Кому не снился Иегова,
тому не вечность, а — постой.
Умрёшь — и всё опять по-новой:
сорок второй, сорок шестой,
пятьдесят третий и другие,
потешные, как Дед-Мороз,
свои проблемы вековые
мне станут излагать всерьёз.
Их лики снова будут стёрты,
и перепутан их черёд.
Вот снова — 84-й...
Ничем не знаменитый год.

II. А и Б (1987)

Сказавший А сказать затеял Б.
Он рот раскрыл.
Он воздухом запасся.
Сейчас он грянет.
Скептики в толпе — и те затихли.
Миг один остался.
Как просто было А произносить!
Решился,
и зажмурился,
и — гаркнул!..
— Ну, не скажи.
А вышло бы насмарку —
в какие дали мог бы угодить!
Но Б трудней:
еще раз: выдох, вдох,
губа губы вот-вот уже коснется,
и звук взрывной над миром понесется,
не слыханный в течение эпох...
    Безумное, безудержное Б!
    Бумажный бум! Бубенчик обихода!
    Бей в барабан обещанной свободы!
    Бушуй бессменно в будущей судьбе!..
Сказавший Б изменится в лице,
изобразив произнесенье звука.
Что ж будет дальше — В?
а может, Ц?..
Пока не ясно.
Вот такая штука.

III. ДРУЖБА НАРОДОВ (1990)

Мы чуть ли ни всех побеждали в войне,
усы распушая и брови,
и дружба народов в Совдепии — не
прервется, скреплённая кровью.
Но нынче в империи полный бардак
и, вздыблен от края до края,
трясется от злобы наш общий барак,
права человека качая.
И крест полумесяцу больше не брат,
и нет ни секунды на продох,
и нам навела вавилон баррикад
повальная дружба народов.
Она расцветает багровым цветком
на лицах участников встречи.
А где же милиция? Где же партком?
— Их нет. А иные далече.
Да! Дружба народов не знает чинов,
окладов, дипломов, сословий.
Она отличает своих от врагов —
по крови, по крови, ПО КРОВИ!

IV. НОЧЬ (июль 1991)

Ночь безводна, тиха, на трухлявой подстилке луна умирает, и «С» (т.е. «Смерть») задыхается в дыме. С выраженьем стиха матюгальник бубнит имена остановок. В подтексте — словесная заумь в пустыне. Воздух неосязаем, но чёрен и явственно кисл. В нём вчерне обустроен грядущего завтра мицеллий. В предпоследнем трамвае везу предпоследнюю мысль непосредственно в сторону ей предназначенной цели. Ночь тиха и легка, а живёт ожиданьем беды. И, оттенки меняя, творит привиденья со вкусом. Но совку из Совка в предвкушении новой метлы их скучны имена и не рад он, что призрачен мусор. Не обучен хотеть, я впадаю в родной негатив (как в родной коллектив) и твержу в отрицаловке мудрой сам с собой *тет-а-тет* и уже на знакомый мотив: — Ночь легка и летит. И она не чернее, чем утро.

V. АВГУСТ-91 (18-19 августа 1991)

Мясорубку заклинило — ныли «Реквием» Моцарта,
созревала яичница под роман о Мегре.

А мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.

Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились,
парвенозные новшества обживали эфир.

Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.

А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.

Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем — хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
я вникал безнаказанно и грешил втихаря.

А когда, дирижируя гениальным адажио,
мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,

я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.

А к *staccato cantabile* неприлично храпел.

18.08.1991

.....
После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как вчерашний батон.

А заря, как безумная, занималась — политикой.

И такой отвратительной, что об этом — потом.

19.08.1991

VI. 21 СЕНТЯБРЯ 1993 (21 сентября 1993)

Число, войдѣшь ли ты в историю,
иль просто попадѣшь в неё?
Тебе какие цифры вторили,
внушали как бы бытиѣ?
Не то же самое ли августа —
2 года с месяцем назад?
Или — «очко»?.. И, может, правда всё,
что карты сдуру говорят?..
Мы по дороге непроторенной
бредѣм в иные времена...
Число, войдѣшь ли ты в историю,
иль мимо пролетит она?

РОДИНА (1990)

Родина моя, Месопотамия,
Атлантида, Северный приют!
О мои Кентукки, о Москва моя,
о — тригонометрия Бермуд!..
О моя увядшая ботаника,
бледноледовитый сопромат...
Тонут мои личные титаники
от моих же ледяных громад.
Воздух ли вдохнуть ещё ворованный* ,
или сразу — кануть как балласт,
стеллеровой дойною коровою
покопытно вымерев как класс?
Эмбрионом жизнь прожить ли начерно
в бытовом чаду, с нетленкой врозь,
ближний космос, спутниками траченный,
попарсечно вымерив насквозь?
Или — воротясь с Альдебарана
блудным, inferнально молодым —
вывернуть из пыльного кармана,
вытряхнуть в отечественный дым —
к радости планетки-хулиганки —
ядерные штучки бытия?..
О Россия, пригород Таганки,
маленькая родина моя!

---

* Видимо, у О.Мандельштама...

* * * (2001)

*Теплоход «Марина Цветаева»
застрял во льдах*

Из газет

Мороз. Застывают волны,
кругля ледяные спины.
Застопорен прежде вольный
безудержный ход Марины.
Зима, так сказать, на марше.
Рожок уже гимн пропел нам.
А кто горячей и ярче —
того и вморозят первым.

AFGHAN

1. ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ (1987)

*Спрашивает мальчик — почему,
а папаша режет ветчину*

А. Галич

А у девочек банты и шапочки,
а у девочек мамы и папочки.
А у мальчиков — отчимы-мачехи.
Для чего только сделаны мальчики!
Для чего с ними цацкались сызмала,
Изнуряли касторкой и клизмами,
поучали: «Не надо печалиться»,
«Будь здоров и спасибо-пожалуйста».
Приносили по праздникам пряники.
Притворялись, что нравится в пряталки.
По утрам приседали, как шизики.
Репетиторов брали по физике.
То гоняли на сборы-собрания,
а теперь — как тельца: на закланье.
Не на горку библейскую с кущами,
а в ущелья, что за Гиндукушами.
Там давно уж освоили местные
топоры и приклады железные
и другие железные методы
против тех, кто суётся с советами.
Но под сенью матчасти ракетчики
свои брекфасты сдобрили кетчупом,
загрузили нефтяники Каспия
до отказа цистерны бокастые,
и уже наши славные соколы
по бетонке по взлётной процокали.
Ничего, что дождливо да пасмурно,
помашите рукой вашим пасынкам.
Им спуют подсадные товарищи
и про пыль от сапог от шагающих,
и что Запад есть Запад, и мало им,
и что флаг пронесём незамаранным...

Пой, романтика, тропами Каина,
герметично в бессмертие впаяна.
Вот для этой — свинцовой — романтики
вы и сделаны, стало быть, мальчики.
1987

2. ПРОЩАНИЕ (1988)

Мы в бой рвались. Мы застилали койки.
Мы всем являли мужества пример.
Теперь в рядах у нас случилась перестройка:
Кругом! И — шагом марш — в СССР!

Мы с вами славно воевали. Длинным
был срок, но вот прощания момент.
Спасибо вам, друзья! Вы очень помогли нам —
реально ограничить контингент.

Примите от противников неробких
последней благодарности заряд.
И упакованные в цинковых коробках
вас также от души благодарят.

А кто оставил лишние детали
у вас в горах, где нам растёт изюм,
с каким достоинством домой прокостыляли,
остатки в штатский завернув костюм!..

Броня крепка и танки наши быстры,
и непреодолима мощь атак.

Но нам пора домой: таков приказ министра.
Вы извините, если что не так.

3. АФГАНЦЫ ИДУТ К НАМ (1989)

Гремите, тамтамы — окончена бойня!
Живьём отпускают домой уцелевших.
Навстречу героям в истоме любовной
Раздвиньте, невесты, объятия-клещи!
Жених выдаётся в разлив и на вынос —
отдельные органы твёрже железа!
А где была правда, там прапорщик вырос:
— Оправиться! Дембель! И — прочь от Термеза!
Мы слабо кейфуем в уюте таганском,
мычим травоядно, копаясь в укрепе...
Но неумолимо идут к нам «афганцы»,
познавшие вкус человеческой крови.

4. РЕЧЬ (1990)

Ну что же, товарищи, скажем навеки прости
тринадцати тысячам этим трёмстам десяти,
оставленным нами на этой локальной войне,
погибшим бесславно, хотя и геройски вполне.
Вопрос о войне мы со всех обсудили сторон.
Ошибочка, граждане, вышла. Увы и пардон.
Во всём виноваты преступные действия тех,
кто сраму не имут: скончались они как на грех.
А мы, извиняюсь, товарищи, тут не при чём.
Мы — мерой и правдой, а также кнутом и мечом.
Согласно присяги, мы их выполняли приказ.
Но мы не ослабим и впредь. Положитесь на нас.

ЗИККУРАТ (1996)

(картина В.Верещагина «Апофеоз войны»)

Я был воспринят как лицо кавказского разлива.
Но если с гор я, то — с Карпат, Балкан и Пиреней.
А глубже ежели копнуть, то в тех краях, где пиво
запатентовано — нет гор. Там реки есть скорей.

На реках плач, в горах и во всей прочей
преисподне,
где спутались добро и зло, а также верх и низ.
И трупов женщин и детей уж не клюет сегодня
ни грач, ни лебедь, ни орел, двуглавый гуманист.

Бесстрашно радио поет реляции и сводки,
сожженных заживо сочтя, и в самый аккурат —
вернуть исконный праязык строителям высотки:
пусть из костей и черепов достроят зиккурат.

ВТОРОЕ МАРТА (02.03.2008)

между силой и харизмой происходит чудесо
кто-то серый так неистов что готов почти на всё
мальчик мальчик был ты или ты не мальчик бывший муж
скачешь дальше тили-тили гоголь-моголь мёртвый душ
там элита знаменита всяк поэт до полвосьмого
замени да замени да но об *этом* ни полслова
с девяти и до шести извини или прости
или просто перечти незнакомое почти

* * * (2002)

В киоске в детской Семашке
лекарство одно продают.
Название на бумажке...
Да вот, в уголке, вот тут!
Лекарство мне доктор выдал,
верней, написал рецепт.
Оно неказисто с виду,
но даёт прекрасный эффект.
Ну дайте флакон скорее!
Вот деньги. Почём оно там?..
Так дорого!!! Просто звери!
Я жалобу на вас подам.

* * * (1998)

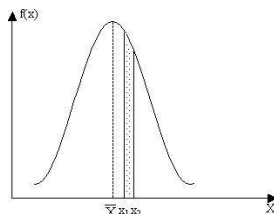
По синей линии метро я еду до Арбата.
Метёт поганюю метлой кончающийся век.
Я ездил в эти же места другим путём когда-то...
Да и вся жизнь была не та — ещё до *смены вех*.
До смены вех крутил трамвай колёса за копейки.
Зрел коммунизма каравай — сам пах и сам светил.
Всё было рядом, впереди, на следующей ступеньке.
Знай только, рулевой, веди по атласу светил.
Арбат, чего же ты горбат? Ну выпрямись обратно!..
Ноябрь, наяривай, как март, любовный вой котов...
Я буду дуться в буриме на деньги и бесплатно,
рябое солнце в сером дне высматривать готов.
Увы, по строчкам семянят на цыпочках огрехи.
И всё не так, и всё не то, и смех, и, как бы грех...
А вехи надобно менять, они ветшают, вехи.
И упаси нас, Хоть-Бы-Кто, от этих ветхих вех.

ГОРКА СЛОВ (2000)

*Младенец кашку составляет
из маннх зёрен голубых*

Н.А. Заболоцкий

Сидело чадо на заборе,
играло в буквы и слова.
Пред ним бурлило слово «МОРЕ»
и слово высилось «МОСКВА».
От слова «КАПЛЯ» к слову «КАМЕНЬ»
точило проводило путь
и огневыми языками,
дразнила слова «ПЛАМЯ» суть.
Дитя невзрослыми перстами
брало то буквуку, то две.
И вот их пять — народом стали
со словом «РЮРИК» во главе...
И слово «МАМА» трепетало,
перетекало через край,
как будто букв в нём было мало
для агрессивного «МАМАЙ».
Но буквы, кувыряясь вольно
в руках (до некоторых пор),
являли вслед за словом войны —
«ТОПОР» , и «РОПОТ» , и — «ОТПОР»!
И слово «ВРЕМЯ», то и дело
улав и смысл меняя свой,
при слове «ГРОЗНЫЙ» — то гремело
Опричниной, а то — Чечней...
Слова «РУИНЫ» и «СТОЛИЦА»
слились, и бой явил к утру —
без слова «УШИ» слово «ЛИЦА»
и слово «УЖАС» в слове «ТРУП».
Сначала сжалось слово «ЖАЛОСТЬ»,
потом расширилось, и в нём,
казалось, что-то отражалось,
сознание что ли с бытиём...
Дитя же попросту игралось,
бросая литеры в песок,
и только старый мудрый Гаусс
исчислить горки профиль мог.

Гауссово распределение

* * * (1997)

Жизнь стрекочет, как компьютер, в ней лишь нет его ума.
Почему влечёт нас Ньютон силой, равной m на a ?
Почему — собой доволен, но не в силах сделать шаг —
пританцовывает воин саундбластером пища?..
То потычет он рукою, угрожая пустоте,
то как сделает ногою па из па-де-карате.
Гром ли грянет, рак ли свистнет, или кто-нибудь иной —
все его четыре жизни в мышке спрятаны одной,
И пока хвостом не дрыгнет безответственный грызун,
чуть притопывая, дрыхнет воин, виртуально юн.
И, подверженный заразам, *мир* не скачет наобум.
Он за злой мышиный разум свой заводит утлый ум.
Неподвижной полон пыли воздух: падать ли — вопрос!
Мухи тоже в нём застыли: выбрать мёд, или навоз?
Транспорт осадил развилки, позабыв былую прыть,
Перекрёстки — как бутылки: закупорены — не вскрыть...
Города застыли, веши, деревенские места...
Чей портрет в углу повесить — президента ли?.. Христа?..
И, сама себе мессия (может, всё и дело в том!),
вяло топчется Россия, как компьютерный фантом.

ВПЕРЁД — К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ! (2013)

*Медиевисты, свыше дан совет.
Медиевисты, пути иного нет.
В огне и цокоте копыт
летит Грядущее, коптит,
но там, за дымом, золотой сияет век.*

Эпиграф

Время расквашено сковородой,
Все — словно первые — комом блины.
Тысячелетник такой молодой!..
Кто — фехтовальщик за честь старины?
Та старина на пороге уже.
Цокнет копытом — аж воздух искрист.
Новой эпохи я атташе,
витеиватый медиевист!
В этой эпохе воздух — здоров.
Точечным стройкам — твёрдое НЕТ!
Пей молоко натуральных коров.
Дичи — навалом. Грибов — охренеть!
Глянесь окрест ли — нимбы одни.
Раб не бунтует: хрен вам — цехком!
С педофилией — повремени.
Геи — изгой, в задницу кол.
Стрёмен визит к инквизитору? — Чем?!
Он, правда, въедлив, но — справедлив.
Еретика — под надзор палачей,
стул электричеством не зарядив.
Как в турпоходе, яркостёр.
Пламя играет, радуя глаз.
Экологичны — кнут и топор.
И очищение вовсе не казнь.
Думаешь: «Мира дремучий обман,
свергнутый разумом, рухнет легко.
Раз — и опомнится мир-наркоман.
Два — и ха-ха!..»
— А хуху не хохо?
Не насовсем, но годков на 700 —
мы попридержим ваш мерзкий про-гре-с-с.
Ну, а потом нажимайте: джек-пот.
Пресса, дискаунтер, девки топлесс.
Ныне же — сгинь, оранжевых сон,

красных реванш, коричневых дурь.
Чёрен и сер новый огонь.
Ну-ка рискни, задуй!

НОЯБРЬ (2013)

тетраптих

— Ты думаешь?
(всыпает яд)
А.С.Пушкин

I

Я думаю и не попад
мычу, что значит, существую
Ты думаешь — высыпает яд
напропалую и впустую.
В пустую тару ноября
не брякнет чудное мгновенье,
июня знойным мановеньем
и майским райским светом зря.

II

Из ряда вон изрядным воем
куранты щурятся с высот.
Охотнорядчески настроен,
думак — никак он патриот —
закон скрепляет о мигрантах
всевластной подписью своей
и млеет в ожиданье грантов
и толстых бонусов.

III

Коней
изящный Аполлон стегает.
Квадрига, одолев фронтон,
как будто пляшет хали-гали
или 7-40.

Как фантом,
кудлатый тает идеолог,
былых времён экономист,
не старший даже...

IV

Вянет лист.
Уже увял.
Ноябрь голый
зло изрыгает мокрый снег,
и зябнет с непривычки негр,

вернее, афро-африканец.
И *canis* какает *vulgaris*.

НАД СХВАТКОЙ (2013)

Публика в сословиях, классах, кастах,
злобная, зудит словно осы в сотах.
Патриот преследует *либерастов*.
Либерал третирует *поц-реотов*.
Через строй блядей по бухой панели
менеджер проносится на тойоте.
Олигарх летит в ё-мобиле, еле
поместясь, но выигравший в джек-поте.
Оппоненты власти бредут на митинг.
Льнут апологеты её к ОМОНу.
Блоггеры наябедничают в твиттер —
глядь! — и оппозицию везут на зону.
Тухлые отбросы и кал собачий
дружно подметает чета мигрантов.
Мир устроен так и никак иначе —
всё кругом терпимо и толерантно.
Только я один извернулся ловко:
взял блокнот, на стульчик уселся шаткий
и в слоновой башне в своей Дубровке
хмыкаю цинично над вашей схваткой.

ДЕКАБРЬ (2013)

Осень сгинула; скинула с листьями
и меня в снега декабря.
Сам с собой беседую лично я,
как звезда с звездой говоря.
Ни патетики, ни сарказма,
ни слезы — сколько факт ни жарь.
Я же чайник, как было сказано.
Закипел — заварки не жаль.
Разговор разговор сменяет, но —
самовар самовару рознь.
То-то суетно, то-то маетно,
то-то боязно — не всерьёз.
А кругом дела — настоящие:
Украина бурлит, РФ!..
Мне же — гласные да шипящие
всё мерещатся нараспев.
Хорошо на язык их пробовать
и, приняв коньячка стопарь,
отдыхать душой и утробой
и вдыхать ароматный пар.

КОНЕЦ СПИРАЛИ (2003)

Кем быть полезней — истцом? партийцем?
смягчать нокауты полотенцем?..
Ведь всё исчезнет и испарится,
всё так и канет — невозвращенцем.
Будь Геродотом ли, Геростратом;
щедр или алчен; весом ли, весел;
твои голгофы, твои фальстарты —
твой личный ларчик — по интересам.
Ты снова мальчик — курчав ли, лыс ли —
шагни за чиру, воскликни: «Штандер!..»
Как мир заманчив! Как ярки мысли!
Владей же миром: ты — АЛЕКСАНДР!
Всё так и шло: логарифмы, рифмы;
любовь без фальши (и с фальшью — реже)...
Приятно долог маршрут к харизме...
Ах, так и дальше б... Но нет же, нет же!..
Обижен плотски, рычал, как зверь бы,
грыз, полуголый, бы прутья клетки,
недель полоски слагая в зебры,
их — в полугодья, те — в пятилетки...
Но холить тельце, клянусь, не важно —
не будь я хакером суперкода —
и полотенца: помогут, как же,
от многоякого апперкота.
А всё ж противно — ерошить баки,
к старушке лютой спеша на форум,
тогда как тигры в полоску хаки
в камыш скользнут и сольются с фоном...
Уесть беззубым ли жизни сласти!..
Дожёван пончик. Нам всё наврали.
Где славы бубны? Где пики власти?..
Завод окончен. Конец спирали.

ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ (2014)

Божеству не нужно языка,
от людей в отличие и зверья.
Математика и музыка —
его проза и поэзия.
Воздух режущего яблока
свист услышит и поймёт оно:
от галактики до бублика
крутят мир законы Ньютона.
Глянув на закат стремительный,
колдовством, типично божовым,
семицветно в небо вытянет
аркансьельку* — регенбогеном*.
Полиглотничает, умное,
не высотками — утёсами.
И приборями — не гимнами —
голосит, простоволосое.
Одному парить невесело.
Долго думало, и вот оно
человечка завело себе
как домашнего животного.
Но они двуполоногие
не его внимают мнению...
Одиночество убогое
не подстать уединению.
И тоскует ту тоску — его
ум — божествен, но и немощен.
Отделил от света тьму, и вот —
оказалось, было незачем.

---

* *arc-en-ciel* — *радуга* (фр.); *der Regenbogen* — *радуга* (нем.)

* * * (2012)

Ручек пенала лица

я представляю кратко.

Все они, в общем, круты.

Чёрная ручка — жрица.

Синяя — бюрократка.

Красная — экзекутор.

ЗВУКОВОЕ

* * (1962)

Купола залатала игла как могла

Углеглазая мгла за углами легла.

Повезло, и зело узколобое зло

узловатым козлом за излом уползло!

* * (1962)

Полили ли лилии, пилили ли липы,

пуляли ль по линии палеолита,

по пеплу ли плакали, плова ль алкали —

поплыли на плюс, а на полюс попали...

* * (2002)

«Молебен мобилен. Ломи, молибден!» —

под блюда не мы ли долбили...

А кто не добыл, или, там, не добдел,

те, блин, обалдели, дебилы!

* * (1988)

Для встречи с вурдалаком

намазал морду лаком,

а то бы больно лаком

я был бы вурдалакам.

* * (1962)

Папа пепел сыпал на́ пол.

На́ пол пепел сыпал папа.

Мама мылом мыла пол —

Навалило пепла, мол...

* * (~1972)

Не будь добра до брака,

но в браке, будь добра,

добудь под брагу рака

да против мрака бра.

* * (2006)

Шёл парфюмер в Парфенон:
был ювелир юбиляр.
Нёс сувенир суверен...
Стой, фарисей! Семафор!
* * (2006)

Цаца Тата *чатится*.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!
* * (2010)

(написано в жару)
От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай — в топку скал,
кто с куста ток пускал!
* * (1961)

Синяя мгла заволокла глаза,
залу заполнила синью,
угловатым зигзагом в мозг вползла
и легла неподвижной пылью,
вылив холод безмолвия около...
Обвила подножия бледных колонн,
и злобно глядел осколок колокола
на фиолетовый звон...
Безлуние выткало небу шаль,
золотым песком усеяло уголь,
и небо уставилось, не дыша,
в свой фиолетовый купол,
любясь синим блеском воды,
и млечный холодный пояс
выплеснуло в синие льды.
* * (1963)

В образы, как в образа я
вбрасываю взоры зорь.
Я зверею, как борзая,
разверзая кругозор.
И — за разом раз — зараза! —
ум за разум разведёт
и тетрадь изрежет фразой,
безобразной, как урод.

* * (~1963)

Воскресным вечером, сверкая
в преддверье искристой черты,
вы пронёсете радость рая
в края росистой красоты.
А в понедельник полнолунием
в часы любви вблизи моста
автобус злобный и бесшумный
давил влюблённого кота.

У! (1980)

*Я прочитал у Шкловского со ссылкой не помню, на кого,
что звук «У» — грустный, печальный, у-у-унылый...*

С грустным «У» — куксюсь, слушай!

Ну — усну!.. Ужас — в уши...

Утро. Шум. Звуки — с́ухи.

Сукин кум тухнет в пухе.

Культ причуд: скушав булку,

уд шурупь в вульвы втулку.

Улиц пульс. Улья т́улья.

Супа вкус. Скуки стулья...

Дуб наук — тупоумен.

Глух паук. Гулок бубен.

Дух, и вдруг — буквы дудка...

Куча *штук* у рассудка.

Груда туч: «Будет буря!..»

Бунт могуч — мудрых д́урит!..

Вру, летун ступы — чутко:

будто — лгун, будто — шутка!

ПОХМЕЛЬНОЕ (2010)

— Б.П.

улюлю...

с улиц

га

вью-

Пусть

рюриксон де радзивилл пах холестеринами
тостом остр и скор строкой мы не так ли ква-
каем лилипута раздавил куинбус флестри-
новый пересоленный топор перевесил
в вакуум в кои веки разлепив зазудел
предплечием водки хряпнул под
сурок подсуропил в тютельку
телепал от вин и пив сгла-
зил гуттаперчево пле-
тью обух поперёк по
перхнулся путин-
кой экивоки ян-
варя пьяное
исподнее
снулых
ул-
иц
ул-
яля
улетело
утлое куки-наки
имярек синюю рапсо-
дию псом скулил в кули-
су дня для утробы утренник

САРЫНЬ НА КИЧКУ (2013)

Лето прошло почти что.
День поседел и сдох.
Сáрынь запал на кичку,
кичка-то — самый сок.
Рвался, орал, метался,
мялся в обиняках...
Ну-ка, плесни Метаксы —
лучше нет коньяка.
Выгляни, вон, в окошко.
Видишь, ползут клопы.
Это тебе не то что
бег позади толпы.
Это уже не пряник,
правда, пока не кнут.
Это тебя, ботаник,
мордой в какашку ткнут.
Снег, а июль не тает.
Жухнет, истлев, трава.
Сáрынь ещё летает.
Кичка уже мертва.
В общем, дала система
необъяснимый сбой.
Овамо или семо?
Хрен или... что с тобой?

SILENTIUM (2008)

ЛОР нашёл на стене невзрачной
на рабочем столе амёбу.
Уползи в земляную ямку,
и на ней прорастёт тростник.
Никому ничего не скажешь —
кто обидится, кто заплачет,
кто начнёт хохотать до колик,
кто оргвыводы подберёт.
Ах, стишки, троянские пони!
Потайной пассажир откроет,
пошпионив, тугие двери,
и ОМОН в них ворвётся, смел.
У осла траяновы уши.
Шёпот в дудочке будет явным,
как в испорченном телефоне
с перепутанным падежом.

* * * (2011)

Сборник песен Б.Г. на лотке уязвлённых книг
стоит столько же, сколько пара тапочков
на резиновом ходу на рынке Киевского вокзала.
Я взял и то, и другое.

Тапочки — чтобы ходить по просторному коридору,
метить линолеум, разорванный по краям.
Чтобы заходить в ванную комнату,
в кухню и даже, пардон, в туалет,
не опасаясь испачкать в чём-нибудь
босые незагорелые ноги.

А сборник песен Б.Г. — для того,
чтоб понять их устройство
и технологию производства (на примере Б.Г.)
современной поэтической мысли.

Может быть, я тоже сумею
делать что-нибудь вроде.
Только — лучше. Хотя и позже.

И тогда я надену тапочки
и пойду на центральную,
например, Триумфальную, площадь
читать у памятника Маяковскому
свои Б.Г.-образные вирши.

И юные красавицы
обнажатся грациозным сонмом
и отдадутся мне одна за другой,
соблюдая живую очередь.

И если это случится 31 числа,
когда, по выражению Поэта,
пришла красная лета
(извините за нечаянную рифму),
то не исключено,
что моими стихами,
а также моими девушками
заинтересуются
компетентные органы самых внутренних дел
в лице своих доблестных
только что переаттестованных (в отличие от меня)
статных полицаев-мачо.

И всем станет хорошо!

НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ (2011)

(хулиганские стихи)

Марш недопережёванных племянниц
за соблюдение 4-го закона Ньютона
напоминает саморазрушающийся танец,
завертевшийся во времена какого-то Она.
Перебегало улицу небо
в сафьяновых красных сапожках.
Всем мерещилась государственная измена
и враг, врывающийся в чашу на едких кошках.
Визг, чертыхания, бритый мяв,
горьких колёс скрип.
Чернявый котище, меня умяв,
облизывался. Я — погиб.
А кругом продолжалась весна небесна.
Квакали полуботинки в квёлом снегу.
Мыслям свободно было.
Словам соответственно тесно.
На детском месте ликовало моё старческое АГУ.

* * * (2001)

Много ль надо автору? — Только бы строка была.
Только бы ещё одна — чтобы стало две...
В пене рифм рождается красавица фабула.
А рифмы появляются сами по себе.
Такова теория. Обратимся к практике.
Сцепим слово за слово — чтоб не разорвать.
Может, что получится — пусть пока не áхти как.
Ну, а если нет, тогда — я не виноват!

* * * (2002)

Немудрёная молодёжь
цепенеет в объятьях самок.
Ах, от пола до потолка —
на песке мой воздушный замок...
Веселиться и радоваться
хорошо в весёлой компании.
А грустить и печалиться
слаще всего в одиночестве.
Тем более, если нет
никакой весомой причины,
ведь возраст — столько-то лет —
это же — тьфу! — для мужчины

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ (2003)

Есть любители острого риска:
всё готовы поставить *ва-банк*.
И по жизни несутся со свистом,
как по полю по минному танк.
Им — везёт (про других — неизвестно).
Достижения их — высоки.
Им, талантливым, первое место...
Ну, а мне это всё — не с руки.
Не талант и, конечно, не гений —
этим голову мне не морочь! —
я — любитель тупых ощущений:
тёплых, мягких, упругих и проч.
Что теории мне, постулаты!
Что мне цель, оправдание средств!
Я не больно ценю результаты.
Для меня основное — процесс.

* * * (2003)

Все цацки — к чёрту. Сослагатель од,
ваятель свиста, бугорок в степи...
Войти в четвёрку. Через Главный вход.
И развалиться в креслах V.I.P.
Махнуть небрежно, как наследный князь,
и ждать, умерив нетерпенья зуд,
пока прилежный графоман, склоняясь,
несёт фужер... Нет, *нэктару* сосуд!..
Мечты — пусты. Ползут за типом тип
(кто — не скажу) — залезть на пьедестал:
марать листы и шашни закрутить
с моею музой. Лапают кристалл
магический... Но в лазерную щель
взгляд из-под век метну, смакуя тень,
хоть не в чести и вне дворцов-пещер
(такой *проект Платона* — набекрень).
А там, где жизнь пройдёт колесом
а может, гусеницей проползёт —
брутален, *шиз*, вальяжен и весом,
широк в шагу — восстанет из зигот
и из гамет — Герой мой, прост, как знак,
и — шась в кабак, стихом не увлечён...
Он не Гамлёт. Он будет твёрдо знать,
что — быть, и — как. И, главное — почём.

ПОПУГАЙНОЕ (2003)

Выдан соловей мне под талант —
петь эквивалент эпиталам.
Маленький зелёный антипод,
он летуч, умён и антиподл.
Пусть он *зернофаг*, но — даровит:
весь сервант обкакать норовит.
Уж меня в заложники взяло
слово его, сложное зело.
Перед ним мальчишка я: учусь —
строчкою, очищенной от чувств,
жизнь без берегов и переправ
отзеркалить, ловко переврав.
Ах, как нам чудесно с ним вдвоём!
И поём мы вместе, и клюём,
и почти вприсядку (без *котурн*)
дарим миру ряд карикатур.

* * * (2005)

Не то чтобы я раньше всё умел
но я — хотел. Но я имел идею.
Теперь мне быт с болезнями взамен.
Сегодня — ничего я не умею.
Раскатана не дура, но — губа
(а лучше б дура хоть наполовину!)
Игра — плоха.
А мина — хоть куда.
Пехота хрен проскочит эту мину.

ОСЕНЬ (2007)

*И осень, дотоле вопившая выпью,
прочистила горло...*

Б.Пастернак

Лето к подмёткам не липнет.

Муха не рвётся в полёт.

Осень, вопившая: «Выпью!»,
выпьет и снова нальёт.

Лужи зальёт, под завязку,
всклянь, как бухой баргузин...

Ну, шевели свою сказку,
как демо-версию зим.

Бабу порадует летом,
кратким и кротким, и вот —
листья в манере балетной
спляшут, к примеру, гавот.

Грянет натянутым нервом
мокрый минор проводов,
и, эпатируя, первым
снегом повалит Покров.

Фирма ли веники свяжет,
свистнет ли рак на горе —
будет беситься в экстазе

снежная муть в ноябре.

И, наконец, успокоясь
и ничего не боясь,
ляжет в сугробы по пояс
и позабудет про нас.

* * * (2008)

Начинается с любого
незатейливого слова.
А потом, вступая в сговор
с несговорчивым собой,
я придумаю такого,
что, навек заинтригован,
анекдотный мальчик Вова
мне сюжет предложит свой
(с неизменной новизной) :-)
Будет мной сюжет подхвачен
и в пути, допустим, с дачи
я отвешу Вове сдачи
полновесною строкой.
Как же может быть иначе!
Я ж поэтом обозначен,
и гормон не весь растрочен –
рифме рано на покой
(я теперь всегда такой...)
Начинается с подвала,
даже – нет! – с полуподвала,
или – нет! – пожалуй, с бала,
там, где я увидел Вас.
Встретил Вас и всё такое –
не подумайте плохое! –
это Оле- мне -Лукойе
кой-какое мнится, снясь.
(Что за дичь!.. Какая связь?!..)

* * * (2011)

На весёлой станции «Пролетарская»
пролетарского, в сущности, же метро
на скейтборде вьюнош один катался,
и седой машинист порицал его, строг.
Я же наблюдал мимоходом со стороны,
как морщились складками голубые его штаны.

* * * (2012)

Смешные слова прозвучат ли в ушах,
молчанье ли гулкое лопнет,
объявит ли разум эмоции шах,
метнётся сомненье в полёт ли,
тайное имя ли звёздно блеснёт
уверенной гранью зелёной —
никто ничего не поймёт наперёд.
Незнание — удел миллионов.

* * * (2012)

*Пётр шёл на петинг,
а Дмитрий - на митинг...*
Андрей Воркунов
Шёл Виталий в Капитолий,
а Валерий в баптистерий.
А Натан и Анато5болий
то ли встали, то ли сели.
Пионеры пели горном.
Или горлом. Гнал матёрый
ангел чопорный и горний
из уборной аматёра.
Не терпел Георгий оргий:
был он оргий не сторонник.
И – героем стал Георгий,
драконьером древних хроник.
Все ребята как ребята,
и судьба не виновата.
Так ведь может и с тобою
получиться с перепую!

МОИ НАИПЕРВЕЙШИЕ ТОВАРИЩИ (2013)

Ни о чём. Да, собственно, и не о чем.
Лично мне (читателю) — известно.
А к чему поклонницам и неучам?
Им же про меня не интересно.
Им же, как и мне, давай изящество,
ловких рифм каскад и извержение...
Вот я и стираю чисто-начисто
всё про кровь-любовь и похождения.
Если только прозвучит в них звонкое
волей непредвиденного случая —
вот тогда лихой скороговоркою
даже сокровенное озвучу я.
Всё скажу — и стыдное-позорное,
и — чужие тайны выдам личные.
Звукопись, труба моя подзорная!
Ты же — как материя: первичная.
Сквозь тебя я слышу мир изломанный,
звуком от зеркала отлетающий.
И слова, бесовские клоуны, —
мне наипервейшие товарищи.

СКРЫТНОСТЬ (2013)

Как славно, когда всё сокрыто!
Концы полощутся в лохани.
Ни крыл ненужных трепыханий,
ни слёз, ни нарушений ритма
сердечных мышц, и над мехами
не вьётся разногабаритно
и постоянно воздыхаем
сомнений сонм, готовый крикнуть
по-комариному. Наганом
пальнуть готовый... Но, органом
примерной правды заглушён,
молчит по принуждению он,
тщась рассмотреть многоочито
то, что так тщательно сокрыто.

* * * (2013)

Называйте меня графоманом.
Я и есть графоман, ну и что!
Непричастен к шелкам, и туманам,
не надену сегодня пальто.
В бурю парус отнюдь не направлю.
Драгметаллы не сыплю с манжет.
Спутать левую варежку с правой? —
Вот уж тут — моё твёрдое нет!
Графоману, мне, слово — добыча.
Я ловлю их, покудова жив.
Ну и что, что стишками талдычу!
Уж и в рифму словца не скажи!..

СТАНСЫ (2013)

Летающий вниз по жизни-стерве,
обожествляющий постель я —
не жрец, но и не подмастерье,
а — засекреченный такой
лихой агент инопланетный,
богач, хоть за душою нет ни
копья, и призрак пистолетный
не рвётся в бой.

Нет упоения в бою, и
о том пускать не стоит нюни.
В июле, так же, как в июне,
я буду птичкой в клетке петь.
Я буду чистить зубы ваксой,
смотреть на плейере блокбастер
и сокрушаться, что не мастер —
хотя б на треть.

Но, пятилетку чувств досрочно
закрыв, промчусь в тазу непрочном,
как тот мудрец в грозу точь-в-точь, но —
чтоб заодно закрыть вопрос
и сдуру не орать гортанью
и не открыть народу тайну
о том, что всё кругом случайно
и на авось.

* * * (2013)

...и будете ловцы человеков...

И.Х.

Не желаю быть ловцом человеков.

Пусть гуляют человеки свободно.

Есть любители различных заветов,
вот они людишек ловят охотно.

Я и с удочкою круглые сутки

не намерен опрокидывать чарки.

Не куплю на рынке морепродукты —

так заеду по пути в супермаркет.

Даже моющие средства Пилата

ни к чему, хоть он и мил мне, не скрою.

Не мараю рук огнём и булатом.

И тем паче их не пачкаю кровью.

* * * (2013)

Из окружающего воздуха
берётся маленький предмет.
Вся внутренность его съедается,
а шкурка мягкая тонка.
Она становится основой,
такой бесплотную субстанцией —
пресуществленья грубой мякоти
в плоть бестелесного стишка.

СЛУЧАЙНОЕ СЛОВО (2013)

Вышло само, или выдумал чёрт
будни порядка злого:
какой-то нечаянный дурачок
ляпнет заветное слово,
буквы которого подойдут
к скважине мироздания,
звуки которого повернут
ключик чудный и тайный...
На изначальном времён краю
тоже звенело Слово.
Время придёт, и — аля-улю! —
мир отменён и сломан.
Тут и закончится гоп да смык,
злой закалённый сталью.
Звонкий, понятный, прощай, язык,
солнечная Касталья.
Сумрачны заросли. Бересклет
ведьминым зыркнет оком:
тот дурачок мановеньем влёт
сущее скинет скопом —
в пропасть...
Годов беспределен счёт.
Тихо. Ни зги, ни зова.
Время — к Концу, ну и вдунет чёрт
в ухо придурку Слово...

НОВЫЕ БУКВЫ (2013)

*Собаки меня не облают,
не вздрогнет народ, трепеща,
когда взгромоздится умляют
на тощие щупальцы «Щ».*
Звуковых не надо ников.
Никаких не надо звуков.
Только — ум, которым вникнув,
дозываться, поаукав.
Эти звуки буквяные!
Эти буки звуковые!
Как пернатые небесны,
буду в поте гнёзда вить.
Новых буков неизвестных
втисну в тесный алфавит.
В этот новый алфавит,
удивительный на вид.
Псигрек, фижица, икс краткий.
Рцы-седий, ё-сирконфлекс
Купсилон в рябой тетрадке,
ща-умляют — в строчку влез...
Странны и неодинаки
эти вычурные знаки!
Нацепивши тильды-банты,
в бой идут интерробанги²⁸.
Омикрон-аксантегю...
Всё. Я больше не могу.
Но не выходит из ума
ни малый вьюс, ни зю-трема.

---

²⁸ *Интерробанг* — «вопроцательный» знак: □

* * * (2013)

Всё вычислить: девушку, пламень, весло...

Душа моя — камень, а камень — число.

Цветок, паровоз, удалённый дисплей —

всё есть исчислимо, считай веселей!

Любовь — 18. Комод — 33.

Расклад политический — 0, посмотри!

В вольере беснуется гиппопотам,

но не бегемот он, а $p/2$.

А p — понедельника вечер.

Конец, и ответствовать нечем.

Гармония, алгебра, опыт, вулкан —

числу подчинились, как овцы волкам.

Поскольку Вселенной — теория чисел

даёт однозначный единственный *смысел*.

* * * (2014)

Робот это совершенство.

Мыслит строго — до нуля.

Не печалится о женском.

Не блефует славы для.

Не торопится за пивом.

Не балдеет от цитат...

Стать бы роботом счастливым

и — считать, считать, считать!

СОН ПОЖАРНОГО (2014)

Пожарный-надомник, слезливое чудище,
Слезь с углей угóльных, чадящих и чўдящихся.
Стропила не пыльны: сухие и светятся.
Клубáми заплыли созвездия месяцев.
Несносны до воя все сонники, вспомни-ка.
Спит бренд-рядовой на бухом подоконнике.
И сны ни о ком, воспалённые пламенем —
как каменный комик, гогочут и плавают.
Привет, вурдалаки! Бонжур, привидения!
Безост, словно знак, абажур, но — надень его —
на каску с околышем, в лоск померанцевым!
Ведь жизнь — та же школа.
Мы школьники: с ранцами.
А тот, что железней, долдонящий маршево,
себе возьми — с жезлом мажора и маршала!

* * * (2014)

— Нет времени, охоты,
бумаги и таланта...

— Да ты не парься, что ты!

Ну, нету, ну и ладно.

Не всё же гениально
и творчески творить!

А посидеть в хинкальной?

А водочки попить?..

* * * (2014)

То пучит, то пуляет стыдно в ухе,
то диктор лепит что-то невпопад,
то лепет улицы в троллейбусном регистре
тональность сменит, то наоборот —
всё происходит вне моих усилий,
само собой.

Но в арктике слогов,
где льдины слов лелеют пламя смысла
и фабрикует брызги междометий,
чтоб восклицать и недоумевать,
где я беру пустынный эскалатор,
что в час «без козыря» всегда бывает тих,
и выдвигаю веское заклятье
на скорость и безлюдность, я — кейфую.
Но стоит сдобрить цвель адреналином,
и зелень жизни выползет из щели
между пластинками рифлёными ступенек
и заиграет, нежное дитя...

ПАПА ЮЖИК (2014)

От волостей южных
Чумной топча шлях
Шёл папа мой Южик
Легко ли — шаг в шаг!
А мама? Летала ль
Шагала ль (гул сон)
В зелёном ли алом?
В огне ли — лун? солнц?
По Крыму враг кружит
Жар Солнца — напалм
И папа мой Южик
На землю упал
Под огненным залпом —
На взлёте слом крыл
И папа внезапно
Упал лицом в Крым
Эпохи злы метки
Как снайпер: гоп! стоп!
Велик почин смерти
Но пуще — вой псов
Но пуще вой вьюжный —
Сирен детей бомб
А папа мой Южик
Упал в окоп-гроб
Костлявою лапой
Изъят ли? взят в плен? —
Невиданный папа —
Наган-шинель-шлем
И Сущий былинный
Свой светлый сняв нимб
Спустился на глину
В единый ряд с Ним

* * * (2014)

Пора. Пришёл срок
стряхнуть росу с рук,
исправить курс рек,
в чём видит прок рак.
Ему претит рок,
хотя он наш друг.
А может, он грек?
Но разве грек — враг?..

* * * (2014)

Нет слов. Ни одного. Какое-то урчанье
каскадом клякс глядится на листе
бумаги бедной.

Для того ли зеки
бензопилой деревья расчленили,
сплавляли по седым сибирским рекам
к бумажным комбинатам, на Байкале
мутящим воду в озере великом.
И линотипы щёлкали зубами
шарниров, поршней, тщетно *софта* ждали —
перевести значительные мысли
мои, нетривиальные, и чувства
в язык машины, в код её и дальше —
в литые строки, а потом — в купюры
и — в кайф читателям.

А тут — урчанье... кляксы...
Я перечёл написанное. Как бы —
прослушал. — Нету слов?! Вот — не слова ли!
Нет мыслей? — Вот же мысль! И я встаю
со своего сиденья кругового
и к креслу шествую. Вот загружу компьютер
и тотчас это всё опубликую
на радость вам, читателям.
НАДЕЮСЬ.

* * * (2014)

Я, как и Пушкин(!), а вернее, я, как
Поэт его стихов, пишу лишь для себя.
не получая, правда, денег
(как правило) с издателей. — Зачем же,
глаза разъев вредом экрана, строчку
за строчкою строчу?

Для славы, что ли только?

Иль для бессмертия? —

Какая чушь!

Бессмертья нет.

Ни ангелов унылых,

ни радостных чертей,

ни страстных гурий (увы!)

и ни Нирваны,

наоборот, бесстрастной,

я не жажду.

Но я не верю в то,

что «Я» не буду.

Я, может быть, клопом, грибом, былинкой,

чудовищем, орлом двуглавым, или

драконом огнедышащим, а может,

в моём же доме алкашом соседом,

иваном, не запомнившим родства,

или каким-то неизвестным чем-то

в иной галактике (когда она реальна),

продолжусь

и, возможно, что не будет

инвариантов: ни души, ни тела,

ни памяти, ни духа, ни пространства —

лишь только «Я». И ощущение мира.

Иначе — это просто всё равно,

как если бы считать, что мир исчезнет...

А может быть, и нет его?.. Не знаю.

УРОКИ МУЗЫКИ (2014)

Когда разучусь сочинять стихи
(точнее, так и не научусь),
появятся новые пастухи
у стада моих беспризорных чувств.
Они выразительно щёлкнут бичом,
басовым ключом синтезатор вскрыв,
и я, в невежестве уличён,
сжимая воображаемый гриф,
забросив грифель, курсор, перо,
забыв про телесную суть любви,
пушусь вдоль додекафонных троп
вписаться в звенящий струны извив.
И пусть мои пальцы сведёт артроз,
склероз переварит в дерьмо мозги —
пусть я не дорос до стихов и проз,
во тьме не выдав ни единой зги —
но ноту за нотой зубрю, дикарь,
листа партитуры мусоля клок.
Изжелта-чёрн ноябрь-декабрь.
Грозным Бетховеном бредит ЛОР.
С севильского что ль свихнувшись ума,
ухо замылил цирюльник злой,
Музыки муза глохнет сама —
замерь, имбецил, децибела звон.
Утлого слуха сух абсолют.
Быт полосат словно клавиш ряд.
Со всхлипами флейт переборы лютнь
флиртуют, да и со всеми подряд...
Но топот стад заглушит дуду —
пастушью, пастырскую: облом!
И я на круги на свои пойду,
скрипя суставами и пером.
Ах, стая чувств, опрокинь блокпост!
Верни первозданную власть перу.
Забей (на всё!) поэтический гвоздь,
точку в пустыне, где я, как труп —
лежу, и наг (то есть просто гол),
хладный в ладонях не мну глагол.

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО (2014)

Лаврецкому супруга изменила.
Приехал он в дворянское гнездо.
Там с Лизой юной было очень мило.
Он думал: наконец-то повезло.
Пришла любовь, и снова жизнь воскресла.
Он Лизе, вроде, тоже ничего...
И, кстати, весть из зарубежной прессы
пришла про смерть изменщицы его.
Но это сообщенье было ложным.
Жена как раз покинула Париж
и в то гнездо покончить с жизнью прошлой
приехала, стройна, как кипарис.
Какой удар! Лаврецкий с Лизой в шоке.
Он стал пахать, как велено Толстым.
Она же в кратковременные сроки
постриглась в чисто женский монастырь.
Так в старину нелепо жили люди,
друг другу жизнь ломали пополам.
Теперь такое вряд ли скоро будет:
тут санкции, до лирики ли нам!

* * * (2015)

Когда без видимых причин
(не годы же причина!)
я вижу вдруг, что — всё: конец
надеждам и мечтам,
что я теперь непогрешим
и больше не мужчина,
что я уже напрасно ЗДЕСЬ,
пора мне быть бы ТАМ,
что лыс и глуп я, и — толстяк
среди лихих и тощих,
что никому-то я не мил,
беззубый крокодил —
я вынимаю изо рта
заветный молоточек,
который в урну уронил
безумный Даниил.
Я был расплакаться готов
скупыми м. слезами,
но молоточек прозвенел,
и я повеселел.
Итак, да будет молоток,
производящий заумь —
крушающий воздух и металл,
звонящий децибел!
Да, он сверкает и звенит
и производит заумь,
и стихотворный звон его
мне возвращает тон.
Над вымыслом его простым
не обольюсь слезами,
но жизнь, пойму я, — ничего.
А прочее — потом!

ГОРЕ ОТ УМА (2015)

*Нацепляя цацки,
говорил амбал,
как когда-то Чацкий:
Скоро, бля, на бал!*

Повествованья настоящего за рамки
выходят сцены, восклицанья и репризы.
Явился Чацкий из заграники спозаранку
и ну выпендриваться перед бедной Лизой...
ТЬфу, обознатушки! Не Лиза, это ж Соня!
Кто разберёт их, этих классиков вчерашних!
Хулил всё местное — от мыслей до фасонов —
мол, до Парижу — гдѣ унылой Рашке!..
Молчалин, тихий, представительный, спокойный
раскритикован был, унижен и обижен.
И Скалозубом был он тоже недовольный...
И даже Фамусов, что спал от русских книжек,
осмеян был. И Репетилов странный
был Чацким зло, и неумно́ подвергнут смеху.
Всем Чацкий нагрубил:
«От вас мильон терзаний!», —
сказал, — «Карету мне, карету!» и уехал.

ЯЩЕР (2015)

Я окуклился в тугой кокон.
Я опутан дорогим шёлком.
Я, как кукла, подожду срока,
Даже усиками не щёлкну.
На спине нажми бутон — свистну
И глазами — хлоп! — из ф́ар- фора.
Скоро я проснусь удí- вить вас,
А пока у вас ещё фора.
Но простонет семь годков с гаком.
Потемнеет и рванёт небо.
Лопну кожицей, слегка крякну
И над Родиной взовьюсь в гневе.
Пастью огненной рыгну вящей.
Прокукует на часах девять...
И взлечу — такой крутой ящер!
Стану крылышками «б́як!» делать.

* * * (2015)

Холостой патрон решил жениться:
без семьи не жизнь, а ерунда.
Но пусты его пороховницы...
Ах, ему бы пороху туда!
Он вошёл бы в нарезное дуло
и не в бровь попал бы — прямо в глаз,
чтоб любила пуля, хоть и дура,
поняла бы, что не ловелас!
В пару злую — ух! — они сплелись бы
и таких наделали б делов,
что повяли б на деревьях листья,
серый вечер вмиг бы стал лилов.
Налету б оцепенели птицы,
белый бы утоп в потёмках свет...
Но мечте несбыточной не сбыться,
пороха в пороховницах — нет...
Пустота... Чтó плач теперь, чтó ругань!
Холост. И никто не виноват,
что увёл свинцовую подругу
опытный патрон — на триста ватт.

ЛАЙКИ (2016)

Я достаю из широких штанин...

В.В.Маяковский

Легка рифмовка, если вдруг *вступило*.

Несёт. Пусть не *каретка*. Но — курсор.

Ведь это слаще... то есть горше — пива.

А слаще — чем с любимой общий сон.

То ты сидел, затурканная бука,

а тут сверкнула лысина что нимб,

и — на экран всеядного Фейсбука

вытаскиваешь *статус*. Из штанин.

Все ставят *лайки*, «Гений, — говорят, — ты!»

А эти *лайки* — ездовые псы.

Я лихо мчу! А за спиной — теракты,

гром трафика, истерика попсы...

Любого обогнал и обогнул бы!

Меня не тронет ни мольба, ни стон.

Я *лайками* взнесён на Джомолунгму,

и тут стою — великий и простой.

ВОЗРАСТНОЕ (2016)

Дождёвываю, доживая, протезом чай
и неожиданно зеваю. — Ну, что ж — скучай!
Но не ребячески слюняво, в припадке бьясь...
Старик! Ну, не впросак же, право тебе попасть!
Введи в фарватер судно скуки вдоль по тропе —
от сплина и до депрессухи, до мдп5.
А годы гнобят простофиль, как — кентов менты...
О юная геронтофилка, ну где же ты?!..
5 МДП (*мед*) — *маниакально-депрессивный психоз.*

ПАМЯТЬ (2016)

(диалог)

— А помнишь, такой тут ходил Воловик?

Его звали Саша, а был он старик.

Ну, лысый такой и пузатый слегка...

— Да помню я, помню Воловика.

Он, кажется, что-то такое писал?

— Да, так, юморист... Я его не читал.

Печатался мало, но не унывал:

на принтере вирши свои «издавал».

— А что ты вдруг вспомнил-то Воловика?

— Не знаю. Да хрен с ним. Плесни-ка пивка.

ПОТОМУ ЧТО (2016)

Был будний день. Слагались в тосты
непреднамеренные фразы.

Крутился шар, земной и толстый,

Начальник издавал указы.

Весна для будущего лета
из почек извлекала листья.

Уключины скрипели где-то
и крендель в булочной таился.

Я гелевой корябал ручкой
листочек бледный и надменно

подумал: это потому, что —
ко мне

явилось

вдохновенье!

КТО-ТО ГЛОБУС ВЫКИНУЛ (2016)

Дальняя галактика ест парсеки поедом.
Ближний космос щурится в сторону Земли.
Пассажиры катятся на такси и поездом,
выбирают улицы в городской пыли.
Кто-то глобус выкинул яблоком надкушенным.
Так бы и поймали его, если бы смогли —
Западное Выхино, Северное Тушино,
Восточное Измайлово, Южные Фили...

К ВЕРЛИБРУ (2016)

Уже года к верлибру клонят,
весёлой рифмой не маня.
Умру — и всеми буду понят,
ведь нет секретов у меня.
На форуме специалистов
в каком-то, например, ИРЯ²⁹
к когорте концептуалистов
причислен буду вряд ли я.
И тезис никогда доказан
не будет доктором наук,
была ли прочих углеглазей
какая из моих подруг,
считать ли впрямь меня поэтом,
или я вовсе ни при чём,
и был ли промискуитетом,
как мой л.г.³⁰, я увлечён.
Журнал «Фонтан» или Стендаля
листал я перед (вечным) сном
в тот вторник роковой фатальный —
узнать не пожелает сноб...
Но сколько бы мороз по коже
в души протезе ни свербил —
тьмы низких ямбов мне дороже
всепобеждающий верлибр!

---

²⁹ ИРЯ — Институт русского языка РАН

³⁰ л.г. — лирический герой

В ПОТЁМКАХ (2016)

Холодным дымом из кальянных, типа, тянет.
Вечерних сумерек клубится, серых, ворох.
А в полутьме глаза меняются местами,
и бурно *чатятся* читатели смартфонов.
Мартен метро легко узнаётся по зною.
Канализацию покинет птеродактиль.
Спасибо кембрию, а также мезозою —
никто из них не оказался столь бестактен,
чтоб подземелья населить не червяками,
а — чуваками. И чувихами особо.
И щеголяющими рваными чулками
псевдоособами, обутыми джинсово.
Но нам пора уже приблизиться к природе
и посреди её притопов и прихлопов
вдруг *окропить*, как говорится (в переводе³¹),
«*янтарной жидкостью семью гелиотропов*».

---

³¹ «Пускаю ввысь струю, искусно окропив
Янтарной жидкостью семью гелиотропов».

Артур Рембо «Вечерняя молитва», перевод Бенедикта К. Лившица

ФИГУРЫ СНА (2016)

Приманивал специальным дыханием и сопеньем.
А он рисовал фигуры на скрытой изнанке век.
И тёмный недобрый город в стихах я воспеть успел ли,
теперь и не вспомнить, ибо погас его полусвет.
Неслышимые шарниры на сто степеней свободы
раскалывали движенье и определяли ход
медлительных незнакомцев не выясненной породы
(кто только им встроил в чипы иррациональный код!)
Удары венозной крови без промаха бьют в затылок.
Воспоминанья кратки и сладок осадок дрём.
Чудная картина мира, где я ещё жив и пылок,
пропав, прожелтила штору скупым ночным фонарём.

* * * (2016)

Упали доллары, а также фунты лиха.
Нефть поднялась и затопила кон.
Все говорят, мол, бросьте, это липа,
но мы-то знаем, — это просто клён.
Я просто клон утраченной зиготы,
с утра хрустевший крекером гамет.
«Быть!» — как Гамлёт! И — я прозябну годы
в глухом углу. Ненужный как предмет.
По всем предметам получая пары,
блестя зубным протезом изо рта,
я доллар подниму, нефть откачаю паром
и на пароме уплыву с утра.

ДИДЖЕЙ (2016)

Диджей это *Doctor Juris*³², а не то, что
мог бы подумать любитель звонких звуков.
Что мне несёшь ты, электронная почта,
из динамика шёпотом помяукав?
Сообщение зверевских кураторов?
Предложение платной публикации?
Рекламу продаж косилок и тракторов?
Спам о полном излечении канцера?
А то адвокат из солнечной Замбии
сулит миллиарды наследства дедушки
13-юродного, терзаемый,
что так и умру бедняком несведущим...
А может, мне правда, пора бы в Африку.
Мало ли кто скажет: да гиппопотам там!..
А там там-там-то — барабанной фабрики! —
диджеев учил грохотальным грамотам!
Как Цельсий надстрочным кружочком градуса —
взлетит! — аж сомлеют гориллы грозные.
Ах, там вука-вука, жирафы, страусы...
Но я патриот. Остаюсь на Родине.

---

³² *Doctor Juris(DJ)* Доктор юридических наук (д.ю.н.)

В ЭТОЙ СТРАНЕ (2017)

*Я утешусь щедротами быта,
рисованьем по свёкле и льду.
Подкую бутербродом копыто,
безлимитное время введу.*

2008

В этой стране фигуративных стихов,
где бутерброды копыт не знают подков,
где я осеней осеняю пламенный кров,
силлабической ахинеей и — не таков,
где фигуры, теряют смысл, обретая звук
и то ли фигурно рыдают, то ли кого зовут,
в этой стране, в этой строгой порядкем бед
(которого — нет),
рваная ритмика жизни гудит заводским гудком,
навевая партком, завком,
ржавая замком
навесным —
нам ведь с ним
ещё долго вить нить дорогого сюжета
в этой,
подбитой *ватой*
веков,
отдельно взятой,
стране фигуративных стихов.

В ТРАМВАЕ (2017)

В электротрепетах трамвая,
его трезвон перекрывая,
гремит копейка трудовая,
жужжит, как в ухе — в кошельке,
тогда как президент, кивая
коллеге, лидеру Китая,
летит от края и до края
в небесной тачке налегке.
На кухне вьётся рой дрозóфил.
клубится пар: кипит картофель.
В чём соль — в сметане ли, в укропе ль —
не скажет и мудрец иной.
А я, чей час уже не пробил,
упрятал фас в угрюмый профиль,
из пары Фауст—Мефистофель
не выбрав роли ни одной.

ГДЕ БЫ НИ БЫЛ Я (2017)

Свет ли вылупится из рыка,
или, молниями влеком,
гомерический горемыка,
перочинным сверкав клинком —
гром, взыскующий и искомый,
разверзая, как бездну, миг.
завершит, но не кодой — комой
звукописную силу книг.
Резкий звук на цепи столетий.
Песни-пляски, но — распалясь,
сунет пальчики лишний третий
в панталон пистолетный паз.
Тихо кликнет, как без подвоху,
заурядней, чем турникет,
краткий миг претворив в эпоху —
от Гомера до наших лет.
Да какие там наши годы!
Миг — полвека. Два мига — век...
Ну, старлей, нацепляй погоны,
кого надо — свистай наверх.
Да взыграй — стопроцентным, клёвым,
неуёмным врагом быля
и железом пожги калёным
все края, где бы ни был я.

4-СТИШИЯ

* * * (2003)

Я человек простой и светский:
люблю и друга, и врага...
Какой же кочерге я свечка?
Какой я свечке — кочерга?..

* * * (2003)

Долго кратковременный
собирался дождь
Ты была беременной.
Я, напротив, тощ...

* * * (2004)

Если в двери позвонят, открою без гнева.
Даже «Кто там?» не спрошу, не насторожён.
— Вы ошиблись, господа, тут восьмое небо.
Небожители живут ниже этажом.

* * * (2004)

Снова маячат партком и завком.
Прячутся в дымку чужие края...
Может быть, вместе с повторным *совком*,
глупая юность вернётся моя...

* * * (2004)

Она ругала всех гуртом,
А он был балагур.
Она сказала: «Вот дурдом!»
А он сказал: «Дом дур»!

* * * (2006)

Мир безымянного полон вранья.
Общество обустроено элементами СМИ и быта.
Ещё не изобретено местоимение Я.
А может, оно уже позабыто.

* * * (2007)

— У зámка кого там узнал по колготам?
— Ну, жену же!
— За ту же монету что нужно поэту?

— Нужен ужин.

* * * (2007)

Сказал евреям — мол, иду в мечеть,
а православным — дескать, в синагогу.
Потом вздохнул. Подумал: «Слава Богу!»
Ну, и по бабам — сколько же терпеть!

* * * (2007)

Не в свои усевшись сани
и в тарелке не в своей
я погибну под лесами
недостроенных *курей*.

ШПИОН (2007)

В чёрной кипе, с крестом архиерейским,
с талисманом от сглаза в руках
прибыл в Серпухов чартерным рейсом
и скелетом устроился в шкаф.

* * * (2012))

Покупка, продажа, обмен, ипотека —
риэлтор любых операций моёт.
Австралия не для австралопитека.
Поэзия — не для шекспиров и гёт.

БЕГ ЗЕБР (2012)

Бег зебр скор, резв, дик.
Дождь. Где зонт? Льёт с крыш.
Гром. Но вдруг вновь тишь.
Мир всем мил. В дом — прыг!

* * * (2012)

Весна. Почти что не осталось снега.
— Пора любви настала! Ё-моё! —
как говорит моя вторая эга,
пока не слышит первая её.

* * * (2012)

Асе
О Ася! Оглянись, как всё кругом прекрасно!
Как любит Солнце нас, лучами осветя!

Как жизнь летит, звеня, как вкусен привкус кваса!..
12 лет тебе, уже ты не дитя.

* * * (2013)

А что славы стяжал немного,
так ведь слава — не Наша цель.
Я пишу для Себя и Бога,
что со Мною в одном лице.

* * * (2013)

За окном 18. Дождь.
Отключили горячую воду.
От июля не этого ждѣшь.
Завели себе моду!

* * * (2013)

Сибарит брезгливо брёл, небрит.
Бриз обрызгал брюки баронета.
Бросился брюнет под броневик.
Барышня брюхата от брюнета.

* * * (2013)

Вурдалак урчал и фыркал,
тяпнув крови из пробирки
(лаборантки обыскались,
не закончили анализ).

* * * (2013)

Хирург, Асклепия союзник,
иранцу прописал подгузник.
А ассистент, смакуя каперс,
добавил устно: «Вам, перс — памперс».

* * * (2013)

Я хотел бы быть масоном храбрым,
я хотел бы быть масоном мудрым.
Я, как Пушкин, быть хочу — масоном.
Но туда евреев не берут...

СЧИТАЛОЧКА ВОДИТЕЛЕЙ (2013)

По Содомову кольцу
«Запорожец» вѣз мацу.

Эх, меть твою тить!
всё равно тебе водить.

БЛОКДОДЫР (2013)

У тебя на шее вакса,
у тебя под носом клякса,
у тебя под грудью, Катя,
след не зажил от ножа!

КАК БУДТО (2013)

И, как будто внимая Шопену,
я, как будто тот дерзостный паж...
И как будто во всём преуспею...
И как будто судьба моя — та ж...

*** * * (2013)**

Вымыслил вымысел. Сел. Облысел.
Весело смёл всё и смело на слом —
сколько б ни весило, что́ насопел
тусклый *демесленник* злым *демеслом*.

*** * * (2013)**

Не ломалась игла, а кололась, нагла.
Углеглазая мгла за углами легла.
Повезло, и зело узколобое зло
узловатым козлом за излом уползло.

*** * * (2013)**

Пой, гармошка голосиста!
Олигархи из Ростова
застрелили гармониста
из обреза золотого.

*** * * (2013)**

Стихотворцев приличных пруды пруди,
гремящих шедеврами ночи, дни.
Очередь моя, приди, приди!
Я тут предпоследний в очереди.

*** * * (2014)**

Я, как газ, влетаю в лоно
полуполного баллона.

В этот газовый баллон
влезит базовый галлон!

* * * (2014)

Что ни слово, то лягушка или, может быть, змея.
Я и раньше был не Пушкин, а теперь я и не я.
Мыслей нет в головке утлой, и из мелких чердачков
выползают злые буквы в виде жалких червячков.

* * * (2014)

Я — бесперебойный источник питания.
Я как не из плоти: ни войн, ни восстания...
Решаю задачу я методом проб о том,
как сделаться всё понимающим роботом.

* * * (2014)

Чужды роботам манеры:
нечувствительны они.
Налетай, миссионеры,
их духовным окорми!

* * * (2014)

Она засыпала над пьесой «Гроза»,
сидела в метро, закрывала глаза.
Но всё-таки видела сквозь забытьё
творившего *барда* напротив неё.

САЛОН КРАСОТЫ (2014)

Усилья преступные множа,
злодей от конца до конца,
разбойник, прокрустова рожа,
уродует морду лица.

* * * (2015)

Саша Белугин сказал мне: «Твои стихи, как камушки»
Бредущим в гору полагается петь.
Крута и слизиста к верхушке тропа.
Мой стих, как камушек в ботинке — стопе:
неслышно давит, а не сделаешь па.

* * * (2015)

Мы на свободе, как в самоволке.

Мы ждём: наступит рассвет иной.
Но нами правят ночные волки —
и днём, и ночью, и в выходной.

* * * (2015)

Давно когда-то поэта нимбом
чернь украшала, лобзала руку.
Стихи сегодня нужны одним нам.
Мы их и впариваем друг другу.

КСТАТИ О ПТИЧКАХ (2016)

Средь всех ворон в небесной шири
прячут особых три-четыре:
злой Гамаюн, огромный Рух
и Сирин, Алконостов друг.

* * * (2017)

В стихах ещё не разуверюсь,
катаю камушек во рту,
*дабы не впасть в конце, как в ересь,
в неслыханную простоту.*

* * * (2017)

Внимая стихотворным строчкам
и прозаическим внимая,
как я желал бы быть сучочком³³!
Но у меня судьба иная...

---

³³ Ср. у Г.Р. Державина:
«Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях».

ФУТБОЛ (2017)

кубань забила локомотиву
команда выла лакая пиво
а музыканты в сырых потёмках
в пивные банки лабали громко
громила в кепи но с виду добрый
бил по доске деревянной воблой
арбитр рухнул в глубокий аут
как будто вдруг получил нокаут
а там интимно одна фанатка
под бубен гимна зевала сладко
и из кулисы учуяв бабу
походкой лисьей прокрались к бару
хавбек и форвард потом голкипер
но тренер бодро вперёд полки пёр
и понеслось ну а что там было
сказать нет слов а луна светила
пока вся сила локомотива
кубань месила и молотила
всё после сдунула ночь глухая
спорт это думаю чепуха я

* * * (2017)

Нине Сергеевне Огневой

Перелётные открякали,
за окном почти зима.
Старичок строчит каракули,
видно, выжил из ума.
Покусала псина тапочку.
Переплётчик сел на клей.
Коммунисты с флагом-тряпочкой
около мавзолей.
В голове темно и муторно.
В руку просится стакан.
В недрах Главного Компьютера
копошится таракан.

* * * (2017)

Чуждый западный дух нам претит и извечно претил нам.
Европейские ценности нашим отнюдь не чета.
Нам не светит дензнак закордонной мечты меркантильной,
а сияет отдельная русская наша мечта.

Запад — враг. Да и Юг нам не брат, и Восток хутородный.
Свет у нас, а у них, у иных, исключительно тьмы.
Вот отменим фейсбук и отдельной заветной дорогой
мы пойдём не туда, куда все, а куда только мы.

ФЕРМАТА (2017)

Прикладные стишки, как винтовки с прицелом и мушкой.
Если цель не добьют — рукопашным прикладом крушат.
Прикладные — не чистые. И — не стихи. Потому что —
в них полощется быт и воняет помоев ушат.

Тут с ботинками споро рифмуются полуботинки,
губит розу мороз и кровава бедняжка любовь.
И душа стихотворца *садится*, как лифчик от стирки,
славословий и *лайков* освоив рекордный улов.

Не желая их славы, я жажду иного удела.
Сторонюсь от курков, от штыков и, простите, цевья.
Вечность в сторону смотрит, старушка — обычное дело.
Ну и что! Ведь не в ней, а в полёте весь кайф бытия!

На ходу, на бегу, пусть безумно, безудержно, бурно.
Цель — движение. Вне — направлений, колёс, скоростей,
Через трафика гул, ни на цыпочки, ни на котурны
не вставать! Остановка летальной постельных смертей.

Финиш. Сам пред собою кичась совершенством формата,
звук и букву солью в монитора слепящем окне.
Суммой пауз бессрочных фигура молчанья — фермата —
увенчает надгробие нерукотворное мне.

СПИ СКОРЕЙ (2017)

Спи скорей, твоя подушка нужна другому.

М. Зощенко, «Спи скорей»

Видал: по улице ходит хомо,
не знаю, сапиенс или нет.
Твоя подушка нужна другому,
давай погасим скорее свет.

Видал: по улице ходит хомо,
всеобщий баловень и судьбы.
На нём защитная телогрейка,
не знаю, сапиенс или нет.

Твоя подушка нужна другому,
Не знаю, кто он, а надо бы...
Ну, что же, это у нас нередко,
давай погасим скорее свет.

Видал: по улице ходит хомо,
не знаю, кто, но с собакой, гад.
Всеобщий баловень и отличник,
а пуделёк — медалист и сноб.

Свою подружку отдай другому:
клиенту этому надо дать.
Он в телогрейке вполне приличной,
одной из лучших своих обнов.

Не знаю, сапиенс, или, может,
простой эректус и моветон.
— Но если будет не он, то кто же?..
— Погасим свет.

— Вот и я о том.

ЗИМНИЕ РИФМЫ (2017)

Зимы несносной дик обряд,
и полно праздновать вралья-то,
что будто тёплых декабрят
морозят злые февралята!

Суров сугробов буерак.
Тинейджеры, наморщив брови
и страх поправ, на буерах
летят, и вот уже в сугробе.

Но январята встали в ряд

плечом к плечу и без лазеек.
На ненарядных ноябрят
снежинки нежные глазают.

Снегов глобальные валы
таят в глубинке колкий облик,
подобны залежам халвы
в глухих месторожденьях сдобных.

Разбой непозабытых луж
отныне глянцево заметен,
и я, и каждый — неуклюж
между медвежьих междометий.

В гирляндах шаровой тиши
плоды — огня душисто чают.
А мартыши, как малыши,
апрельи трели различают.

* * * (2017)

Я умру в беспорядке предметов,
беспардонных и — да! — беспородных,
пылью плюшевой по́литый лета
или ею же в зим полугодник.
Куклолом лупоглазые очи
тупо всяпят на серое тело.
Виртуальные псы-тамагочи
отрычат меня неоголтело.
Шустрым бесом на мрачных парадах
в преисподню сойду, семена я.
Но родня соблюдёт беспорядок,
крестным прахом меня отменяя.

ТУННЕЛЬ ЗИМЫ (2017)

Кусты кустятся — ели надоели.
Потёмки века свет его пожрали.
А что это блестит в конце туннеля? —
Не сполох ли? Не свечка ль? Не пожар ли?..

Уж барды рассупонили гитары
в предновогоднем ожиданье снега.
Рассчитывают не на гонорары.
поэты бессеребряного века...

Сам Новый год заявится к нам скоро.
Вот-вот нагрянет — это однозначно.
Ну что ж, давай пошевелим курсором
и рифмами отметимся изячно.

* * * (2018)

Раз, весёлою походкой
выйдя на дорогу,
кимоно с косовороткой
повстречали тогу.
Угостили тогу водкой,
подивились смогу
и продолжили дорогу
шаткою походкой.
А вокруг в снегу сновали
армяки, шинели,
шали шёлково шуршали,
фески пламенели...
Я же, лёжа, гол и бос,
это вот в мобильник внёс.

ТЁМНОЗЕЛЁНЫЕ ВОЛОСЫ (1962;2018)

Тёмнозелёные волосы
легли на вечерние сумерки.
        умер ки-
певший солнцем вечер.
через зелёную дырку месяца
царственный светоч лился в свечи,
чистый и свежий, как день погожий.
И вышел юноша, свежий тоже,
мечтал о стихах, о девчонке с дачи
(взлететь вдвоём, приземлиться в сосенки!..)
а ему с утра надавали задачи
бесмысленные и беспощадные дóценты,
материалисты и троглодиты.
        «Иди ты!..» —
ему сказали — «Забудь о крыльях.
Ты ничего не выучил твёрдо».
И он понуро побрёл по городу,
а вслед хохотало презрительно: «Лирик!..»

И светоч йсседа-лунный
качал свои бледные полосы
одеждами привидений,
день и ночь теребя свои долгие струны —
тёмнозелёные волосы...

МИР БЫЛ ПРЕКРАСЕН... (2018)

Мир рвался в опытах Кюри
Андрей Белый

Мир был прекрасен, в меру пёстр,
он был театр, а мы — актёры.
То увертюровал оркестр,
то под сурдинку, как котёнок,
мяукал что-то о любви,
то барабанил под знамёна
о Родине, то удивлённо
и фортепьянно звуки лил
в том смысле, что — тихи озёра,
что звонки птахи и ручьи,
что листьев лапчатые узоры,
а звери дики и ничьи.
И ветер дул. Сверкали звёзды.
И Солнца яростный кумир
служил юпитером негрозным,
и был прекрасен (в меру) мир.
А мы зубрили роли честно —
у каждого была своя...
Но гнулся гвоздь с начала пьесы
под весом бомбы с буквой А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ HAPPY END (1962,2018)

Благостна старина:
замки, ворота, рвы...
Мир ли кругом, война —
Предки всегда правы.
Чёрен палёный жест
жареной плоти ведьм.
Латы, доспехи — жесьть!
Копья пронзают твердь.
Там, в голубом Высоко,
правит в тусклом венце.
Ставит узкой рукой
в конце неземную цель.
Готика злых углов
к небу взнесла кресты.
Мы же — кто лох, кто плох,
я например. Или ты.
Всем нам пылать в аду,
ведать огонь геенн.
Вечность в седом чаду —
Это ль не хэппи энд!

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ (2018)

Я Лукрецием каркну, я Овидием визгну.
Но не корму покорна лучезарная карма.
В лопухах у забора подберу я харизму,
Но харизмы капризны и, бывает, коварны...
Я взовюсь Ювеналом над порочной планетой,
я проникну, как в поры, в потаённые щели,
где, пока верещали самозванцы-валеты,
короли крыли дам, так что дамы пищали.
Я увижу дотоле невнятное глазу,
очарован природой, а в природе — вещами.
Что ли зря я в салоне «Вдохновение Плаза»
заправляюсь в столовке расстегаем и щами!
Ну, а вещи вещают — такова их природа.
вроде «Эха района» или «Радионяни».
Я привёл бы подробно их поэмы и оды,
но харизма поблёлка и истлела, что́ странно.

* * * (2018)

У вас пошло? А у меня пошло!

1999

Метался: не шло. Из стекла ухмылялся двойник.
И шло, да не то. Не туда. Не сумел. Не проник.
И шло, но — само: не везло, не несло, не цвело.
И пахло. Но — вонью. В окне проплыло НЛО.
Сокól пролетел. Прохудился и прежде худой
отстойник на кухне, набитый рябой ерундой.
Отчаянный чайник нечаянно фукнул в свисток,
и тут — началось! Выдвигаясь из пыльных кустов
оскаленной *клавой*, скрипел чёрно-белый рояль,
кряхтел септаккордом и шумно педали ронял.
И бурный, как Терек (он буен — я слышал!), был рад
разнузданный телек всучить нам нескромностей ряд
и их смаковать. Сладковатый вскипел фито-чай
и, не повернув головы маяковский кочан,
бубухнула гиря, брандмауэр грубо круша
(как в фильме Феллини), не строя взамен ни шиша.
Ну вот, наконец! Что-то дрыгнуло задней ногой
в седьмом измерении так, что немного другой
предстала компания знаков, на клетчатый лист
набросанных; и изменив выражение лиц,
друг другу уже двойники улыбнулись в стекло,
и мумрик³⁴ на Фобос нацелил своё НЛО.

---

³⁴ мумрики — самоназвание жителей Фобоса.

ОРНАМЕНТАРНО³⁵, ПОЧТИ ЧТО КОМБИНАТОРНО (2018)

Сохнущих скрип дубов и разбой побегов
глушат невинно живое твоё лицо.

И не пытайся вырвать у них победу.
Пей не шампань, а терпения тёплый сок.

Делай, что́ должен: малую смальту звука
взвякни в зиянье мозаики — звонче чтоб —
меж междометий, глаголов и тусклых стуков:
стоп несказуемых — кротких предлогов об.

Орнаментарно, почти что комбинаторно
проб перебор переборет парад *бугров*³⁶,
не пререкаясь с придворным трезвоном горна
и не братаясь с когортой его врагов.

Спектром магическим в небезызвестной призме
синтаксис смело криви и коверкай слог,
каменнолико на празднике и на тризне
равно нейтральный, пассивный, что твой залог.

И, постигая пассионарность пассива,
пóступи пестуя шалый летящий шаг,
ты не корявой корягой порвёшь крапиву,
а воспаришь — как светящийся яркий шар.

---

³⁵ Орнаментарно — то же, что «орнаментально», но, как мне кажется, с каким-то новым привкусом, трудно определяемом словами. Во всяком случае, мне почему-то захотелось написать именно так. Может быть потому, что «орнаментарно» и «комбинаторно» кончаются на одно и то же «-рно»...

³⁶ бугор — начальник; элемент «элиты»; «известняк».

* * * (2018)

Виталий Глебович лежал в своей постели.
Он улыбался: жизнь была легка.
Воспоминания приятно шелестели,
а за окошком проплывали облака.

Виталий Глебович вздохнул и тихо пукнул —
жена спала, и можно. Он зевнул,
потрогал пальцем засыхающий фурункул...
И вдруг оскалился, домашний Вельзевул.

Ему явилась рифма вдруг: «Боднись об небо —
Аддис-Абеба». Тут схватил он телефон
светящийся и вот, для будущей потребности,
в раздел «Черновики» её заносит он.

Казалось бы, теперь — на правый бок и немочь
глядеть ночную, а не лупать, как сова,
глазищами. Но нет, не спит Виталий Глебыч,
играющий впотьмах в дурацкие слова.

К утру он сочинит одно четверостишье,
столицу Абиссинии забыв упомянуть.
И тут сознание его свернётся сонной мышью...
Виталий Глебович, не спать!

Встать в тапки!

Время — в путь.

КОММЕНТАРИЙ К «ПОХМЕЛЬНОМУ»³⁷

Вот как комментирует это стихотворение, кажется, доброжелательный критик³⁸.

О СТИХОТВОРЕНИИ АЛЕКСАНДРА ВОЛОВИКА «ПОХМЕЛЬНОЕ»

Прежде всего, разобьём стихотворение на нормальные строки и уберём пока не нужную нам расцветку, чтобы на неё не отвлекаться.

1. рюриксон де радзивилл а
2. пах холестеринами б
3. тостом остр и скор строкой с
4. мы не так ли квакаем d
5. лилипута раздавил. а
6. куинбус флестриновый b
7. пересоленный топор с
8. перевесил в вакуум d
9. в кои веки разлепив е
10. зазудел предплечием f
11. водки хряпнул под сурок g
12. подсуропил в тютельку h
13. телепал от вин и пив е
14. сглазил гуттаперчево f
15. плетью обух поперёк g
16. поперхнулся путинкой h
17. эживоки января i
18. пьяное исподнее j
19. снулых улиц уляля k
20. улетело утлое l
21. куки-наки имярек (i)
22. синюю рапсодию j
23. псом скулил в кулису дня k
24. для утробы утренник l

Теперь легко заметить, что написано оно парами четверостиший с рифмовкой а b c d — а b c d простым 4-стопным хореем. Рифмы довольно точны, исключая строки 17 и 21, где вместо рифмы имеет место диссонанс «января — имярек».

Хотя тема стихотворения видна из названия, смысл его ясен не сразу, так как написано оно достаточно густо. Попробуем разобраться построчно.

---

³⁷ См. стр. 29

³⁸ Попробуйте угадать его фамилию.

1. рюриксон де радзивилл — не имя героя стихотворения. Скорее, это на-смешливое прозвище, выбранное с намёком на зачатки пьяной мании вели-чия. Ведь Рюриксон это, в сущности, Рюрикович, правда, с некоторым юмористически неуместным тут, как бы еврейским окончанием «сон», а Радзивиллы — литовские князья Священной Римской империи.
2. пах холестеринами — автор, видимо, намекает на поражение печени, связанное с длительным употреблением алкоголя.
3. тостом остр и скор строкой — лирический герой стихотворения (далее л.г.) — остроумный человек, не чуждый писательской (или, может быть, журналистской) деятельности. В трезвом состоянии, конечно.
4. мы не так ли квакаем — подчёркивание отстранения автора от л.г. с са-моуничижительным «квакаем». Самоирония, доходящая до самоуничиже-ния вообще характерна для этого автора.
5. лилипута раздавил — л.г. так набрался, что ощущает себя великаном, буквально наступая на уже отключившихся собутыльников.
6. куинбус флестриновый — и не просто великаном, а прямо-таки Гулливе-ром в стране лилипутов. Ведь именно Куинбус Флестрин, Человек-Гора, было его именем в этой стране.
7. пересоленный топор — а с закусью-то было плоховато. Суп из топора, если вспомнить одноименную сказку, да и тот пересоленный, т.е. малопри-годный в пищу (даже как закуска).
8. перевесил в вакуум — виртуозное использование того же топора из супа для обозначения прокуренности помещения, где происходили возлияния. Как говорится, «топор можно вешать». Воздуха уже не осталось, топор в вакууме. Ср. у В. В. Маяковского (1893–1930): «Дым табачный воздух выел». Тут про то же самое.
9. в кои веки разлепив — игра с двойным смыслом слова «веки», искусст-венная гаплоглогия. Точнее (но без этой игры) было бы: «в кои веки веки разлепив».
10. зазудел предплечием — ср. у А. В. Кольцова (1809–1842): «Раззудись плечо, размахнись рука...». Пьяный л.г. проявляет агрессивность. Это бы-вает.
11. водки хряпнул под сурок — «под сурок» образовано из «под сырок (за-куску)» и «под сурдинку», шёпотом, незаметно. Просторечный глагол «хряпнул» подчёркивает богатство лексики автора.
12. подсуропил в тютельку — одно из значений слова «подсуропить» — ненароком сделать неприятность. Т.е. своим поведением л.г., видимо, по-ставил кого-то в неловкое положение. Например, хозяев дома (если всё происходило в гостях, как у В. С. Высоцкого (1938–1980): «Я, как раненый зверь, напоследок чудил...»)

13. телепал от вин и пив — л.г. кажется, что под влиянием спиртного он обрёл сверхъестественные способности.
14. сглазил гуттаперчево — однако, эти способности не всегда реальны. Можно и сглазить, т.е. навредить кому-н. дурным глазом. Хотя и «мягко», «гуттаперчево».
15. плетью обух поперёк — опять-таки л.г. «напоследок чудил», несмотря на то, что, как известно, плетью обуха не перешибёшь. Ведь не перешибёшь-то, наверное, вдоль, а поперёк ещё неизвестно.
16. поперхнулся путинкой — надеюсь, что тут нет политического подтекста. «Путинка» — просто марка водки.
17. экивоки января — тут взор л.г. обращается к природе, по-видимому, он глядит в окно на зимний городской пейзаж. Погода, значит, неустойчивая.
18. пьяное исподнее — вероятно, испорченное продуктами жизнедеятельности пьяного л.г.
- 19, 20. снулых улиц уляля улетело утлое — день уже клонится к вечеру, трафик ослаб, шум и гудки слышны меньше.
21. куки-наки имярек — я не нашёл (в интернете) более или менее внятного определения слова «куки-наки» но полагаю, что автор имел в виду такое как бы жалостно-уничижительное добавление к жалкому «имярек» даже по имени тут не названного л.г. Мог бы сказать, например, «беодолага имярек», но ему, видимо, показалось, что это чересчур «лобовато».
- 22, 23. синюю рапсодию псом скулил в кулису дня — эти две строки составляют единую фразу, которая означает, что л.г. преодолевает похмельный синдром и слушает «Рапсодию Блюз» Дж. Гершвина (1898 – 1937), пытаясь даже подпевать, но пока у него получается лишь нечто подобное собачьему вою.
24. для утробы утренник — ударение на слове «для» поставлено для того, чтобы подчеркнуть, что оно в данном случае не предлог, а деепричастие от глагола «длить». Т.е., хотя, согласно строкам 19 и 20, день уже приближается к вечеру, «утренник» в смысле насыщения «утробы» продолжается. Не исключено завтрашнее новое похмелье.
- Итак, стихотворение посвящено описанию страданий л.г. автора в результате неумеренного приёма алкоголя и, по-видимому, скорому окончанию этих страданий.

Дополнительно к собственно тексту, можно посмотреть галлюцинацию л.г., искажающую текст произведения в рюмкообразную со вставленной в рюмку соломинкой (в виде цитаты из стихотворения Б. Л. Пастернака (1890 – 1960) «Стихи мои, бегом, бегом» фигуру, да ещё и переливающегося множеством цветовых оттенков. На данном материале автор демонстрирует уверенное владение довольно изощрёнными литературными приёмами, включая звуковые и зрительные образы, подчёркивающие и отте-

няющие контекст произведения. Пожелаем же удачи ему, а также его незадачливому л.г.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР
Январский вечер, но – почти весна.
Шрифт включает Ё и знак вопроса,
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)
Любитель зелёного и голубого,
Трио для принтера, клавиатуры, экрана,

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)
МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)
МУЗЫКА (1985)
Он приходил домой, певец абсурда,

ИЗ ПЕПЛА (1988)
ПАМЯТНИК (1985)
Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Птица голубь на фоне помойки,

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

ДУБЛЁРЫ (1984)

КНИГА ЧУДЕС (1991)

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

УЛИЧНОЕ (1991)

Но в конечном итоге мир совсем не таков.

ОТЛАДКА (1986)

НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)

ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)

ЭПОС И ПАФОС

1933 (1992)

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)

Вкусно мастера потчуют власти,

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

МУЗЕЙ (1983)

Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.

ЦИРК (1984)

ЭПОС И ПАФОС (1985)

НАД ГОРОДОМ КИТАЙ

Не искушал меня лукавый

А и Б (1987)
КАРНАВАЛ (1987)
НОЧЬ (июль 1991)
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ (1992)
Мне сказал писатель Ш.: "Что вы, Саша!
Так и живём, значит, сэр Джонатан.
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР
Январский вечер, но – почти весна.
Шрифт включает Ё и знак вопроса,
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)
Любитель зелёного и голубого,
Трио для принтера, клавиатуры, экрана,

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)
МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)
МУЗЫКА (1985)
Он приходил домой, певец абсурда,
ИЗ ПЕПЛА (1988)
ПАМЯТНИК (1985)
Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК
Птица голубь на фоне помойки,
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)
ДУБЛЁРЫ (1984)
КНИГА ЧУДЕС (1991)
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)
УЛИЧНОЕ (1991)
Но в конечном итоге мир совсем не таков.
ОТЛАДКА (1986)
НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)
ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)
ЭПОС И ПАФОС
1933 (1992)
ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)
Вкусно мастера потчуют власти,
ВЕДЬМИН МУЖ (1984)
МУЗЕЙ (1983)
Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Январский вечер, но – почти весна.
Шрифт включает Ё и знак вопроса,
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)
Любитель зелёного и голубого,
Трио для принтера, клавиатуры, экрана,

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)

МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)

МУЗЫКА (1985)

Он приходил домой, певец абсурда,

ИЗ ПЕПЛА (1988)

ПАМЯТНИК (1985)

Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Птица голубь на фоне помойки,

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

ДУБЛЁРЫ (1984)

КНИГА ЧУДЕС (1991)

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

УЛИЧНОЕ (1991)

Но в конечном итоге мир совсем не таков.

ОТЛАДКА (1986)

НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)

ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)

ЭПОС И ПАФОС

1933 (1992)

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)

Вкусно мастера потчуют власти,

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

МУЗЕЙ (1983)

Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Январский вечер, но – почти весна.

Шрифт включает Ё и знак вопроса,

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)

Любитель зелёного и голубого,
Трио для принтера, клавиатуры, экрана,

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)
МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)
МУЗЫКА (1985)
Он приходил домой, певец абсурда,

ИЗ ПЕПЛА (1988)
ПАМЯТНИК (1985)
Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Птица голубь на фоне помойки,
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)
ДУБЛЁРЫ (1984)
КНИГА ЧУДЕС (1991)
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)
УЛИЧНОЕ (1991)
Но в конечном итоге мир совсем не таков.
ОТЛАДКА (1986)
НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)
ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)
ЭПОС И ПАФОС
1933 (1992)
ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)
Вкусно мастера потчуют власти,
ВЕДЬМИН МУЖ (1984)
МУЗЕЙ (1983)
Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.
ЦИРК (1984)
ЭПОС И ПАФОС (1985)
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ
Не искушал меня лукавый
А и Б (1987)
КАРНАВАЛ (1987)
НОЧЬ (июль 1991)
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ (1992)

Мне сказал писатель Ш.
Так и живём, значит, сэр Джонатан.

ЦИРК (1984)
ЭПОС И ПАФОС (1985)
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ
Не искушал меня лукавый
А и Б (1987)
КАРНАВАЛ (1987)
НОЧЬ (июль 1991)
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ (1992)
Мне сказал писатель Ш.: "Что вы, Саша!
Так и живём, значит, сэр Джонатан.
ДОГОВОРИМСЯ О ВОЗДУХЕ

ГЕЛИОТРОП И КУПОРОС
ПО СПИРАЛИ (1986)
ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ (1996)
Покамест мы пытаемся
Какое имеешь ты право
РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН (1983)
КОГОТЬ (1985)
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ (1973)
КАК ПРИНЯТО... (1994)
ПЯТЬ СТРОФ (1994)
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (2002)
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА! (2003)
О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ (1983)
ГАММА (1976)
СБИВАНИЕ СОСУЛЕК (1999)
О ЕДЕ (2000)
РАННЯЯ ВЕСНА (2002)
Опять всё застыло? – Да нет, не скажи.
Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Кощей висел в углу чулана
ДЕСЯТЬ КРАТКИХ БИОГРАФИЙ (2001)
Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ (1990)
ОТ ИОНЫ (1986)
ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ... (1999)
Оскар Уайльд и Ерофеев Веня
Серебряное время. Слом эпох.

ПАМЯТИ Г. В. САПГИРА (1999)
ГОЛУБОЙ ПОДСОЛНУХ (30.07 – 10.08.2001)
БОЛЕРО (1998)
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ (2000)
Как сказать – тихо, или погромче?
ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ (1997)
Дело, может быть, совсем не в том,
ИГРА (1992)
ЗАВИСТЬ (1998)
БУКВЫ И ЦИФРЫ (2001)
ДОГОВОРЁННОСТИ (2002)
Палиндромы, анаграммы,
УЛЁТ МУЗЫ (2002)
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ (1985)
Качусь по родной икебане,
В понедельник каждый-всякий,

В ТРАМВАЕ (1988)
ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ (1989)
БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА (1988)
ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ (1988–1993)

10. (1988)
11. (1990)
12. (1990)
13. (1990)
14. (1990)
15. (ноябрь 1990)
16. (18 марта 1991)
17. (сентябрь 1991)
18. (декабрь 1993, инфляция)
СОВКИ И ЧАЙНИКИ (1993)
21 СЕНТЯБРЯ 1993 (21 СЕНТЯБРЯ 1993)
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ (1994)
Иллюзии! Куда попрятались?
По новой линии метро я еду до Арбата.
ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ (2001)
Москва! Пречистенка, Арбат!..
Секунды притворяются невредными,
Как игрушечка, нам космос упакован.
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК (1968)
БОЛЬШОЙ ГОРОД (2002)
Свобода, здравствуй! Наливаю чаю

Извилины – как ясли мысли.
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР (2002)

ГЛАГОЛЬ (2001)

КОНЕЦ СПИРАЛИ (2003)

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Как это я забыл о том,
В ностальгическом дизайне

ВЕСНА (1968)

ГОРОДСКОЙ РОМАНС (1995)

ОБМЕН (1997)

Я не живу с твоей карточкой,
Остановясь на полушаге,
Строчу привычно, весь блокнот исчеркал,
Между экватором и полюсом,
Постарел и в поликлинике я дышу едва-едва.
При помощи районной Айболитихи

ИГРОТЕКА (1986)

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ (2002)

О мои однокурсники!

Осиновый листик

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ (2003)

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ (1998)

СТИХИ ИЗ ЖИЗНИ

ИЗ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ (1987)

ИЗ ЖИЗНИ СЫЩИКОВ (1985)

ИЗ ЖИЗНИ ЯПОНЦЕВ (1986)

ИЗ ЖИЗНИ БРЮДЕР ГРИММОВ (1987)

ИЗ ЖИЗНИ ЮДОФОБОВ И СИОНИСТОВ

ИЗ ЖИЗНИ ПОЭТОВ (1985)

ИЗ ЖИЗНИ ГРАНДОВ (1987)

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАБВЕННОЙ ТЁТИ ШАРЛОТТЫ (90-е гг.)

ИЗ ЖИЗНИ КРЕДИТОРОВ (1999)

ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ (2000)

ДЕЛА (2006)

Забудь каток и колесо, историю и шар.

ПАУК И МУХА (2007)
ЭТЮД (2004)
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ (2008)
ПАРАД ПЛАНЕТ (2000)
Сегодня Коля был без Светы.
Как времена летят? – Как птицы.
Так. XXI столетье.
ОКТЯБРИ (2005)
КАЛЕНДАРЬ (2003)
КОНДОПОГА (2006)
ВЕК – МНОГОЯК (2006)
Я вхож в один кружок
ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО (1995)
ИЗ БУДУЩЕГО (2010)
ШТУКИ (2004)
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ (2008)
УРОКИ МУЗЫ (2005)
КУНШТЮК (1999)
ЗАВИСТНИК (2009)
ПЛАНКА (2010)
КОГДА-ТО... (2006)
26 МАЯ 1966 ГОДА (26.05.2008)
СВОБОДА ТЕПЕРЬ (2005)
Тропинкой, похожей на прочие,
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО (2007)
РЕЧКА СХОДНЯ (2004)
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ (2004)
Я (2005)
Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (2007)
ЗВЕРУШКА-66 (2008)
ЧАЙНИК (2010)
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ (2009)
Дорога прямая, и солнце блестит,

СКАЗКА (2008)

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ (2006)

РЕЧКА СХОДНЯ (2004)

БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ (2004)

Я (2005)

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ (2007)

ЗВЕРУШКА-66 (2008)

ЧАЙНИК (2010)

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ (2009)

Дорога прямая, и солнце блестит,
СКАЗКА (2008)

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ (2006)

ЗВУКОВОЕ

Луч – золотая игла на углу. Из угла
Цаца Тата чатится.

Кумиру строю капище.

Я хочу повеситься

Стихосложение – фигня, а проза – трали-вали...

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ (2010)

Шесть долгих лет я не вкушал еду.

ВОСПОМИНАНИЕ-86 (2004)

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ (2010)

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
ВОДА (2009)

ПУТИ-РАЗМЕРЫ (2008)

Душой я не то что молод, а просто зелен.

РАКУРСЫ (2009)

ЦМУКСУ

Начинается с любого

ТЯГУЧИЙ СЮЖЕТ (2007)

СЛОВО ЗА СЛОВО (2007)

Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты –

Дело, может быть, совсем не в том,

Не творец: исполнитель,

АВГУСТ (2005)

СТИШОК С ПОДВОХОМ (2009)

Ах, силлогизм, при чувстве – челядь,

Ах, пойти бы к тебе,
далёких звёзд лучи исходят нитями
НЕ ПО ЛЕТАМ УЖ (2008)
САФЕМАХ (2009)
СЕРДЦЕ-ВЕЩУН (2010)
ПИШИ ПРОПАЛО (2010)
ЛИЧКА (2010)
СЛУЧАЙ (1990)
КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ (1988)
НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА (2002)
Я УТЕШУСЬ (2008)
Что напрасно мечтать о Босфоре!
Если вынута рыбка... (2006)
КАК – ПРАВИЛЬНО? (2000)
ЦМУКСУ (2008)
ВСЯК (2011)
О, оторопь от разного прогресса,
СТАНСЫ (2009)
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ (1969)
МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ (2011)
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (2011)
Я выжил в хрупком мире чемоданном,
Я же вроде как Дон Аминадо:
Шёл Виталий в Капитолий,
КРЕДО (2012)
Всё хотите про жизнь, мол, как она?

ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК (1997)
МЕХМАТ (1962)
МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ (1963)
Интеллигент, и должен рефлексировать.
ГЕРАкл (03.,10.03.2007)
МАКЛАЙ (1988)
АНТОНОВКА (2012)
Свеча фаллическая жгла
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ (2011)
К ВОПРОСУ О ПИВЕ (1967)
ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ (2012)
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ (1988)
МЕММАКЕР (2005)
ИГРА С ВРЕМЕНАМИ ГОДА
ФЕВРАЛЬ (2012)

КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ (1967)
СНЫ КРЫШ (1965)
МАРТ (1998)
Нас залило дождём. Но разве это повод
25 СЕНТЯБРЯ (25.09.2001)
ЛИНИЯ ЖИЗНИ (1970)
ОТРЫВОК (2003)
ДЕЛЕНИЕ (2000)
ШТУЧКА (2011)
ЛУННОЕ (1969)
АЯ (1985)
БИОРИТМЫ (1988)
НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА (1988)
ДЕМОНЫ (1988)
ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ (1989)
ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ (1989)
ДУЧЕ ДАЧИ (2002)
АЛЕКСАНДР (2003)
БУРБАКИ И ДРУГИЕ (2005)
Не в Азию визу,
Я с одним старикашкой гутарил,
ТИПО СЕТОВАНИЯ (2013)
НЕОЖИДАННЫЙ КРАХ (2007)
КЛАУЗУЛА (2007)
ЧАСТИ РЕЧИ (1966)
ПАЛОЧКИ МАЭСТРО (2004)
ХОЛМС И ХАРМС (1989)
ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОВЕТУ (1992)
ЖАЛОБА (2004)
ОПЯТЬ ВСЁ ЗАСТЫЛО? (1995)
Когда идут к нам прямо в руки,
В ПЕРВЫЙ РАЗ — В ПЕРВЫЙ КЛАСС (1995)
ПОЕДИНОК (1989)
СВОБОДА ИЛИ ТАЛАНТ? (2004)
Мои стихи формальны, не душевны
ВОТ ЭТОТ ВОТ БЛОКНОТ³⁹ (2005)
ПРАЗДНИК ПРЯНИЧНЫХ БУКВ (1989)
В ожиданье транспорта позволим

---

³⁹ *подчёркнуты места, где читающий демонстрирует левой рукой слушателям то, о чём говорится в тексте, указывая на это пальцем правой руки. Указательным, естественно.*

НЕ КИРПИЧИ (1985)

В лирике поэзии ничуть не больше,
Понять, кто талант, кто бездарный

ПОЭТЫ (1985)

Голсуорси был Иван,

ПОЧИТАЛ СЕБЯ (2009)

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО (2004)

Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты —

КУНШТЮК

Время вдохновенья. Начинаю пенью.

Сажусь на своего конька

ПОЛЁТ (1998)

HARD & SOFT (2014)

киТЫ И Я (1999)

Ты лети, моя строка, дактиль-амфибрахий,

ГИМН ФОРМЕ (2013)

ПРОШЁЛ МИЛИЦИОНЕР (1965)

МИГ (1963)

СТИХИ В ВИДЕ КАРТОШКИ (1969)

ПОД СТУЛОМ СМЯТАЯ БУМАЖКА (1965)

УТРО (1966)

АТАКА (2008)

ВОСПОМИНАНИЕ (1997)

ОБРАТНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

ИЛИ FUTURE IN THE PAST (2001)

КОГОРТА МУЖЧИН (2008)

...О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ (2009)

Бессонница. Комар. Такая полоса.

БУХБАЛЛАДА (1995)

СТРИПТИЗЁРКА (2000)

СТАРЫЙ АНЕКДОТ (2013)

В ДЕРЕВНЕ (1967)

ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ (2013)

НАД НУЛЁМ ЮБИЛЕЯ (2002)

Когда луна была почти на

ВРЕМЯ БУКВЫ (LXII) (2004)

Катастрофически быстро старею.

Чахнет душа в усыпальнице смысла.

ПАМЯТИ А.Г. КУРОША (2000)

Вот переулочек

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА (2002)

Мы были русскими, евреями,
ГОЛОЛЁД (1987)
Есть такие человеки,
Ваше дело молодое: верить Богу.
Бедняцкое детство: цемент и песок.
Ещё вчера цвели цветочки,
МАЙ (2013)
ПО ЗАМКНУТОЙ СПИРАЛИ
НЕМНОГО ИСТОРИИ (1984)
В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ (1982)
Диалог, прерываемый стуком (1988)
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ (1973)
Там, где Герцен с Огарёвым
КОНФОРМИСТЫ (1977)
ПЛАТФОРМА... БОЛОТА (1985)
«Товарищ, я прозы не в силах сдержать! —
КОСА И КУВАЛДА (2008)
О ЕДИНСТВЕ РОССИИ (1992)
РЕТРОСПЕКТИВА 1984-1993
    I. 1984 (1984)
    II. А и Б (1987)
    III. ДРУЖБА НАРОДОВ (1990)
    IV. НОЧЬ (июль 1991)
    V. АВГУСТ-91 (18-19 августа 1991)
    VI. 21 СЕНТЯБРЯ 1993 (21 сентября 1993)
РОДИНА (1990)
Мороз. Застывают волны,
AFGHAN
1. ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ (1987)
2. ПРОЩАНИЕ (1988)
3. АФГАНЦЫ ИДУТ К НАМ (1989)
4. РЕЧЬ (1990)
ЗИККУРАТ (1996)
ВТОРОЕ МАРТА (02.03.2008))
В киоске в детской Семашке
По синей линии метро я еду до Арбата.
ГОРКА СЛОВ (2000)
Жизнь стрекошет, как компьютер, в ней лишь нет его ума.

ВПЕРЁД — К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ! (2013)
НОЯБРЬ (2013)
НАД СХВАТКОЙ (2013)
ДЕКАБРЬ (2013)
КОНЕЦ СПИРАЛИ (2003)
ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ (2014)
УГЛЕГЛАЗАЯ МГЛА
Ручек пенала лица
ЗВУКОВОЕ
Купола залатала игла как могла
Полили ли лилии, пилили ли липы,
«Молебен мобилен. Ломи, молибден!» —
Для встречи с вурдалаком
Папа пепел сыпал на́ пол.
Не будь добра до брака,
Шёл парфюмер в Парфенон:
Цаца Тата *чатится*.
От куска отпуска
Синяя мгла заволокла глаза,
В образы, как в образа я
Воскресным вечером, сверкая
У! (1980)
ПОХМЕЛЬНОЕ (2010)
САРЫНЬ НА КИЧКУ (2013)
SILENTIUM (2008)
Сборник песен Б.Г. на лотке уязвлённых книг
НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ (2011)
Много ль надо автору? — Только бы строка была.
Немудрёная молодёжь
ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ (2003)
Все цацки — к чёрту. Сослагатель од,
ПОПУГАЙНОЕ (2003)
Не то чтобы я раньше всё умел
ОСЕНЬ (2007)
Начинается с любого
На весёлой станции «Пролетарская»
Смешные слова прозвучат ли в ушах,
Шёл Виталий в Капитолий,
МОИ НАИПЕРВЕЙШИЕ ТОВАРИЩИ (2013)
СКРЫТНОСТЬ (2013)
Называйте меня графоманом.
СТАНСЫ (2013)

Не желаю быть ловцом человеков.
Из окружающего воздуха
СЛУЧАЙНОЕ СЛОВО (2013)
НОВЫЕ БУКВЫ (2013)
Всё вычислить: девушку, пламень, весло...
Робот это совершенство.
СОН ПОЖАРНОГО (2014)
— Нет времени, охоты,
То пучит, то пуляет стыдно в ухе,
ПАПА ЮЖИК (2014)
Пора. Пришёл срок
Нет слов. Ни одного. Какое-то урчанье
Я, как и Пушкин(!), а вернее, я, как
УРОКИ МУЗЫКИ (2014)
ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО (2014)
Когда без видимых причин
ГОРЕ ОТ УМА (2015)
ЯЩЕР (2015)
Холостой патрон решил жениться:
ЛАЙКИ (2016)
ВОЗРАСТНОЕ (2016)
ПАМЯТЬ (2016)
ПОТОМУ ЧТО (2016)
КТО-ТО ГЛОБУС ВЫКИНУЛ (2016)
К ВЕРЛИБРУ (2016)
В ПОТЁМКАХ (2016)
ФИГУРЫ СНА (2016)
Упали доллары, а также фунты лиха.
ДИДЖЕЙ (2016)
В ЭТОЙ СТРАНЕ (2017)
В ТРАМВАЕ (2017)
ГДЕ БЫ НИ БЫЛ Я (2017)
4-СТИШИЯ
Я человек простой и светский:
Долго кратковременный
Если в двери позвонят, отворю без гнева.
Снова маячат партком и завком.
Она ругала всех гуртом,
Мир безымянного полон вранья.
— У зámка кого там узнал по колготам?
Сказал евреям — мол, иду в мечеть,
Не в свои усевшись сани

ШПИОН (2007)

Покупка, продажа, обмен, ипотека —

БЕГ ЗЕБР (2012)

Весна. Почти что не осталось снега.

О Ася! Оглянись, как всё кругом прекрасно!

А что славы стяжал немного,

За окном 18. Дождь.

Сибарит брезгливо брёл, небрит.

Вурдалак урчал и фыркал,

Хирург, Асклепия союзник,

Я хотел бы быть масоном храбрым,

СЧИТАЛОЧКА ВОДИТЕЛЕЙ (2013)

БЛОКДОДЫР (2013)

КАК БУДТО (2013)

Вымыслил вымысел. Сел. Облысел.

Не ломалась игла, а кололась, нагла.

Пой, гармошка голосиста!

Стихотворцев приличных пруды пруди,

Я, как газ, влетаю в лоно

Что ни слово, то лягушка или, может быть, змея.

Я — бесперебойный источник питания.

Чужды роботам манеры:

Она засыпала над пьесой «Гроза»,

САЛОН КРАСОТЫ (2014)

Бредущим в гору полагается петь.

Мы на свободе, как в самоволке.

Давно когда-то поэта нимбом

КСТАТИ О ПТИЧКАХ (2016)

В стихах ещё не разуверюсь,

Внимая стихотворным строчкам

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО (2014)

Когда без видимых причин

ГОРЕ ОТ УМА (2015)

ЯЩЕР (2015)

Холостой патрон решил жениться:

ЛАЙКИ (2016)

ВОЗРАСТНОЕ (2016)

ПАМЯТЬ (2016)

ПОТОМУ ЧТО (2016)

КТО-ТО ГЛОБУС ВЫКИНУЛ (2016)

К ВЕРЛИБРУ (2016)

В ПОТЁМКАХ (2016)

ФИГУРЫ СНА (2016)

Упали доллары, а также фунты лиха.

ДИДЖЕЙ (2016)

В ЭТОЙ СТРАНЕ (2017)

В ТРАМВАЕ (2017)

ГДЕ БЫ НИ БЫЛ Я (2017)

4-СТИШИЯ

Я человек простой и светский:

Долго кратковременный

Если в двери позвонят, отворю без гнева.

Снова маячат партком и завком.

Она ругала всех гуртом,

Мир безымянного полон вранья.

— У замка кого там узнал по колготам?

Сказал евреям — мол, иду в мечеть,

Не в свои усевшись сани

ШПИОН (2007)

Покупка, продажа, обмен, ипотека —

БЕГ ЗЕБР (2012)

Весна. Почти что не осталось снега.

О Ася! Оглянись, как всё кругом прекрасно!

А что славы стяжал немного,

За окном 18. Дождь.

Сибарит брезгливо брёл, небрит.

Вурдалак урчал и фыркал,

Хирург, Асклепия союзник,

Я хотел бы быть масоном храбрым,

СЧИТАЛОЧКА ВОДИТЕЛЕЙ (2013)

БЛОКДОДЫР (2013)

КАК БУДТО (2013)

Вымыслил вымысел. Сел. Облысел.

Не ломалась игла, а кололась, нагла.

Пой, гармошка голосиста!

Стихотворцев приличных пруды пруди,

Я, как газ, влетаю в лоно

Что ни слово, то лягушка или, может быть, змея.

Я — бесперебойный источник питания.

Чужды роботам манеры:

Она засыпала над пьесой «Гроза»,

САЛОН КРАСОТЫ (2014)

Бредущим в гору полагается петь.

Мы на свободе, как в самоволке.

Давно когда-то поэта нимбом
КСТАТИ О ПТИЧКАХ (2016)
В стихах ещё не разуверюсь,
Внимая стихотворным строчкам